

Новая жизнь

Елизавета Дворецкая

Юрий Погуляй

16+

реализм - мистика - фантастика - фэнтези

Главный редактор

Белка Елена

Литературный редактор

Найко Елена

Дизайн, верстка

Ула Сенкович

Художник

Лев Елена

кот ворчун

Akrotiri (Marika Stanovoi)

Редактура

Найко Елена

Корреспонденты

Samuel Haruspex Damey

Рунгерд Яна

Сенкович Ула

Обложка h-studio

[flickr.com/photos/h-studio/](https://www.flickr.com/photos/h-studio/)

Помощники

bbg Борис

Норепвел Надежда

Kartusha

kxmer

NeAmina

Senior Nikto

Анакина Анна

Армант, Илинар

Венордо Елена

Волкова Татьяна

Ворон Ольга

Демин Михаил

Липова Марфа

Михайлов Данила Романович

Некрасова Лена

Пышкин Евгений

Радуга Ксения

Романовская Ольга

Рунгерд Яна

Сатин Георгий

Стеклянный ёж

Танова Ильяна

Тигра Тиа

Хитрый ёж

Хрустальный Феникс

Шани

Юррик

Слово редактора

Фото h-studio

Новая жизнь.

Первый крик новорожденного, нежданная встреча, меняющая всё, бескомпромиссная решимость начать заново со следующего понедельника... Она начинается с дружелюбной улыбки, скромного «да», с бесшабашности выпускного вечера или с обычной прогулки по парку.

В этом номере мы собрали истории о зарождении и переменах, о сложном выборе и судьбоносных последствиях. И надеемся, что каждый найдёт здесь для себя что-то близкое.

Желаем приятного чтения и поздравляем всех с наступающим Новым годом. Пусть он принесёт радостные мгновения, исполнение заветных желаний и откроет для вас новую жизнь.

Жайко Елена

© 2013. Writercenter.ru. Все авторские права защищены законом. «Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю. Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза.

Сказка

26 Анна Пан. Ми

Мистика

36 кхтег. Рассказ без названия

38 Венордо Елена. Новая жизнь

Реализм

42 Тори Тамари. Всего лишь люстра

46 Разов Олег. Лыков

52 Белка Елена. Свой ангел или место в раю

Фэнтези

68 Шани. Горечь солнца, прохлада меда

76 Погуляй Юрий. Держись, брат

80 Ворон Ольга. Песнь Ноемгары

92 Богатырева Татьяна, Эрн Хэл. Love me tender

Фантастика

98 Джинн. Сортировка

104 Чудовище Джет. Безвестный край

112 Ван-Шаффе Александрина. Зойкин и Бой

122 Братья Seniza. И больше никаких зоомагазинов

128 Борис Богданов. Предназначение

138 Бойков Владимир. Арахнофилия

Поэзия.

- 25 Татиивская Елена (Алоната)
Анна Пан
- 41 Рунгерд Яна
- 57 Армант, Илинар
- 66 NeAmina
- 97 Анна Хайм
- 142 Leshik Birich
Менялов Роман
- 143 Рожкова Елена

ИМХО

- 6 Samuel Haruspex Damey. Жизнь книги

Представляем

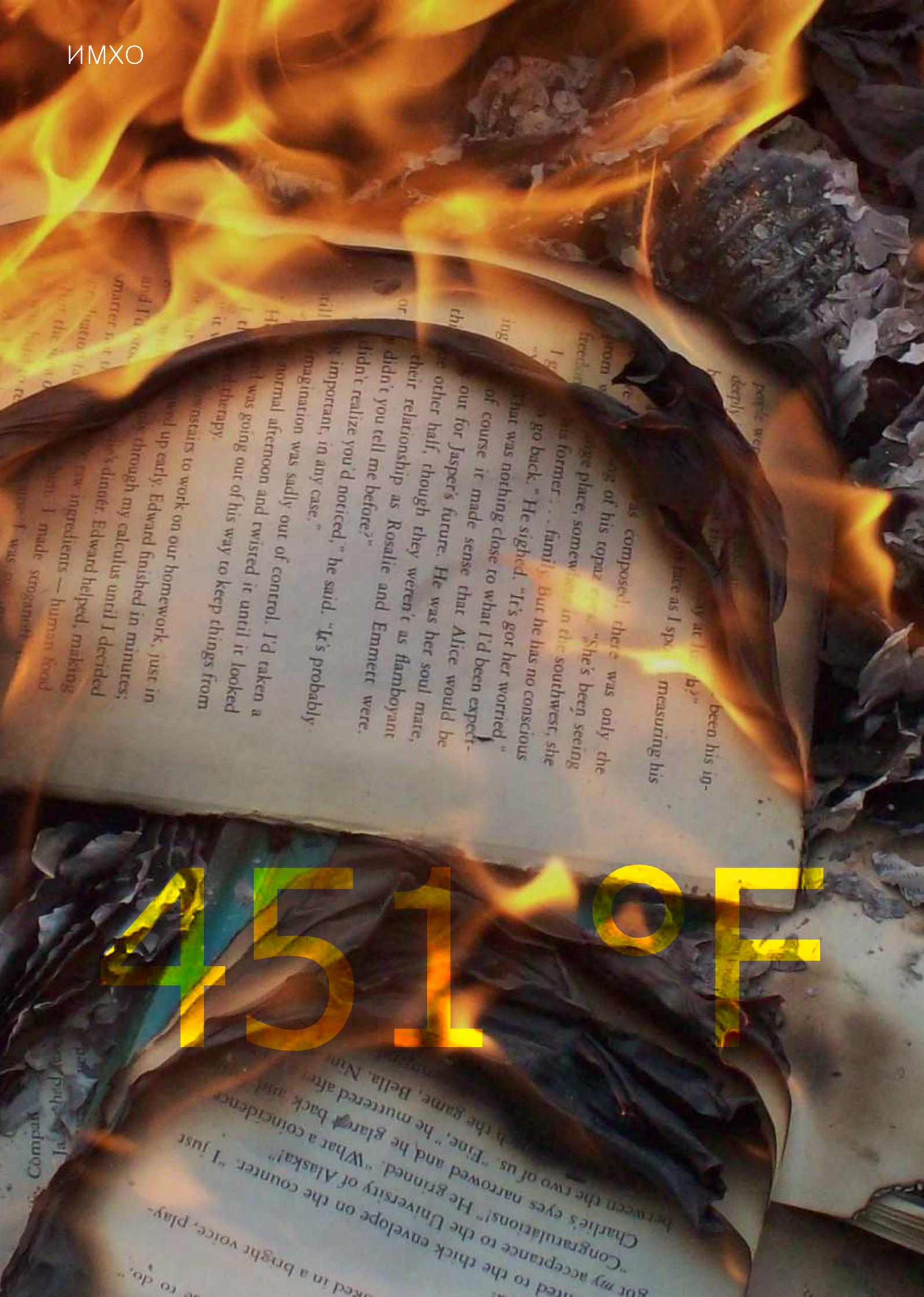
- 8 Рунгерд Яна. Интервью с Елизаветой Дворецкой
- 16 Ула Сенкович. Интервью с Юрием Погуляем
- 58 Ула Сенкович. Интервью с Оксаной Ветловской

На десерт

- 145 Меллори Елена. Новая жизнь

Каталог

- 146 "Мастерская писателей"©. Произведения наших авторов

451 OF

... people were deeply
 ... been his in-
 ... face as I spoke, measuring his
 ... as composed; there was only the
 ... of his ropaz eyes. "She's been seeing
 ... former... family. But he has no conscious
 ... go back." He sighed. "It's got her worried."
 ... that was nothing close to what I'd been expect-
 ... of course it made sense that Alice would be
 ... out for Jasper's future. He was her soul mate,
 ... the other half, though they weren't as flamboyant
 ... their relationship as Rosalie and Emmett were.
 ... didn't you tell me before?"
 ... didn't realize you'd noticed," he said. "It's probably
 ... important, in any case."
 ... imagination was sadly out of control. I'd taken a
 ... normal afternoon and twisted it until it looked
 ... and was going out of his way to keep things from
 ... therapy.
 ... downstairs to work on our homework, just in
 ... and up early. Edward finished in minutes;
 ... through my calculus until I decided
 ... dinner. Edward helped, making
 ... ingredients — human food
 ... I made stroganoff.

... worked in a bright voice, play-
 ... "I just
 ... "Congratulations!" He grinned. "What a coincidence
 ... between the two of us." "Fine," he muttered after
 ... the game, Bella. Nin
 ... "Charlie's eyes narrowed and he glared back and
 ... "Got my acceptance to the University of Alaska!"
 ... "Congratulations!" He grinned. "What a coincidence
 ... between the two of us." "Fine," he muttered after
 ... the game, Bella. Nin
 ... "Charlie's eyes narrowed and he glared back and
 ... "Got my acceptance to the University of Alaska!"

Compak
Jade had a
wed

Жизнь книги

У этой книги есть поры, она дышит. У неё есть лицо. Её можно изучать под микроскопом. И вы найдёте в ней жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своём разнообразии.

Рэй Брэдбери «451 по Фаренгейту»

Можно ли сказать, что книга — жива? Сложный вопрос. Книга рождается... Из мыслей, из воспоминаний и предположений, из решений и сожалений. Рождается из мимолетных взглядов и долгого созерцания, из озарений и глубокого размышления. Джонатан Свифт считал книги детьми разума. И небезосновательно. В знаках, символах, в предложениях, сюжетах и идеях мы записываем себя, свои мысли, ощущения и отношение к жизни. Мы и являемся той отправной точкой, из которой приходит книга.

Книги, как и люди, рождаются разными: умными или глупыми, веселыми или грустными, легкими к чтению и не очень, глубокими и приземленными. Все книги отличаются друг от друга, даже если на первый взгляд кажутся очень похожими. Каждая заново рассказанная история, к примеру, о Золушке, отличается если не фабулой, то глубиной, героями, нестандартным взглядом на проблему. Ничто не ново под луной и в то же время ничто не остается неизменным.

Но вот книга закончена. Поставлена последняя точка, высказаны все мысли, старые и новые идеи изложены. Можно ли сказать, что книга родилась? Вряд ли. Она пребывает еще в коконе, в яйце, под твердой скорлупой, скрытая от мира. Жизнь — это движение, изменение и создание себе подобных, это преображение окружающих и себя самого. Пока книга не прочитана, она еще не родилась. Она мертва. Какой бы глубокой ее ни создали, какие бы мудрые мысли в нее ни вложили, сколько бы граней и оттенков бытия в ней ни раскрывалось, пока она — всего лишь возможность, стопка листов на столе или набор кодов в файле.

Жить книга начинает с первым читателем.

Дорога возникает под ногами идущего, а книга — в руках читающего ее.

Так начинается новая история. Знаки и символы изменяют нас, позволяют жить и умирать вместе с героями, задумывать новое дело и завершать его. Книги влияют на сознание, учат нас и заражают идеями. И книга изменяется от читателя к читателю, ведь каждый видит в ней что-то свое, читая о близком, понятном и словно давно позабытом. Жизнь и опыт наслаиваются на восприятие, преображая твердую незыблемость написанного в чудесный и полный жизни мир.

Но не каждая книга может стать полноценной, вознестись на вершину жизни. Одни истории приходят и исчезают неслышными тенями, оставляя по себе лишь смутные воспоминания. Другие вспыхивают искрой в темноте, яркой и слепящей. Некоторые горят неугасимым огнем, а единицы становятся спичками, разжигающими разрушительные пожары. У каждого произведения свой путь. Как говорил Гюго: «Творец книги — автор, а творец ее судьбы — общество». Именно читатель и определяет, чем станет книга в конечном итоге — величайшим триумфом или величайшим поражением, вспыхнет ли она яркой звездой на небосводе человеческого разума или угаснет в темноте без следа.

Жива ли книга?

Наверное, она живет до тех пор, пока ее читают, пока есть те, кто ищет и находит в ней ответы. Без читателя даже огромная библиотека — всего лишь кладбище идей. Если думать шире — каждый читающий в некотором роде «живая» книга, подобная Монтегу-Экклезиасту из «451 градус по Фаренгейту». Конечно, мы не помним дословно все прочитанные книги, но все же несем в себе суть, дух этих историй, храним в сердце память о них.

Жива ли книга?.. Пока живы мы, читатели, — да.

Samuel Haruspex Damey
writercenter.ru/profile/garuspik/

Елизавета Дворецкая

Первые четыре романа Елизаветы Алексеевны Дворецкой были опубликованы в 1997 году: «Ветер с Варяжского моря», «Огненный Волк», «Оружие скальда» и «Стоячие Камни». Е.А.Дворецкая - автор циклов «Князя леса», «Корабль во фьорде», «Лес на той стороне», «Рюрик», «Огнедева». На данный момент у автора в копилке 54 издания.

— Первый вопрос традиционный: Вы помните, как именно начали писать? Что стало катализатором для творчества?

— Очень хорошо помню. Когда мне было 14 лет, к нам домой однажды принесли пишущую машинку, механическую. Для нынешних молодых людей этот предмет стоит где-то рядом с патефоном, но домашних компьютеров тогда не было. Мне захотелось чего-нибудь попечатать, я заправила в машинку тетрадный листик в клеточку и начала записывать сюжет одной игры в виде рассказа. И обнаружила, что никак не могу остановиться: герои все разговаривали и разговаривали между собой, их реплики просто сыпались мне в голову. Эта игра в письменном виде оказалась настолько увлекательной, что не могу остановиться вот уже почти тридцать лет.

— Почему основой для Вашего творчества стал именно славянский и скандинавский миф?

— Тема славянского язычества меня интересовала буквально с раннего детства. Я хорошо помню случай, который, можно сказать, определил мою судьбу: мне было три года, когда бабушка повела меня в музей Васнецовых. И когда я увидела на большой картине Спящую Царевну, а вокруг нее служанок, заснувших кто где, у меня в душе вдруг ожил целый мир, которого я вроде бы не знала, но который всегда там был. Звучит довольно пафосно, но я думаю, что это и есть генетическая память. А будучи однажды активизированной, она дальше пошла разворачиваться шире и шире.

Естественно, что мне было интересно писать о дохристианском периоде жизни нашего народа, а в период образования Древнерусского государства его жизнь была так тесно связана со скандинавами, что их сложно изучать отдельно друг от друга. К тому же скандинавы обладают чрезвычайно красивыми и захватывающими памятниками древней язы-

ческой литературы. Для меня славяне и скандинавы, в общем, две стороны одной монеты.

— Расскажите историю издания самой первой книги. Как вы отправили ее в издательство, что при этом чувствовали?

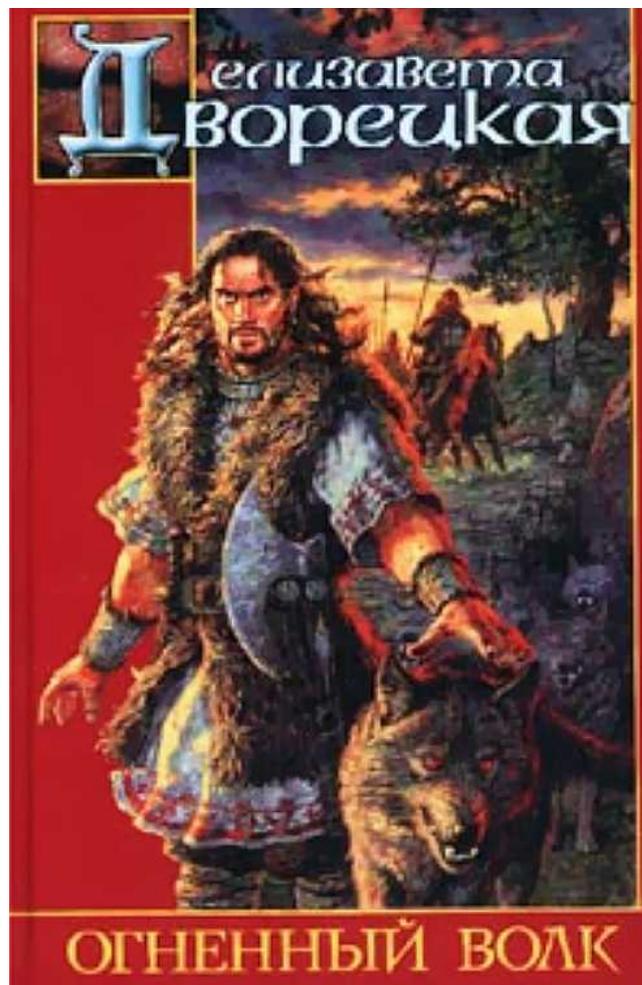
— Надо сказать, что передо мной никогда в жизни не стояло задачи "стать писателем", и никогда я не хотела "быть писателем". Поняв, что у меня получается создавать связные тексты, я устремилась к тому, чтобы написать настоящую книгу, которую будет интересно читать каким-то людям и помимо моих ближайших родственников. И прошло 12 лет, прежде чем я стала думать, что вот, может быть, что-то похожее получилось. В это время, в 1995 году, издательство "Терра" выпускало серию "Викинги", где были собраны разнообразные художественные произведения на данную тему, и один из моих первых романов, "Ветер с Варяжского моря", хорошо по своему содержанию туда подходил. Но сначала надо было найти контакты, что в эпоху, пока еще не было интернета и своего сайта у каждого табачного ларька, тоже было отдельной задачей.

Хорошо помню, как ходила в фирменный магазин "Терры" и просила найти мне телефон издательства. Потом мы с моим папой распечатали роман и отнесли. Тогда еще романы не слали по электронной почте, а носили в трехкилограммовых папках. Папа мне очень тогда помогал, поддерживал мою веру в себя как писателя. Хорошо помню "телефонный звонок, изменивший мою жизнь", как пишут американские авторы. Редактор серии позвонила и сказала, что роман они берут, и пригласила подписать договор. Правда, восторженного упоения я не испытывала, поскольку из природной осторожности ожидала всевозможных затруднений и разочарований. И сейчас, 18 лет спустя, я знаю, что договор — это всего лишь договор... Но все складывалось хорошо, и за первый год у меня вышло четыре книги в трех разных издательствах: "Терра", "Азбука" и "Русич" из Смоленска.

— Когда Елизавета Дворецкая стала Заветой? Как Вы относитесь к тому, что сейчас у каждого человека появляется по несколько имен/ников?

— История имеет два начала. При написании романа "Огненный волк" в 1996 году у меня мелькнул эпизодический персонаж — бабка Завета. Откуда тогда это имя у меня в голове взялось, не знаю. А второй раз оно возникло, когда я подбирала себе первый в жизни электронный адрес: нужен был какой-то вариант имени Елизавета, еще не занятый. А уж когда оно возникло, я поняла, что это самое подходящее для меня имя вообще. Тем более что в среде исторической реконструкции оно нашло применение. Вообще, я считаю, каждый человек имеет право выбрать себе имя, не ограничиваясь тем, которое ему дали при рождении: выбранное самостоятельно гораздо точнее отражает внутренний мир человека, не говоря уж о том, что оно оригинальнее! Мне нравится современная манера записывать имя и прозвище/ник одной строкой — это выражает уважение и к документальной стороне, и к собственному выбору человека.

Художник Антон Ламаев

— **Вы занимаетесь реконструкцией раннего средневековья. Что это дает вам-автору?**

— Преимущества занятий исторической реконструкцией для исторического писателя очевидны: это дает массу информации и опыта по выбранной теме. Если автор сам носит такую же одежду, как его герои, умеет держать в руках те же предметы, которыми они пользовались в быту, это делает их гораздо ближе и понятнее. Способствует углубленному, а не поверхностному пониманию и материальной, и духовной культуры эпохи, и всего уклада жизни.

Существуют расхожие литературные штампы, что будто бы меч извлекается из ножен "с лязгом" или "кольчугой он звенит". Но если регулярно видишь викинга в кольчуге и прочем снаряжении, то хорошо знаешь, какие части его снаряжения звенят на ходу, а какие нет...

К тому же историческая реконструкция дает круг общения, где можно получить ответы почти на все возникающие вопросы и материального, и чисто психологического плана.

— **В чем, по Вашему мнению, чаще всего ошибаются авторы, которые хотят использовать в своем произведении славянскую тематику? На что им следует больше обращать внимания?**

— Все ошибки рождаются из плохого знания материала. Диву даешься, как мало люди, пишущие на какую-то тему, используют огромные современные возможности. Такое впечатление, что многие авторы до сих пор используют в качестве источника фильма типа "Садко" и "Александр Невский", вместо того чтобы изучать огромный материал, накопленный исторической наукой, да и опыт той же исторической реконструкции.

Если уж вы взяли писать о славянах и викингах, всегда же можно приехать на фестиваль и посмотреть, как они между собой сражались. А не описывать из воображения сцену поединка в выражениях типа: "Лязг клинков! Летящие искры! Яростный взгляд!" Узнать хотя бы, что клинок не принимается на клинок, ему это очень вредно, для этого щит есть!

Не можешь поехать — посмотри ролики в

интернете. Зайди в группу или на форум, найди себе консультанта, который знает и умеет больше тебя. Сейчас поиск информации колоссально облегчен, и все равно люди этим не пользуются. И пишут ерунду. А с духовной культурой и славянским язычеством вопрос многократно более сложный

— **Славянские мотивы можно встретить в произведениях довольно часто. Но, как правило, авторы обыгрывают только внешнюю сторону: имена, названия, какие-либо сказочные ситуации. Что, по-Вашему, хуже: отсутствие русских сказочных и мифологических персонажей в фэнтези, или вот такое их использование без понимания?**

— Лучше ничего, чем "Конан в кафтане". Безграмотные поделки, где героям типичного сюжета о борьбе с Властелином Черных Кактусов присваиваются славянские имена и в дело замешиваются лешии да кикиморы, приносят больше вреда, поскольку портят репутацию всего направления. У читателя возникает вполне оправданное предубеждение, преодолевать которое потом трудно.

— **А может быть лучше, чтобы они были — люди хотя бы так о них узнают? А потом уже заинтересуются, пойдут читать более серьезные источники?**

— О существовании леших и Кощеев наш человек и так знает. И лучше знакомиться с ними по народным сказкам, где эти образы даны во всей их архаичной силе, не ополщены "облегченным стилем".

— **Книг, которые можно по праву назвать славянским фэнтези довольно мало. Можете ли Вы назвать нескольких авторов, которые, по вашему мнению, пишут достойные книги на данную тематику?**

— Не могу вспомнить никого, кто бы мне действительно нравился. Но это и понятно: у каждого автора свой специфический взгляд и вкус, свои представления об эпохе, рядом с которыми остальные кажутся хоть в чем-то "неправильными". Но я ведь читаю далеко не все, может, что-то достойное просто осталось мне неизвестным.

— Как Вы считаете, если используешь этнические или этнографические мотивы, что важнее: как можно подробнее описать матчасть, или больше внимания уделить отношениям, поступкам героев в рамках выбранной системы ценностей и общему духу произведения? Что дает то непередаваемое ощущение настоящего, правильного мира?

— Мы же пишем роман, а не пособие по ручному ткачеству. В хорошем романе жизнь должна быть дана в естественной гармонии внешнего и внутреннего. Не нужно целиком описывать все процессы обработки льна, нужно выбрать несколько ярких деталей и поместить их в такое место, где они заиграют, создадут нужное впечатление.

Если по ходу дела описывается какой-то праздник или трудовой процесс, здесь же должен двигаться в заданном направлении и сюжет, и развиваться внутренняя жизнь героев. Тогда и будет ощущение живого мира, а не этнографического музея.

— В одной из своих записей Вы упоминали, что сейчас ваши взгляды на мир своих книг (Князь леса, Лес на той стороне) изменились. Что стало причиной и каковы изменения?

— Я имела в виду понимание исторического процесса и мифологии. Постоянно идут исследования, пишутся книги, я их читаю, приобретаю новые сведения, а из них может возникнуть новое понимание когда-то уже изученных вопросов.

Например, представлений об общественном устройстве славян догосударственной эпохи, какие-то мифологические моменты. Ничего в этом ужасного нет, это нормальный процесс познания. Вчера мне принесли с археологической конференции толстенную книгу И.И. Еремеева и О.Ф. Дзюбы "Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки". Там как раз тот археологический материал, который мне нужен по основному направлению моих интересов. Более чем вероятно, что по изучении 650-ти страниц этой книжицы я и еще на многие вопросы начну смотреть по-другому. И поделюсь с читателями.

Фото Мария Горшенина

— Две Ваши книги были изданы под мужским псевдонимом. Что Вам дал этот опыт? Какую позицию Вы занимаете в спорах по поводу гендерной принадлежности авторов?

— Мужской псевдоним мне предложил взять издатель, который вел политику "только авторы-мужчины". Чисто маркетинговый ход. Моих чувств это вообще никак не затронуло. Умные люди понимают, что женщины тоже умеют хорошо писать, а кто говорит "я женщин не читаю" — его право выбора, пусть не читает.

— Кто появился раньше — писатель или редактор? Влияют ли эти две профессии друг на друга в Вашем случае? Какое это влияние — положительное или отрицательное?

— Работать как редактор я начала лет во-

Представляем

семь назад. С одной стороны, в процессе редакторской работы я повышаю свою собственную грамотность и учусь обращать внимание на стилистические тонкости, которых сама раньше не знала. А с другой стороны, богатый писательский опыт изложения своих мыслей в письменной форме позволяет "помогать" авторам, которые вот что-то такое имели в виду, но не знали, как выразить.

К тому же работа редактора порой бывает поистине творческой: если имеешь дело с совсем уж безграмотным автором или из рук вон плохим переводом, текст фактически пишешь заново: пытаешься понять, что автор имел в виду, и пересказываешь смысл своими словами, но грамотно. Это чем-то сходно даже с чтением чужих мыслей, которые тебе нужно облечь в слова. Такая работа воспринимается как настоящее приключение!

— **Одной из отличительных особенностей Ваших книг является отсутствие**

противостояния добра и зла. У Вас нет отрицательных героев — действия каждого персонажа объяснимы, понятны и не вызывают вопросов. Это был сознательный выбор, или они такими появились на свет?

— Видимо, это идет из убеждения, что ничто на свете не появляется просто так, все имеет свои причины. Поступки, дурные с точки зрения пострадавших, для совершившего их оправданы и даже необходимы. И без выявления причин поступка мы не сможем всесторонне рассмотреть конфликт. И да, я никогда не верила в абстрактное добро и зло, а поэтому и конфликт типа "Властелин Черных Кактусов из чистой вредности хочет захватить мир" для меня всегда были невозможны.

— **Какова доля «холодного разума» и авторского наития (и прочих тонких материй) при создании сюжета, героев, написании книги?**

Фото Роман Храмовник

www.ulvgard.ru

— На этот вопрос трудно ответить определенно. Я не придумываю свои книги, я их рассматриваю. Это вроде кино, которое показывают у меня в голове, и я вглядываюсь в картины, лица, события, пока не пойму, как там все концы с концами связаны. Я не решаю, в какую сторону направить сюжет, а просто чувствую, где будет правда, а где нет. Чтобы понять, где здесь разум, а где наитие, надо разобраться вообще во всем механизме творческого мышления, а это, говорят, пока еще науке не удалось. Тем не менее, чем лучше писатель знает свой предмет, тем яснее ему "показывают кино".

— Скажите, читаете ли Вы критические отзывы на свои книги? Как Вы к ним относитесь? Используете ли что-то в работе?

— Критики практически не читаю, только если кто-то ссылку пришлет, а сама я никогда не мониторю интернет на предмет отзывов обо мне. Отношусь спокойно: хвалят — хорошо, что кому-то пошло на пользу, ругают — ну и ладно, нельзя же всем нравиться.

— Сейчас, во времена Интернета, авторы стали намного ближе к читателям. Важна ли для писателя прямая связь с читателем, или это не обязательная, а иногда и вредная часть творческого процесса?

— Важна ли для писателя прямая связь с читателем, зависит, пожалуй, от целей, ради которых писатель пишет. Если это писатель коммерческий и для него важнее всего продажи, которые зависят от его способности нравиться — тогда конечно, такой может и голосование среди читателей устроить, кому из героев на ком жениться и кому умереть. А если автор стремится прежде всего поделиться своими знаниями и мыслями, то ему, в целом, вообще все равно, нравятся они кому-то или нет. Но всегда приятно, если нравятся.

— Что, по Вашему мнению, для писателя важнее: его внутреннее чутье, или некое стороннее мнение? К чему следует прислушиваться? Согласны ли Вы с тезисом, что даже неплохой совет понимающего человека далеко не всегда полезен для конкретной книги?

— Решать всегда должен автор. Лучше него никто не знает, что и как должно быть в книге, потому что упомянутого "кино" кроме него никто не видит. Все остальные видят уже текст. И основная работа писателя в том и состоит, чтобы впечатление, оставляемое текстом у постороннего читателя, максимально соответствовало впечатлению от его внутреннего "кино". Никто ему в этом не поможет. Советы хороши для конкретных деталей, если автор считает кого-то более компетентным в некой области знаний, чем он сам. Но эти чужие знания должны лишь помочь ему яснее видеть свою задачу.

— Как Вы относитесь к развлекательной литературе? Должна ли книга в обязательном порядке нести в себе глубокую философскую идею?

Представляем

— Хорошо отношусь. Мозгам тоже надо порой отдохнуть. Книги тоже должны соответствовать своим целям: серьезные дают уму пищу, легкие — отдых. Главное, чтобы написано было хорошо.

— **А Ваши книги скорее развлекательные или несут в себе и идейную составляющую (хотя грань часто размыта, многие замечательно интересные книги имеют и много интересных мыслей).**

— Если задумать о цели, то скорее все-таки идеи, чем просто развлечение. Но мне самой же интересно, когда сюжет активно развивается. В этом отношении я стремлюсь к гармонии того и другого.

— **Часто можно встретить мнения, что, если автор заранее думает о том, чтобы его книгу читали и издали — это не "на-**

стоящее творчество", а автор должен писать, не учитывая внешний мир и проч. Что вы думаете по этому поводу?

— Опять же, бывает коммерческий автор, который пишет ради того, чтобы издали и купили. Если же говорить о тех, кто пишет в первую очередь ради собственного удовольствия, то он, пожалуй, должен выражать идеи, которые сам считает нужным, но максимально доходчивым образом. Читатель не обязан ломать голову над чьей-то заумью и тем более продираться через дремучий стиль. Если автор хочет быть понятным, то сам должен ради этого постараться.

— **В своем блоге Вы иногда пишете о том, как издательства требуют что-либо изменить в книгах. Насколько вы готовы следовать их желаниям?**

— Эти требования, слава богу, никогда не бывают слишком обременительны. И увеличения объема, и сокращения, сделанные по просьбе издателей, всегда, как я сама считаю, в итоге шли на пользу книге (кроме одного случая, когда роман пришлось сократить на целую четверть, и это издание я считаю неполноценным.) В стиль, идеи, сюжет издатели никогда не вмешиваются.

— **Когда читаешь Ваш блог, невольно думаешь о том, что было бы невероятно интересно почитать нефэнтезийную книгу с вашей фамилией на обложке. Вы задумывались об этом? О чем была бы эта книга?**

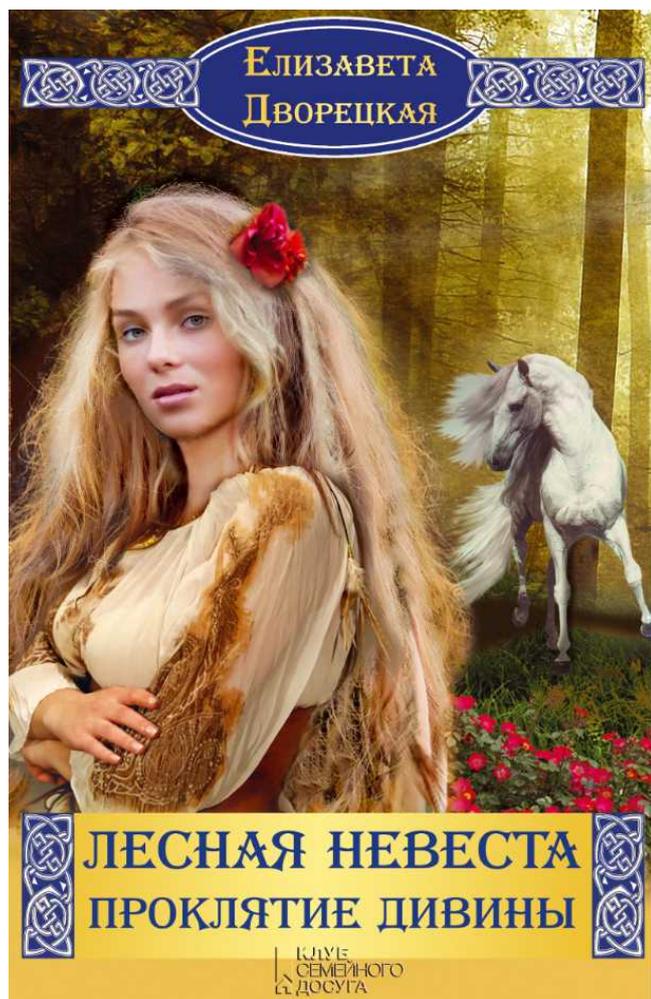
— Всерьез, пожалуй, не думаю об этом. В наше время, как мне кажется, уже нет или совсем нет "просто романов" о современной жизни, это всегда или детектив, или "любовный роман", или что-то столь заумное, что и не проберешься. Детективы я точно писать не хочу, да и "чисто любовный" сюжет надо подкреплять какими-то фактурными приключениями, иначе кто же это будет читать? Пока даже не знаю, какую книгу на современном материале я могла бы написать, чтобы было интересно и мне, и читателям.

— **Что Вы считаете своим главным достижением?**

— То, что люди стали называть своих де-

Фото Елизавета Тимошина

— Какую книгу Вы сейчас пишете или планируете писать в будущем?

— Пишу книгу, которая будет непрямым продолжением "Леса на Той Стороне" и "Ночи Богов", посвященной в основном теме волхования.

— Издание каких книг мы можем ожидать в ближайшем будущем?

— Издать в предстоящий год обещают "Лесную невесту-2" (Проклятье Дивины) и "Огнедеву-4". Продолжение "Битвы колдуньи" и переиздание "Сокровища Харальда" тоже в планах, но пока без конкретики. А еще у меня есть "Огнедева-5" и "Краса Дании", роскошный роман про Харальда Синезубого, законченный этой весной. Всячески добиваюсь, чтобы его включили в план.

— Что Вы пожелаете человеку, который еще только пробует свои силы в литературе?

— Чтобы не ошибся в себе и не тратил время на безнадежное дело. Если ему суждено быть писателем, он справится.

Беседовала Рунгерд Яна

тей именами героев моих книг, которые я сама придумала. На свете существует уже не менее пяти маленьких Огнеяров, и это только те, о которых я знаю. Думаю, это очень важный показатель того, что мои книги попадают "в жилу" читательских потребностей. Ну и заодно обновляют наш стандартный именовослов в духе древних славянских традиций. Имя реального человека, которое он будет носить в реальной жизни, стоит многих изданий.

Елизавета Дворецкая
vk.com/id85228097

Рунгерд Яна
writercenter.ru/profile/iojeg/whois/

Юрий Погуляй

Первый фантастический рассказ Юрия Погуляй «Замок Бренда» был опубликован в 2003 году в журнале «Порог», а в 2004 году в издательстве «Альфа-Книга» вышла книга «Команда». Всего издано восемь книг («АСТ», «Альфа-Книга», Издательский Дом Ленинград). Последняя изданная книга «Мечь ледовой гончей» (продолжение «Компаса черного капитана») появилась в продаже месяц назад.

— Как давно Вы начали писать? Расскажите о первом тексте, который Вы признали достойным печати.

— Достойным печати... Непростой вопрос. Я никогда не знаю, что у меня получилось. Искренне завидую тем, кто, написав что-то, однозначно уверен в том, что это действительно круто и достойно. Я человек сомневающийся. И даже когда очередной рассказ или книга выходит на бумаге — не могу сказать четко, достоин ли он печати или нет. Конечно, в глубине души хочется надеяться, что достоин. Но... Черт его знает.

А писать, как и многие, начал ещё в детстве: рыцари, байкеры, инопланетяне, секретные агенты. Даже интересно было бы почитать то, что тогда вырвалось на бумагу. Посмеяться, так сказать.

— Вы сохранили старые тексты?

— Нет, они все сгорели в печке на даче. Даже не вспомню, отчего я их спалил... В каждом из нас таится свой Гоголь.

— Какое произведение оказалось везучим — не попало в печь? Или это уже были электронные тексты, и жечь их оказалось затруднительным?

— Много таких текстов было. Я очень много рассказов писал. Детские сгорели все.

Подростковые утеряны. В живых остались только те, что сохранил интернет. Какие-то хранились на старых жестких дисках, но те сначала осели на полке, а затем перебрались в помойку вместе с этими самыми работами. Некоторые из них даже были опубликованы в «Пяти углах».

— Расскажите о первом романе, который был издан. Как возникла идея «Команды»? Это было Ваше первое крупное произведение?

— Нет, «Команда» была вторым крупным произведением и родилась в одном из туристических походов. Сама «Команда» состоит из нескольких повестей, объединенных лишь героями, но начало ей положила повесть «Эпизод 5. На кого Бог пошлет или Дорога». Практически дословное описание того похода с фантастическим элементом. Остальные части написались уже позже, по просьбам и благодаря интересу „главных героев“ самого главного эпизода.

И я хотел бы отметить, что, наверное, не стоило издавать этот роман. Да, есть читатели которые его любят, но сам я отношусь к нему не очень хорошо. Он искренний, он совсем не ремесленный, но брызжет подростковой наивностью и максимализмом. „Команда“ очень возрастная книга. Сейчас я от такого

романа не смогу отплеваться и прекрасно понимаю тех, кто вычеркнул фамилию Погуляй из списка читаемых авторов.

Но все же это одно из моих детищ. Если бы в «Альфа-Книге» (где полгода „Команда“ ждала решения) не запустили новую серию (Магия-Фэнтези), то, может быть, она и вовсе не вышла.

Наверное, это единственный роман, который я бы не хотел видеть переизданным.

— Если «Команда» второе крупное произведение, то что было первым в списке?

— «Кристаллы богов». Рукопись лежит в загашнике и ждёт своей очереди. Я хочу добраться до неё и переработать с той точки зрения, которой обладаю сейчас, а не с той, которая была, когда я её писал.

— Что послужило толчком отправить рукопись «Команды» в издательство? Вы сразу выбрали «Альфа-книгу» или рассылали рукопись по всем адресам?

— Честно говоря, настоял приятель. Он издавался в тот момент в «Альфе» и подтолкнул меня к решению отправить туда «Команду». Не жалею, несмотря на то, что «Альфу» многие не любят — мне нравится работать с этим издательством.

— Вы рассылали рукопись во все существующие редакции? Звонили, спрашивая, как там Ваша рукопись, получили ли, прочли ли?

— Нет, сначала я так себя не вел. Потом уже, конечно, стал напоминать о себе через пару месяцев после отсылки. Но в случае первого романа было просто страшно беспокоить. Ну и романы веером никогда не рассылал. По-моему, это не очень красиво. С рассказами — да, случалось, но там обычно не требуется эксклюзив.

— Рукопись романа сразу приняли в печать или потребовалась правка? Сколько времени прошло с момента, когда Вы получили положительный ответ до выхода книги на бумаге?

— Каждая рукопись проходит свой путь. Иногда приходилось ждать по полгода, иногда отвечали в течение недели после получе-

ния текста. Не знаю, от чего это зависит...

А правка требуется всегда. Я не знаю, как у других авторов, но с редакторами издательства работаю постоянно. Сам, правда, стараюсь не отправлять сырой текст и несколько раз вычитываю, но и после очередной чистки в рукописи всегда можно отыскать блох.

— Вам приходилось сталкиваться с конфликтной ситуацией, когда редактор предлагал исправить не ошибки в тексте, а что-нибудь более существенное, например, изменить эпизод или персонаж?

— Было нечто похожее при работе над «Черным кораблем», но там редактор как раз учил меня, как нужно писать для коммерческого читателя. В принципе, в тот раз я работал больше на заказ, поэтому учитывал требования. Но в свободных романах никогда такого не случалось.

— Бывало так, что издательство не принимало рукопись?

Художник Сергей Шикин

Представляем

— Мне везло, и череды отказов по романам я не испытал. По рассказам — да, там постоянно приходили отлупы. Первый и самый убийственный отказ выбил меня из седла на пару лет. Продолжение романа «Именем горна» «Альфа-Книга» брать отказалась из-за отвратительных продаж первой части. Черная полоса депрессии у меня случилась после этого. Я долго мыкался по разным издательствам, пытаюсь пристроить вторую часть дилогии. В итоге помог Дима Самохин, и книга вышла в Лениздате.

— Договор с издательством — что бы Вы посоветовали?

— О, какая щекотливая тема... Все зависит от издательства. Кто-то относится к договорам всерьёз, кто-то плевать на них хотел (у меня был неприятный опыт, и выяснилось, что даже адвокатура не станет браться за такие дела, потому что копеечный барыш с них). Я бы посоветовал не связываться с издательствами, что имеют темные пятна на ре-

путации. И хотелось бы добавить, что договоры-обманки это из разряда фантастики (если, конечно, речь идет о крупных издателях, а не крохотных конторках типа «напечатаем вашу книгу»). Там не такие деньги крутятся, чтобы идти на махинации.

— Как Вы считаете, писательским трудом можно заработать на жизнь?

— Я считаю, что нет. Но при этом есть живые примеры, которые живут только на гонорары. Их немного, можно пересчитать по пальцам, однако они все-таки есть.

— Вы пишете в жанрах фантастического боевика, техно-фэнтези, космооперы. Почему именно такой выбор?

— Люблю пробовать разные жанры. Так интереснее. Так что мечусь от одного к другому. Есть чистое фэнтези, есть темное фэнтези (темные примеси вообще превалируют у меня), есть темная космоопера, есть технофэнтези (ну или дизельпанк), есть даже

Мечь Ледовой Гончей. Художник В.Аникин

классический пиратский роман. Думаю о триллерах, о городском фэнтези. Но в душе все-таки больше предпочитаю романтику рыцарства. Когда-нибудь, верю, вернусь к чистому фэнтези.

— Что сейчас более востребовано издательствами?

— Не стану говорить о попаданцах или ЛитРПГ разных. Востребовано то, что читается с интересом. Что способно отвлечь читателя от дурных мыслей. Это может быть что угодно, лишь бы интересно читалось. Рецепт, наверное, простой. Но я ему не следую, у меня другая дорога. Я не хочу писать чисто развлекательные книги. Мне нравятся романы посложнее, со слоями, с характерами, с проблемами и их анализом (для себя). Мне хочется оживлять вселенные (да, слишком пафосно), ставить вопросы перед личностью читателя, а не утешать себя как автора или как читателя — многочисленными победами над глупым и аморальным злом. Мол, я хороший, а вот они негодяи, но уж я им покажу. Человек по природе зол, как писал Кант. Вся наша жизнь — это борьба с ещё большим злом или со злом не таким, как мы.

— Ваше впечатление от обложек книг и иллюстраций. Вы довольны изданными книгами? Художники верно отобрали героев и суть произведения?

— В большинстве своем я обложками доволен. Например, от обложки на «Компас черного капитана» (художник С. Шикин) я и по сей день в восторге. Мне очень нравится работа художника Олега Бабкина на «Счастливые земли» (которую, единственный раз в моей жизни, художник рисовал, советуясь со мною). К сожалению, основной штрих не пропустила политика издательства, и вместо латника, из забрала которого бьет пламя, появился «агент Смит» — но в целом я все равно ею доволен.

Бывает, когда обложка никак не связана с книгой («Братство чародеев»), но в целом всё не так плохо, как часто жалуются.

— Как Вы учились писать? У Вас есть учителя или помощники, бета-ридеры?

— Я самоучка. Читаю, пишу, читаю, пишу,

Месть Ледовой Гончей. Художник В.Аникин

читаю, пишу — и каждый раз понимаю нечто новое. Очень помог мне в свое время редактор «АСТ» Денисов. Много объяснил тогда. Очень познавательно общение с редактором «Армады» Александром Варакиным.

Но самый главный рецепт — читать. Уметь анализировать. Учиться.

Помощники и бета-ридеры есть, без них непросто. Очень иногда помогает свежий взгляд, или подтверждение/опровержение сомнений. Да и обратная связь — это один из основополагающих китов, отчего я пишу. В тишину работается безрадостно.

— Ваши любимые авторы и произведения?

— Прежде всего это Стивен Кинг. Автор, которым я искренне восхищаюсь. Хотя романы у него бывают разные и не всегда удачные. Но атмосферу он создает шикарную. Его работа с персонажами — это нечто запредельное.

Обожаю некоторые вещи обстоятельного в проработке Дэна Симмонса (его «Террор» — моя любимая книга). Восхищаюсь Мартином, хотя, несмотря на все моё восхищение — последний том его эпопеи про Вестерос я так и не начал читать.

Когда-то очень любил Глена Кука и Майкла Муркока, но давно ничего у них не читал, и восторги могут быть возрастными. Туда же можно отнести Гарри Гаррисона, Роберта Шекли и Рэя Бредбери.

Считаю очень достойным автором Роберта Маккамона («Жизнь Мальчишки» — особенно хорошо). С интересом отношусь к Джо Аберкромби. Из последних открытий — хороша Гиллиан Флинн.

Авторов много любимых. Одна проблема, среди наших, русскоязычных, всё не так просто. Любил когда-то Дяченко, но последние романы у меня не пошли и отклика в душе не получили. Очень запал в свое время Николай

Счастливые земли. Художник Олег Бабкин

Гуданец, но сейчас он просто бросил писать. Обожаю «Многорукого бога далайна» Логинова, но другие его работы не так восхищают. Может, в литературе, я чуточку русофоб? Несомненно, у нас выходят достойные вещи, но найти их бывает непросто. Чтобы и интересно, и зрело. Хотя случается. Мириам Петросян тому пример.

— Сколько времени занимает работа над книгой? У Вас бывает «писательская блокада», когда не пишется, хоть умри? Если да, то как Вы с ней боретесь?

— Над книгой работаю долго. Обычно около года занимает. Про блокаду — да, бывает. Например, сейчас в ней нахожусь. Месяца три с переменным успехом. Мне кажется, это нормально (для меня), книга должна вызреть. Ну а если не даётся какой-то сюжетный поворот или бесит та или иная сцена — меняю сюжет и выбрасываю такие эпизоды к чертовой матери.

— Как Вы думаете, писатель может изменить мир своими произведениями?

— Да, если книга заставила задуматься, посмотреть на что-то иначе. В таком случае мир читателя уже изменился. Вот только не ясно, к лучшему или к худшему... Всё зависит от целей.

— Как Вы относитесь к критике? Есть в ней что-нибудь созидательное или критика — только стресс и несправедливые высказывания?

— Критика критике рознь. Я сталкивался с нападками именитых обозревателей, которые ставили диагноз роману по «аннотации», и сталкивался с развернутыми рецензиями простых читателей, подмечающих в тексте то, что я вложил чисто подсознательно. Обычно к критикам прислушиваюсь. Может быть, зря. Но это всегда чужой взгляд, это всегда интересно. Иногда действительно находят соринку в глазу, а иногда и целое бревно. Я не имею в виду такие вещи, как поиск ошибок и расстановку запятых. Я имею в виду нечто общее. В духе, в задумке, в идее, в целом.

Компиляция из отзывов разных людей с разных ресурсов даёт иногда чудесное самопознание. Вот, например, только недавно я

осознал пару своих глобальных ошибок, которые нужно исправлять. И получилось это исключительно благодаря отзывам и их анализу.

Я думаю, это все очень индивидуально.

— Бумажные книги изжили себя? Или электронные издательства не смогут соперничать с традиционной печатью?

— Бумага скоро отойдет. Это вопрос времени. Возможно, что-то изменится с электронной стороны (надеюсь на это), но для себя плюсов в таком положении вещей не вижу. Вот, например, мой роман «Мертвая пехота» на букмаркете за год не был куплен ни разу, а общий доход с продаж 31 произведения на Литресе за год оказался воистину смешным.

Однако это вновь индивидуально. Я знаю, что люди умудряются жить на электронные продажи. Видимо, у них есть аудитория. Мой читатель, как ни странно, предпочитает бумагу. Я встречал даже на пиратских библиотеках отзывы в духе «прочитал, а потом пошел и купил в бумаге». Так что, думаю, уйдет книга в её классическом виде — уйдут и такие авторы, как я.

— Ваши герои похожи на Вас? Вы используете знакомых как прототипы для персонажей книг?

— Мои герои на меня не похожи. Своими чертами я предпочитаю наделять антагонистов или эпизодических персонажей. Понятное дело, что не всегда и не везде. Но в каждом из нас таятся демоны. Если выпустить одного из них на страницы — это иногда помогает понять самого себя.

Знакомых как прототипы раньше использовал, но в последних романах лишь добавляю чьи-нибудь черты кому-то из персонажей. Манеру говорить, внешность, привычки, жесты — по разному бывает. Полных копий избегаю. Не так интересно писать.

— Философская идея книги — нужна она или достаточно напряженного повествования и гладкого слога?

— Философия может быть вредна. Идея не обязана быть философской. Она просто должна быть. Должна на что-то указывать, что-то доносить. Философская же... Она не

Именем Горна. Художник Олег Бабкин

даёт ответа, как и вся философия, на мой взгляд. Так что идея — нужна, но не стоит замахиваться на вопросы мироздания, как мне кажется.

— Расскажите о себе: литературный опыт, профессия или хобби.

— Я любитель, а не профессионал. Во всех смыслах. Даже моя основная профессия (программист) — это результат не полученного образования, а самостоятельного. Литература всего лишь хобби. Есть надежда на то, что, может быть, в старости она мне пособит с пенсией, но это только наивная надежда. Иногда, конечно, возникают мыслишки наваять под псевдонимом что-нибудь боевое, бодрое, простое, веселое и подзаработать, но у меня ещё столько других планов, что эта финансовая подпитка кажется не такой уж и важной. Может быть, и зря.

Представляем

Со стороны обычной жизни о себе рассказывать непросто. Все так меняется, уходит, приходит. Когда-то всерьёз увлекался «историческим фехтованием» — как мы называли бугурты на ролевых играх или просто питерских маневрах команд. Романтика металла, мечей, щитов, доспехов. Но сейчас уже в прошлом то увлечение. Болел страйкболом несколько лет, но сейчас семья уже не позволяет так часто отрываться от дома. Да и драйва поменьше. Много лет с друзьями выбирался в походы по России в составе турклуба «Клан Лося» (я один из его основателей). Если интересно, то вот адрес лосиного сайта: elks-clan.ru/

В 2014 году хотим выбраться за пределы России. Но посмотрим, что получится.

— **Ваша самая любимая книга из написанных. Чем она Вам дорога?**

— Наверное, это «Счастливые Земли». Роман писался в состоянии постоянного куража, на допотопном покетбуке. Я сам иногда не понимаю, как все сложилось в то, что сложилось. Думаю, это единственный мой роман, который мне захочется когда-нибудь перечитать.

Или, может, я тогда писал не так дотошно? Сейчас над каждой книгой работа идёт поглавная, правка одновременно с написанием, перечитывание, переделывание. Получается чище, качественнее, но иногда не хватает того куража.

— **Какая книга далась Вам труднее всего? Что мешало работе над ней?**

— Сложнее всего работалось с «Местью ледовой гончей». Причин, почему так непросто далось, несколько. Очень насыщенный текст вышел. Мне было интересно столкнуться в

Мертвая пехота. Художник Николай Зубков

одной точке свыше десятка мотиваций, при одном главном герое. Конфликт нескольких сторон в одном замкнутом пространстве. Конфликт — в котором я отображаю лишь одну сторону, но при этом не спихиваю мысли других сторон на мысли негодяев. Они все люди, у них всех есть мотивы, мечты, желания, надежды. Но им пришлось сойтись в одном месте. Было несколько тяжелых эмоционально сцен. Книга меня вымотала очень сильно. Настолько, что с момента последней редакции я почти не сажусь за текст. Может, от усталости, может, от страха, что будет слишком уж пресно после первых двух романов Ледового цикла.

— Как Вы относитесь к смерти? Сейчас авторы руками литературных (и не только) героев лишают жизни «врагов» и всех, кто под прицел попадёт. Есть ли необходимость в насилии? Автор несёт ответственность за своих героев?

— Я задавал себе этот вопрос. Удивительное дело, но чаще всего смерть — это решение многих проблем у героя. Самое простое из возможных. Не надо лавировать, понимать, прощать. Бах — и всё. Мне кажется, что даже это виденье уже результат того, как обесценилась жизнь (благодаря книгам, фильмам). Сейчас можно встретить, когда убивают главного героя. Что говорить о злодеях? Так что насилие неизбежно. Необходимо ли оно? Думаю, нет. Можно ли без него обойтись? Думаю, да. Это будет сложно, но возможно. Будет ли интересно? Не уверен. Многие задумываются о ненасильственном решении проблемы, но с большой радостью почитают, как зло накажут, подрубят ноги, бросят лицом в грязь, а затем тупо перережут горло. Мы стали циничнее, злее. В историю, где злодея прощают и отпускают — никто не поверит. Назовут сказкой.

Может, ошибаюсь. Может, когда-нибудь, сам постараюсь написать нечто без единой смерти.

И автор всегда ответственен за своих героев. Он их создал.

— Как к Вашему творчеству относятся близкие?

— Иногда мне кажется, что гордятся. Жена поддерживает, подталкивает. Друзья, в основном, даже читают и, надеюсь, не из зова дружбы, а по собственному желанию. В каком-то смысле в этих кругах я популярен.

— Что для Вас значит «быть счастливым»?

— Хочется сказать много красивых и умных слов о добре и здоровье близких. Но, к сожалению, я не знаю ответа на этот вопрос. Просто иногда ты счастлив, и лично мне неизвестно, отчего так случается. Настроение, сиюминутные порывы. Ты даже не осознаешь, что счастлив. Потом приходит осознание, оценка. Просто живём. Просто ловим моменты. С друзьями, с любовью, с увлечениями. Как-то так.

— Над каким проектом работаете сейчас?

— Хочу закончить Ледовую трилогию и перейти к чему-то другому. Проектов много, все в разной стадии созревания. Но пока занимаюсь именно окончанием «Ледовых корсаров» («Компас черного капитана» и «Месть ледовой гончей»).

Беседовала Ула Сенкович

Юрий Погуляй
vot-vot.livejournal.com

Ула Сенкович
writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/

Художник Владимир Куш

Елена Татиивская

Мы — юные! И наша встреча с солнцем
напряжена до ультрафиолета.
Мы — юные, как две крупинки соли,
на языке салатого лета.
Мы — юные... Нам хочется клубники,
а в кошельке лишь медные монеты.
Мы с юношеской жадностью приникли
к фонтанчику из солнечного света..

Спиваю терпкий дух весны
с губы берёзовой бороздки.
Ещё и мысли холодны,
и одеяния не броски.
Ещё и вишня не мела
метелей, пчёлами объятых,
а я уже мечтать смела,
ведь я — весна восьмидесятых!
Спиваю терпкий дух весны
с губы берёзовой бороздки,
среди предчувствий новизны,
на перекрёстке...

Анна Пан

Как я купалась ночью

Темно. Белеют только клочья пены.
Ворочается с грохотом прибой.
Волна с разбегу бьет меня в колени
И, отступая, тянет за собой.
Иду за ней, как гамельнская крыса,
Во власти музыки, что мне одной слышна.
Из головы куда-то делись мысли...
И вот уж под ногами нету дна...
Лечу, лечу между землей и небом
Игрушкой расшалившихся стихий.
Весь мир — то ль был он, то ли не был —
Пропал. Все добродетели, грехи
Смешались и рассыпались, исчезли.
Но срок, что мне отпущен был, истек,
И волны, наигравшись мною, честно
Вернули восвояси, на песок.
Мне не собрать себя, растерзанную в клочья,
Не нанизать на порванную нить.
На берег выбралась пустая оболочка,
Чтоб заново наполниться — и жить.

Елена Татиивская (Алоната)
writercenter.ru/profile/Alonata/whois/

Анна Пан
writercenter.ru/profile/panann/whois/

Художник Владимир Куш
vladimirkush.com

*Рассказ занял 1-е место на конкурсе
"Зимняя сказка 2013"*

Ми

Анна Пан

Микророман

0.

Трофим никак не мог найти приличную елку — попадались только кривые, мелкие или лысые. Он замерз и протрезвел, но не возвращаться же с пустыми руками. Сам ведь предложил играть на желание. Кто знал, что эта дура выиграет? «Хочу елку! Хочу елку!..» И все ее поддержали, что обидно. Даже Васька, который кричал, что у него на даче есть все, чтобы встретить Новый год. Ага, все! Кроме елки.

Топор выскользнул из заледеневших рукавиц. «Хватит! — решил Трофим. — Беру любую. Пусть эти, на даче, думают, что я типа прикололся!»

И тут он увидел ее — высокую, стройную, пушистую.

Размахивая топором, Трофим кинулся к елке, отвел нижнюю ветку, примериваясь...

Вдруг в голове зазвенело, запищало комаром: «Ми! Ми! Миии!..» С верхушки елки протянулся тонкий зеленый луч, кольнул в лоб. И Трофим отключился.

Часть 1. Зим

1.

Существо было похоже на мультяшного монстра: коричневый меховой шар, из которого торчали тонкие ножки и ручки и блестели черные бусины-глаза. Только шарик был ростом со взрослого человека.

Трофим хотел заорать, но не смог. И тут прямо внутри головы раздался голос: «Не звучать жевалкой, звучать думалкой!» «Однако!» — подумал Трофим. Монстр разинул рот и потыкал туда пальцем. «Жевалка!» — услышал Трофим и вдруг понял: «Этот чудик телепа... телепает! Прямо в мозг!» А чудик хлопал себя по макушке и бодро «телепал»: «Думалка! Звучать!»

«Он хочет, чтобы я тоже... Но я не умею. А фиг ли?» Трофим поднапрягся и подумал прямо в лоб монстру: «Ты кто?» Тот опять подпрыгнул. «Хорошо! Я — ми. Звать Зим!» Трофим мысленно

хмыкнул: «Ну, понятно! Ты — ми, и звать тебя Зим. Ми — Зим. Для желудка незаменим. Ох, мне б не для желудка, мне бы для головы чего-нибудь. Беда у меня, братцы. Шиза во весь рост!»

«Нет, нет! — зачастило в голове. — Не болеть! Не спать! Теперь тоже ми! Как звать?»

«Трофим».

А что тут еще скажешь?

«Фим! — обрадовался монстр. — Хорошо! Иди!» — и протянул руку. Трофим с трудом пошевелился — и вдруг обнаружил, что его собственная рука выглядит точно так же: черная, гладкая, с длинными пальцами и острыми когтями. «Чего?!» — подумал он и перевел взгляд на свои ноги. Они прутьями торчали из-под коричневого меха.

2.

Первые шаги дались нелегко: удержишься-ка на двух ходулях, если ты — мохнатый колобок-переросток. Хорошо, новый приятель поддержал. По-немногу тело начало слушаться, ноги перестали складываться пополам. Теперь можно было оглядеться.

Пейзаж был еще тот! Казалось, что Трофим с монстром стоят на крыше ангара, зарытого в землю. Рыжая почва бугрилась, будто после метеоритного дождя. А впереди, и сзади, и везде вокруг возвышались огромные серебристо-зеленые колонны.

Когда, наконец, подошли к подножью ближней колонны, новое тело Трофима с непривычки еле переставляло ноги. Пришлось устроить привал.

Вблизи колонна ошеломляла. Основанием ей служил коричневый «стакан». Почти круглая у основания, выше она превращалась в исполинский брус, квадратный в сечении, слегка изогнутый и уходящий вверх не вертикально, а под небольшим углом. Верхушка терялась в сером небе.

После привала идти стало немного легче. Мозг постепенно приравнивался к новому телу. Так и шли от одной колонны до другой. Над стаканами некоторых виднелись какие-то узоры. Снизу трудно было разглядеть, что там, но выглядело красиво.

3.

Под очередной колонной Зим, наконец, сказал: «Здесь!» Из-за стакана появилось несколько мелких монстриков. Они принялись прыгать во-

круг пришедших, словно мохнатые мячи. «Новый ми! Новый ми!» — комариным писком звенело в голове у Трофима.

Появился еще один шар. Мех у него был светлее и пушистее, чем у Зима. «Баба, — подумал Трофим. — То есть, простите, дама». И он не ошибся. «Знакомиться, — сказал Зим, — моя жена. Звать Ви. Наши дети. Звать потом. Сейчас не запомнить!» — и он по-дружески пихнул гостя в бок. Гость потерял равновесие и плюхнулся на землю. Мягко плюхнулся — иногда хорошо быть мохнатым шаром.

Ви подошла и погладила Трофима по макушке. «Как мама, — подумал он и не сразу сообразил, что его о чем-то спрашивают. «...Звать?» — повторила Ви. Трофим мысленно улыбнулся ей и ответил: «Звать — Фим!»

Зим весело шикнул, мелкие притихли и расселись кружком, поджав ноги.

— Жевать сейчас, — голос Ви был теплым, как солнечный луч. — Фим любить зелб?

— О, зелб! Зелб! — зашуршали мелкие.

— Не знаю, — растерялся Трофим. — Никогда не ел.

— Тебе понравится! — шепнул шарик, сидящий рядом.

Ви расстелила прямо на земле большую циновку, расставила деревянные тарелочки и, наконец, принесла резное блюдо, на котором высилась целая гора зеленоватых колобков величиной с апельсин. «Жевать, — сказала гостю Ви. — Первый ты!»

Колобок оказался мягким и вкусным, как свежая булка, с легким запахом хвои.

Все дружно жевали.

Когда блюдо опустело, Трофим понял, что не может встать — так наелся. «Уснуть бы прямо здесь», — вяло подумал он. Так и вышло.

— Спать, — сказал Зим гостю и показал, как это делается: поджал ноги и руки и перекатился на бок.

Трофим попробовал. Оказалось, очень удобно.

4.

Открыв глаза, он опять увидел Зима. Тот держал в руках две тарелки и одну протягивал гостю.

— Не спать, — бодро сказал он. — Жевать!

На тарелке лежало что-то, похожее на щепки. Но, глядя, как Зим уплетает свою порцию, Трофим рискнул попробовать. Оказалось съедобно, но не

так вкусно, как давешние зеленые булки. Он отставил тарелку и спросил:

— А зелб?

— Зелб — гостям, — ответил Зим.

— Но я — гость! — возмутился Трофим.

— Гость — вчера. Сегодня — свой.

Вроде бы отшил, но как-то даже приятно стало.

— Зим, как мне выбраться отсюда? Как снова стать человеком?

Тот махнул рукой.

— Потом. Плохо понимать, плохо говорить. Зан учить, Фим учиться.

— Какой Зан?

Один из мелких шариков плюхнулся рядом, протянул лапку:

— Я Зан.

Трофим вздохнул.

— Почему Зан? Почему не Зим?

— Па уходит. Ему надо работать.

— Надолго?

— Несколько дней.

— И что, я все это время буду тут сидеть?! — Трофим вскочил. — Меня ж там ищут!..

— Никто не ищет, — Зим поднялся.

— С чего это? У меня такие друзья! Они там всех на уши...

И вдруг подумал, что Зим, возможно, прав. Эти, на даче, точно к ночи так напились, что и думать про него забыли. Мать? Он уже послал ей денег к празднику, теперь она привычно будет ждать поздравления к восьмому марта. Кому он нужен — искать его!

Часть 2. Зан

1.

После того, как от Трофима ушла жена, он возненавидел женщин. «Все бабы — дуры и стервы», — твердил он, и переубедить его было невозможно.

Но если некоторых баб Трофим еще мог терпеть, то детей не переносил вовсе: младенцы — слюнявые, детсадовцы — сопливые, школьники — наглые. О том, что сам когда-то был и первым, и вторым, и третьим, он забыл. Поэтому перспектива остаться наедине с кучей мелких сильно его напрягла.

Но оказалось, что дети бывают довольно чистыми, веселыми и даже разумными! Самым разумным оказался Зан, недаром ему доверили учить нового ми. Главное, монстрик не задавался и не умничал. Скоро Трофим, к своему удивлению, обнаружил, что мальчишка ему нравится.

Сначала, как и обещал Зан, они просто ходили и говорили. Трофим одновременно учился управлять новым телом и овладевал мысленной речью. Позже он научился и бегать, и прыгать, и даже залезать на колонны — это было нетрудно, благодаря когтям на руках и ногах.

С языком тоже все оказалось просто: надо было дать мозгу спокойно принимать то, что передают ми, не стараясь перевести буквально. Тогда мозг превращал информацию в картинку или в понятные слова: «думалка» становилась головой, «хваталка» — рукой...

2.

Ночь и день здесь не отличались друг от друга: все тот же тусклый серый свет — непонятно откуда. Как ми определяли время? Пора спать — вечер, проголодались — обед. Примерно так.

Вообще, жизнь ми казалась очень простой. У них не было ни одежды, ни мебели, ни дома. То место, где они жили, так и называлось «место». Это был большой участок с колонной посередине. Под стаканом стояло несколько коробов с необходимой утварью.

Спали прямо на земле, питались щепками от стакана, вся кулинария — разложить по тарелкам. Поврежденное место на стакане тут же затягивалось вязкой массой, именуемой «ич».

Утром, после завтрака, все, даже самые мелкие, отправлялись работать: забравшись на края стаканов, они вдохновенно рисовали узоры на колоннах. Седой налет легко поддавался под тонкими зубилами, и на серебристой поверхности появлялись зеленые узоры. Это называлось «украшать».

— Зачем вы это делаете? — однажды спросил Трофим Зана.

— Разве не понятно? — удивился тот. — Чтoб красиво было.

Стружку, которая сыпалась из-под зубила, называли «зе». Ее собирали и ссыпали в короб. Смешивая ее со свежей ич, делали праздничное угощение — зелб.

Ва, старшая дочь, не украшала, она готовила

приданое: покрывала резьбой большое деревянное блюдо.

Умница-Зан был вторым ребенком в семье. Еще было пятеро младших. Со временем Трофим научился их различать и запомнил, кого как зовут.

Еще он научился украшать, собирать зе и даже делать зелб.

По утрам, подкрепившись щепками, Трофим залезал на стакан и работал наравне со всеми. А вечером все вместе гоняли мягкий квадратный мяч, играли в пу — что-то вроде салок, и слушали сказки, которые рассказывала Ви.

3.

Время шло. Трофим смирился с тем, что домой он попадет не скоро. Сейчас главное — учиться. И он старался изо всех сил, хотя прежде считал учебу делом бесполезным.

Маленький учитель рассказывал ему много интересного про свой мир.

Большинство ми занимались только украшением. Но были и другие профессии. Например, Зим служил «хранителем на краю». «Пограничником» — подсказал мозг.

Раз уж речь зашла о профессиях, Трофим решил, что просто обязан спросить, кем хочет быть Зан, когда вырастет.

— Ты, наверное, станешь хранителем, как па?

— Нет, — ответил мальчишка. — Я буду путешественником.

Зан был из тех редких ми, которые могли передавать мысли на большие расстояния — весьма полезное качество в мире, где не изобрели других средств связи.

Так вот, иногда кто-нибудь из таких одаренных отправлялся в путешествие и, пока мог дотянуться, передавал и передавал все, что видел. Послания путешественников хранили библиотекари — ми, у которых был очень большой объем памяти.

— Здесь недалеко поселок, — рассказывал Зан. — Там есть библиотекарь. Он мне уже почти все послания показал. В одном даже видно, как выглядит наш мир издалека! Хочешь, покажу?

— Конечно! — обрадовался Трофим.

— Закрой гляделки, — сказал Зан.

«Глаза», — чуть запоздав, перевел мозг.

4.

Он стоял на самом верху колонны, на крошечной наклонной площадке. Дул сильный ветер, мех парусил, — если б не когти на ногах, устоять было бы невозможно. Небо было ясным, вдали нечетко виднелись горные хребты.

В руках он крепко сжимал толстую веревку, нижний конец которой был привязан к большой корзине, а верхний терялся в небе над головой. Вот путешественник прыгнул в корзину. Ветер подхватил странное сооружение и понес.

Колонна, с которой он взлетел, быстро потерялась среди других. Вот под ним уже целый лес колонн, который становился все гуще, превращаясь в зеленую щетину. Эта щетина со всех сторон покрывала длинный круглый мыс, который оказался одним из многих, выступающих из общей темно-зеленой массы.

Ветер уносил корзину все дальше, лохматая зеленая стена, отдаляясь, приобретала все более знакомые очертания. Знакомые — не для ми, для Трофима.

И вот перед ним во всей своей красе встала высокая, стройная, пушистая елка. Это и был мир ми.

Часть 3. Ви

1.

«...Колонны — это всего лишь еловые иголки. Какого же я роста, братцы? Меня ж, получается, и в лупу не разглядеть! Может, под микроскопом?.. Я микроб!»

От таких мыслей у кого угодно поедет крыша. Но тут, очень вовремя, появился Зим.

— Дружище, — пожаловался ему Трофим, — я сошел с ума.

— Нет, — строго сказал Зим.

— Или я сплю. Ты мне снишься, дружище!

Вместо ответа Зим отвесил ему тумака.

— Ты чего? Больно же!.. Больно? То есть, это не сон.

Подошла Ви, молча села рядом.

— И что? Назад мне уже не вернуться? — обреченно спросил Трофим.

— Почему? — удивился Зим. — Если хочешь, вернешься.

— Хочу. Что надо сделать?

— Это будет не просто и не быстро. Сначала я

тебе кое-что покажу. Закрой гляделки.

«Глаза!» — спохватился мозг.

Трофим увидел ужасное чудовище, такое огромное, что оно не умещалось в сознании. В исполинской руке был зажат жуткий инструмент для уничтожения миров. Медленно, как в страшном сне, чудовище приближалось к миру ми.

— Это — я? — спросил Трофим, уже зная ответ.

— Да, ты был кру. Мы тогда очень испугались. Хорошо, что Зан умеет передавать далеко. Он передал магу, и маг превратил кру в ми. Теперь ты не опасен, — усмехнулся и добавил: — дружище!

— Значит, маг превратил меня в ми, чтобы я не уничтожил ваш мир?

— Точно.

— А он может превратить меня обратно?

— А ты хочешь?

Трофим вдруг понял, что не очень хочет становиться монстром, которого видел в воспоминаниях хранителя. «Но ведь я не был чудовищем! Я был человеком. Или все-таки чудовищем?..»

— Сейчас ты — ми, — сказал Зим. — А про остальное — думай.

— Подожди, скажи еще, где живет маг? Как к нему добраться?

— Маг живет на вершине нашего мира. К нему надо идти.

«Вот так просто, — подумал Трофим, — подняться на вершину! Легко! Я ж от одной иголки до другой иду — всего ничего! — полчаса...»

Ви легко прикоснулась к макушке гостя.

— Не бойся, Фим. Кто идет, тот дорогу жует, так говорят ми. Ты пойдешь не один. Наши родные и друзья скоро придут на свадьбу Ва. Потом они пойдут обратно, и ты с ними.

От ее прикосновения и ласкового голоса Трофиму стало легче. Он вздохнул и решил, что все как-нибудь образуется.

— А пока, — вмешался Зим, — ты должен еще учиться. Зан сказал, что ты плохо забираешься на колонны.

«На иголки!» — усмехнулся мозг.

«Какая разница!» — отмахнулся Трофим.

«А какая разница между ми и человеком? — ехидно поинтересовался мозг. — Чем отличается Трофим от Фима? А? Вот и думай!»

Ви улыбнулась, взъерошила ему мех на макушке и пошла готовить зелб. Сегодня был праздник — Зим пришел домой.

2.

Прошло еще несколько дней. Трофим продолжал учиться — слушать, передавать, лазать, украшать... Часто он ловил взгляд Ви, ободряющий и успокаивающий.

Как-то утром Зан вдруг замер, к чему-то прислушиваясь.

— Ма! — весело закричал он. — Гости идут! Уже вышли из поселка, к вечеру будут здесь!

— Вот и хорошо! — обрадовалась Ви. — Передай отцу. Он тоже только к вечеру доберется. А пока надо привести вас всех в порядок. Жаль, у меня не десять рук!

Она достала из короба большой гребень, поставила перед собой старшую дочь и принялась ее причесывать. Когда длинный мех цвета молочной шоколадки распушился и заблестел, невеста встряхнулась — и помчалась навстречу жениху.

Потом Ви расчесала Зана и взялась за младших. Вот и последний причесанный малыш, встряхнувшись, присоединился к братьям, которые уже играли в пу, снова собирая на себя пыль.

— Теперь ты, — сказала Ви гостю.

Когда зубья гребешка погрузились в мех, Трофим вдруг почувствовал себя ребенком. Вот он, маленький, сидит в ванне, а мама трет его желтой поролоновой губкой. Губка такая мягкая, с нее стекает классная густая пена. Но Трофим вредничает: губка жесткая, вода горячая, мыло в глаз попало... Мать успокаивает, добавляет холодной воды, дает полотенце вытереть глаза... Дурак он был. Дураком и остался.

Казалось, что гребень в руках Ви вычесывает пыль и мусор не только из шерсти, но и из мозгов.

«Вот выберусь отсюда, — решил Трофим, — и сразу поеду к матери. Она ведь ждет меня. Я — такое злобное, тупое чудовище, а она все равно ждет...»

3.

— Это Ванс, мой жених, — представила Ва. — А это Фим, новый ми.

Мех Ванса цветом напоминал ириску. Трофим усмехнулся. Эти двое подходили друг другу.

Следом нагрянула толпа гостей. Младенцы прибыли верхом на родителях, а самых старых принесли на носилках самые сильные. В основном это были родственники. «Понятно, — сообразил

Художница Лев Елена

Трофим, — если в каждой семье по семь детей, то у любого ми должна быть целая куча дядюшек, двоюродных бабушек и племянников!»

Гости принесли свои столы, посуду и запасы — все, что нужно для праздника. Женщины во главе с Ви стряпали зелб, мужчины готовили столы. Работали дружно и весело. Дети играли в сторонке, не мешая взрослым.

Наконец, все расселись и принялись за угощение. Ва сидела за столом со своей семьей, но ничего не ела. Вскоре Ви поднялась, взяла дочь за руку и куда-то ее повела. Трофим увидел, что навстречу ей идут Ванс и его мать.

Все четверо остановились у стола, на котором стояло пустое блюдо, которое сделала Ва, и две тарелки. Гости притихли.

— Они не хотят есть наш зелб! — громко сказала мать Ванса.

— Так пусть делают свой! — откликнулась Ви.

И молодые принялись за работу. В полной тишине они залезли на стакан и набрали зе, потом добыли ич. Вместе замесили тесто, приготовили зелб, выложили на блюдо. Мать Ванса и Ви взяли по колобку, попробовали и радостно закричали:

— Вкусно!

Под дружные крики «Вкусно! Вкусно!» молодые сели за свой стол и принялись за зелб, который сделали сами. Церемония закончилась.

Ви вернулась к своему столу, и Трофиму показалось, что она еле сдерживает слезы.

Часть 4. Зи

1.

У некоторых гостей оказались при себе музыкальные инструменты — барабаны, флейты. А одна немолодая ми вскинула к плечу что-то похожее на скрипку.

Младший сын Зима сорвался с места с восторженным воплем:

— Соу! Тетя Ло принесла соу!

Он уселся рядом с тетушкой и потом целый вечер не отходил от нее.

Барабаны задали ритм, флейта напела тему, а скрипка-соу подхватила и понесла мелодию. Удивительная музыка звучала и снаружи, и внутри — в сознании. А потом ми запели. У Трофима от восторга шерсть встала дыбом. Он не понимал слов, но это мысленное пение было самым чудесным из

всего, что он испытал в жизни.

Ва и Ванс встали, обнялись и пошли по кругу, поворачиваясь и качаясь. Потом к ним стали присоединяться гости. Вскоре почти все ми кружились и качались в едином ритме — и пели.

Трофим сидел замороженный удивительным зрелищем и вздрогнул, когда кто-то коснулся его руки.

Незнакомая молодая ми в каштановой шубке виновато улыбнулась.

— Извини, если напугала. Хотела пригласить на танец.

— Но я не умею танцевать, — улыбнулся в ответ Трофим. — А ты кто?

— Я Зи, сестра Зима. А ты — Фим, я знаю. Пойдем, не бойся, это совсем просто!

И он пошел. Он кружился, и качался, и даже пел. Ему было хорошо.

2.

Ви собрала гостю дорожную сумку: немного щепок от «домашней» колонны, долото, коробочка для зе и тарелка — все, что нужно для жизни настоящему ми.

Поиграв напоследок с малышами в пу, Трофим отвел в сторону Зана.

— Знаешь, я хотел бы что-нибудь подарить тебе.

— Зачем? — удивился мальчишка.

— Просто так. Но беда в том, что у меня ничего нет. Может, я смогу исполнить какое-то твоё желание?

Зан задумался, а потом радостно подпрыгнул.

— Ты ведь идешь к магу?

— Ну да.

— Попроси его сотворить соу для моего брата. Зонг мечтает стать музыкантом, а соу — такая редкая и ценная вещь...

— А для себя ты ничего не пожелаешь?

— Нет, — улыбнулся Зан. — У меня все есть.

— Хорошо, договорились.

Зим на прощание по-дружески хлопнул Трофима по спине, и тот сделал вид, что не устоял на ногах.

— Эй, дружище, не рано ли тебе в поход? — засмеялся Зим. — Может, еще потренируешься?

— Ничего, Зи присмотрит за ним, — сказала Ви.

— Зи? — помрачнел Зим. — Причем тут моя сестра?

— Она учила меня танцевать, — почему-то начал оправдываться Трофим.

— Ты же возвращаешься в свой мир!

— Она просто проводит его, — мягко вмешалась Ви.

— Ничего не обещай ей! — Зим был очень сердит.

— Она просто проводит, — пробормотал Трофим. И почувствовал, что готов разорваться пополам.

3.

К вечеру добрались до поселка. Сначала всей компанией проводили молодоженов. Те ми, которые жили здесь, разошлись по своим местам, разобрав тех, кому предстояло идти дальше. Трофима и Зи пригласила к себе тетя Ло.

Трофим набрался было храбрости попросить тетюшку поиграть для них на соу. Но, плюхнувшись на землю и ощутив, как гудят ноги, понял, что пожилая ми устала еще больше и ей надо отдохнуть.

Утром Зи предложила прогуляться, пока собираются остальные попутчики.

В поселке они не увидели ничего нового. Все те же колонны, разве что стоящие чуть дальше друг от друга. Под каждой колонной — чье-то место. Побродили, приветствуя знакомых, потом вышли на окраину. Здесь Трофим обнаружил что-то интересное: под одной из колонн валялись кучей рваные циновки, тарелки, объедки. А вокруг — вот странно! — были остатки забора.

— Здесь кто-то живет? — спросил Трофим.

— Жил, — ответила Зи. — Один новый ми.

— Новый ми? Такой, как я?!

— Не такой. В своих мыслях он не перестал быть кру — и сошел с ума.

— Но почему?

— Кто знает? Ми — разные. Кру тоже разные.

— А где он теперь?

— Он убежал от тех, кто за ним ухаживал, и теперь никто не знает, где он. А это решили оставить.

— Для других кру?

— Нет, — неуверенно ответила Зи. — Не знаю. Пойдем, нас уже ждут.

4.

Идти было легко, дорога спускалась вниз. Правда, стало немного темнее, чем обычно.

— Скажи, а здесь есть еще бывшие кру? — спросил Трофим.

— Есть.

— Много?

— Я знаю двоих.

— И что, они тоже сумасшедшие?

— Только один. Но он смирный. Думает, что все это сон, и все время спит, чтобы проснуться у себя дома. А когда просыпается, все повторяет: «Спать! Спать!» Мы его так и зовем — «Спать». Если хочешь, навестим его. Спать живет на следующем ярусе. Только с ним неинтересно.

— Еще бы! — усмехнулся Трофим. — Какой интерес, если он постоянно дрыхнет. А второй?

— Тот нормальный. Он живет еще выше. Когда будем подходить, я тебе скажу.

— А ты собираешься идти со мной до самого верха?

— Да.

— Подожди, я должен тебе сказать... Я ведь уйду насовсем.

— Я знаю.

И она погладила его по макушке, так же, как это делала Ви.

Часть 5. Трофим

1.

Он заставлял себя думать о своем мире, о матери, о друзьях, но мысли возвращались к Зи, которая шла рядом.

На привалах Трофим брал щепки с колонн, под которыми они останавливались. Те, которые дала ему Ви, он почему-то берег. Зи доставала из своей сумки маленькую циновку, готовила стол.

Однажды она спросила его:

— В твоём мире у тебя есть жена?

— Была, — честно ответил Трофим. — Мы расстались.

— Она умерла?

— Нет, просто ушла.

— Она плохая, — заявила Зи.

— Нет, — сказал Трофим. — Это я плохой. Я не понимал ее.

— Она красивая?

Проза. Сказка

— Нет. То есть, да. Не знаю.
— Не знаешь? — удивилась Зи. — Странно. А я — красивая?
— Не знаю! — совсем смутился Трофим.
— А ты посмотри.
— Я смотрю.
— Не так. Закрой гляделки...
«Глаза!» — встрял мозг.
«Да пошел ты!..» — возмутился Трофим.
Зи засмеялась и повторила:
— Закрой глаза — и смотри, не глядя.
Он так и сделал. И увидел, что она — красивая. Милая, добрая, храбрая, верная...
— Когда вернешься к себе, — тихо сказала Зи, — посмотри так на свою жену.

2.

Они выбрались на очередную ветку, и Зи сказала:
— Здесь живет этот, второй новый ми. Зайдем?
— Давай! — согласился Трофим.

Крупный бурый ми радушно встретил гостей.
— Рад вас видеть! Меня зовут Сим.
— Может, Максим?
Он внимательно посмотрел на гостя.
— Нет, просто Сим. А вы?..
— Я Трофим. А это Зи.
— Проходите. Знакомьтесь: моя жена Со, наши дети.

Тихая ми цвета кофе и два маленьких шарика вышли из-за колонны.
Моментально был приготовлен зелб, расстелен стол — и гостей пригласили ужинать.

— Почему ты решил остаться? — спросил Трофим, когда ужин закончился и женщины, забрав детей, оставили мужчин наедине.
— Здесь я нужен, — просто ответил Сим.
— А как же родные, друзья?
— Родных нет. А друзья... — он махнул рукой. — Лучший друг так подставил, что хоть в петлю.
— И ты пошел в лес, чтобы... Кто ж вешается на елке? Это же неудобно!
Оба захохотали.

— А ты, значит, решил вернуться? — спросил Сим, просмеявшись.
— Да.
— А как же она?
— Зи? Она понимает, — Трофим вздохнул. — Она все понимает.

3.

Зи оставила его, когда до верхушки остался один переход.
— Не хочу видеть, как ты станешь кру, — сказала она.
И дальше он пошел один.

Маг с виду ничем не отличался от остальных ми, разве что мех его был зеленоватого цвета.

— Ну, вот и ты, наконец, — сказал зеленый ми, увидев гостя.

— Вы поможете мне? — спросил Трофим.

— Смотря что тебе нужно, — усмехнулся маг.

— Я могу исполнить только одно твое желание.

— Я хочу, — начал Трофим и вдруг поперхнулся. — Только одно?!

— Да, мой дорогой кру, только одно.

«Значит, судьба, — подумал Трофим. — Зи еще не успела уйти далеко».

— Я не кру, — сказал он. — Я — ми. Вот мое желание: пусть у Зонга, сына Зима, будет собственный соу!

— Вот как? — маг задумался. — Похоже, ты и в самом деле изменился. Может, в честь Нового года исполнить два желания?

— Уже прошел целый год? — вздохнул Трофим. — Что? Все-таки два?

Мысли вихрем закрутились в голове. Машинально он запустил руку в сумку и достал пару щепок, которые дала ему Ви. Вихрь остановился. Трофим крепко зажал щепки в кулаке.

— Тогда верните меня в мир людей. Мать ждет меня.

— Ты уверен? — хитро усмехнулся маг.

— Да. Я готов.

4.

Он лежал на снегу. Над ним склонился взъерошенный Васька — то тряс за плечи, то тер ему щеки рукавицей.

— Трофим! Трофим, ты что?! Замерз?

Увидев, что друг открыл глаза, Василий вздохнул с облегчением.

— Живой! Встать можешь? Давай, помогу!

Опираясь на широкое васькино плечо, Трофим поднялся на ноги. Елка, как ни в чем ни бывало, стояла рядом, в двух шагах.

С трудом разжав кулак, он посмотрел на пустую ладонь. «А чего ты хотел? — насмешливо спросил мозг. — Даже если они здесь, ты их и под лупой не разглядишь!»

— Пойдем скорее! — сказал Васька. — Новый год уже на носу!

Анна Пан

writercenter.ru/profile/panann/whois/

Художница Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Рассказ без названия

kxmer

Ангелы бывают разные, чёрные и белые.

Они принципиально отличаются друг от друга не только мастью, но и как бы по профессии, однако всё это чепуха и неинтересно, тут надо понимать вот что: ангелы бывают только в книжках и прочих библиях. В реальной жизни ангелов нет.

В жизни есть деньги, войны и похмелье. Какие ангелы?..

Сейчас я вам расскажу историю про глупую девочку, которая верила в ангелов. Она их рисовала гелевой ручкой в заветном блокнотике на пружинках: глаза и крылья, крылья... И снова глаза.

Она сочиняла их словами, рифмовала в стихах — ангелы загадочно парили на распахнутых крыльях и плакали сверху светлыми слезами.

Photo Дмитрий Агеев

Девочка жила с ангелами и жила в ангелах. И летала вместе с ними над обыкновенной жизнью.

Потом девочка влюбилась.

Вообще, девочки должны влюбляться в мальчиков, так принято, так правильно и понятно. Можно даже девочкам в девочек влюбляться, это хоть и неправильно, но тоже понятно. Это укладывается в рамки этого мира.

Нельзя влюбляться в ангелов и поэтов. Это неправильно, непонятно и это просто нельзя. Нельзя — и всё.

А девочка как раз влюбилась в поэта.

Поэт был, во-первых, старый, а во-вторых, бывший. Когда-то он летал, но потом крылья отсохли, и жил он больше по привычке: раз уж утром проснулся — то надо жить до вечера...

Но он знал язык ангелов, и поэтому девочка в него влюбилась.

А у поэтов, чтоб вы знали, у них всё не как у людей. У них есть простые слова, резиновые и многоразовые, для поболтать, поплакаться за жисть, поторговаться на базаре — и есть тайные слова для стихов. Стихи ведь пишутся на языке ангелов. Но их, этих слов, каждому поэту отмерено ровно на жизнь, и если сжечь всё и сразу — то не останется ни слов, ни жизни.

Поэт был бывший. Или почти бывший: слов оставалось на донышке.

Но у любви свои расклады. Она не спрашивает, не намекает вежливо. Она, как смерть, приходит — и берёт своё.

Один раз взглянув в бездну, поэт уже не мог вернуться — и падал, падал, растворялся в безумных глазах этой невозможной, этой маленькой и взрослой, этой последней девочки на Земле. Он отдавал ей себя, свою ангельскую суть и проникал

в неё, стремясь найти там, на высшей точке взлёта, все ответы, он сливался и умирал с ней. Это было счастье.

А потом из мира стали стремительно исчезать предметы и понятия, бытие превращалось в белую блестящую пустоту, и поэт увидел лицо смерти. Не киношный череп с гнилой ухмылкой, но подлинное, тайное лицо — пустое зеркало, ноль отражения, окончательное отрицание жизни.

Но поэт не умер. И знаете, почему?..

Потому что ангелы всё-таки есть.

Моя внезапная судьба, моё преступное счастье, ты накрыла меня рыжими волосами, своими огненными крыльями — и спрятала, и не отдала. Ты наполнила меня словами и жизнью.

Мой рыжий ангел.

Моя девочка.

kxmer

writercenter.ru/profile/kxmer/whois/

Photo Дмитрий Агеев

ageevphoto.com

Новая жизнь

Венордо Елена

Старенький, возможно, военного образца автобус устало покачивается, двигаясь по пустынной дороге. По обе стороны — поля, покрытые снегом. По асфальту — позёмка.

В слабоосвещённом полупустом салоне раздаётся храп. Пьяный мужичок в обнимку с баулом, из которого торчит горлышко бутылки, закупоренной газетным пыжом, при встряске подсакивает и кричит: «Свадьба, свадьба! Эх! Пела и...» Храп возобновляется с новой силой. На передних, самых тёплых местах дремлет странная компания: дорого и солидно одетый мужчина, выбритый досиня. Прислонив ему голову на плечо, грустно посапывает молоденькая красавица в мехах. По обе стороны от этой парочки с открытыми глазами спят два громилы, скрестив руки на груди.

Две деревенских тётки в тулупах, валенках и шалях, поставив ноги на объёмные сумки, подслеповато щурясь, перешёптываются, оглядывая попутчиков.

Водитель, привычно держа баранку, вглядываясь в темноту, то курит, то щёлкает семечки.

Дорого одетый мужчина время от времени вскрикивает в беспокойной дрёме: «Голоса! Голоса!»

Деревенские тётки вздрагивают и крестятся.

На очередном повороте автобус неожиданно тормозит. В салоне слышно: «Свадьба! Свадьба! Эх!», «Голоса! Голоса!»

Дверь со скрежетом отходит в сторону, открывая дорогу новым пассажирам. Первым втискивается молодой полутораметровый красавец в роскошной шубе, сообщая: «Бибика моя, сломалась, блин». Он усаживается сразу на два места в середине салона. За ним, пригнув бритые затылки, проходят золотоносцы. Часть золотого запаса страны они навесили на себя, демонстрируя драгоценности, несмотря на мороз.

Автобус под добавочным весом натужно подёргивается и двигается вперёд.

Красавица в мехах, потянув носом воздух, приоткрывает один глаз и встречается взглядом с вновь прибывшим. Оценка меховых изделий с обеих сторон вызывает заметное возбуждение и взаимный интерес. Это отмечают деревенские тётки и оживляются, толкая друг друга в бок.

Автобус, вызвав недоумённое раздражение пассажиров, опять начинает торможение.

В дверь входит грузная бабуля с большим рюкзаком за спиной. Выдернув из закрывающейся двери рюкзак, она встаёт в проходе, рукавом фuffайки стирает иней под носом и, не глядя на пассажиров, проходит на заднюю площадку. Она не интересуется никого. Долго там возится, откашливается, чихает...

Артманипуляция кот ворчун

— Граждане пассажиры!

Это сказано негромко, но на такой ноте, что все, кто спал, просыпается, даже изрядно выпивший. Водитель жмёт на тормоза.

— Граждане пассажиры, — устало обращается бабуля с задней площадки, поправляя на груди кондукторскую сумку и раскручивая рулончик с билетами.

За спиной у неё с приятным шуршанием расправляется уже не то рюкзак, не то парашют.

— Сегодня вам предоставляется шанс... — она кашляет. — В общем, — сипит бабуля: — акция.

Она играет рулончиком билетов.

— Желающие имеют возможность прямо сейчас отправиться в рай! Билеты в наличии. Хватит на всех. От вас — только желание. А-а-пчи... акция!

После затяжной паузы бабуля сматывает рулончик, приговаривая:

— Не обязана убеждать. Не хотят верить в чудеса — исполать им. Как дура, бегаю, простыла уже. И крылья вон... Так и сама здесь застряну.

Она достаёт из-за пазухи тускло мерцающую звезду, вздыхает:

— При жизни кондукторшей была, и после... Ну, тут, конечно, другое... Думала: счастье какое — билеты отрывать равно и бомжам, и президентам, а... воняют все одинаково.

Она чихает, суёт звезду обратно, поводит плечами. За спиной, оттаяв и просохнув, сверкают, распушаясь, крылья.

— Ну, граждане, в рай кто едет, нет?! Дважды не повторяю!

Солидный перестаёт выкрикивать: «Голоса!» Он поднимается во весь рост, трясёт головой:

— А ну-ка, бабка, мне один отмотай!

Он протягивает руку и хочет пойти навстречу, но один из сопровождающих, схватив его за ворот, усаживает на место:

— Ты у нас кто — депутат? Слуга народа, блин, вот и сиди, считай свои голоса.

Здоровяк кивает напарнику:

— Дождались, братан, айда, я и на тебя возьму.

Он в два шага достаёт бабулю, вежливо придерживает её руку, сам отрывает два билета, один протягивает коллеге-братану, и они... исчезают.

С криком:

— Я с народом! Я — за народ! — прорывается к бабуле и депутат. И, получив билет, исчезает.

Красавица в мехах, пригвоздив локоточком деревенских тёток, припиливает каблучком ботинок красавца в шубе, допрыгивает до бабули с крыльями, рвёт билет и тает в полёте.

Деревенские тётки, толкаясь и припоминая все сплетни друг о друге, как веские доводы, ругаясь, на чём свет стоит, берут своё, чуть не сломав пальцы крылатой бабули, и тоже исчезают.

Крылатая, испуганно зажавшись в угол, держит в вытянутой руке толстый рулон билетов с печатью «В РАЙ».

— Граждане, тут всем хватит...

Стоит тишина.

— Ну? — обращается бабуля к бритоголовым.

— Да... мы же телохранители...

— Берите! — почти молит бабуля.

— Брось, мать, — отвечает один, улыбаясь, в ответ, — давай мы твоё тело охранять будем. А то с таким добром, — он кивает на билеты, — тебя завалят.

— А вы? — жалобно стонет крылатая, обращаясь к нетрезвому пассажиру.

— Э, мать, я завтра просплюсь, а там — весна... Кто сеять будет?

— Ну так вы?.. — протягивает рулон бабуля водителю.

Водитель достаёт сигарету и кивает на руль:

— Должен хотя бы кто-нибудь всё время смотреть вперёд.

Старенький автобус, покачиваясь, едет по пустынной дороге.

В салоне на передних местах веселится странная компания. Нетрезвый дядька разливает по стаканчикам мутную жидкость. Двое с бритыми затылками, прижавшись к бабуле, как к родной, глупо улыбаются. Бабуля, благодарно и счастливо вздыхая, слегка захмелевшим голосом шепчет:

«Будем жить! И жизнь будет новая!»

Венордо Елена

writercenter.ru/profile/777ELENA/whois/

Артманипуляция кот ворчун

writercenter.ru/profile/Barmaglot/whois/

Поэзия

Рунгерд Яна

Рассвет

за тяжелым сводом неба
в белой глади моря света
утонут печали где-то.

и, в предчувствии момента
пробуждения от ночи,
уж давно запели птицы.

вновь осветит берег лета,
что начало новой жизни,
золотой дугой рассвета.

и покров свинцовый ночи
отступает, открывая
чуть оранжевое небо.

на стене у башни робко
розовеет белый камень,
хоть лучей еще не видно.

лишь туман, боясь растаять,
поспешает в лес укрыться,
лика грозного не видеть.

а роса на тонких нитках,
заплетенных пауками,
рада появлению света.

затихает на секунды
многогласный гомон утра.
тишина: все замирает.

и, когда терпеть нет силы,
что-то дрогнет на востоке —
царственно идет светило!

Рунгерд Яна
writercenter.ru/profile/iojeg/whois/
Фото h-studio
flickr.com/photos/h-studio/

Всего лишь люстра

Тори Тамари

Мишаня проснулся от озноба.

— Ну и толку от того, что май на дворе! — подумал в голос. — Под утро все равно холодно. И вообще, надо домой топать.

Не первый раз проводит ночь на скамейке в любимом скверике. Друганы нашли в себе силы разбежаться по теплым норам, а он, слабак, засыпает прямо на стакане. Алкаш он, чего другие слова подбирать, самый натуральный алкаш.

Жена не вытерпела, ушла сразу, как его с работы выперли. Он смутно помнит развод и переезд в эту хрущевскую клетушку.

Эх, жаль четырехкомнатные хоромы в центре города! Добротную сталинку разменяли на две бестолковые квартиры.

Он даже и не интересовался, куда жена переехала. Сын забегал проводить первые два года, за квартиру платил, продуктов подкидывал, а потом и он махнул рукой. Улетел в жаркие края, за границу. Напоследок сказал:

— Батя, хату не просохать.

Пришлось Мишане, как и остальным алкашам, имеющим свой угол, идти в грузчики к азербайджанцам, что торговали фруктами на местном рынке. Они платили исправно, правда, мало. Хватало только на квартплату и водку. На еду он уже не стеснялся просить денег у знакомых.

В людских глазах ни жалости, ни брезгливости не видел, и, соответственно, не испытывал стыда.

А чего стыдиться? Пока сердце бьётся (сам себе же не ампутировать его, верно?), надо удовлетворять первичные потребности тела и души. Тело требует еды, а душа водки. Если у кого завышенные потребности, то это не его дело. У него вот так теперь.

И люди помогали.

Что интересно, на бутылку не давали, а хлеб и колбасу покупали для него охотно. Никто не отказывал. Даже забавно иной раз выходило. Он только подойдет к продовольственному, а его уже за руку цепляют и ведут внутрь — чего изволите-с.

Новоиспеченные друганы-собутельники не завидовали, а с пониманием относились. Помнят, мол, люди твои былые заслуги.

Его вообще сразу залюбила местная алкашня. «С этим чудаковатым Мишаней всегда сытно, бухло есть, а сам он больше стакана не пьет, засыпает, а то, что неразговорчивый, так это ж не беда. Есть кому потарахтеть за чужой счёт».

А ведь когда-то Мишаня был уважаемым Михаилом Владимировичем, лучшим кардиохирургом, можно сказать, звездой краевой больницы. К нему на операцию больные со всего края приезжали. Доверяли свои забарахлившие сердца только ему.

Коллеги очень ценили. Часто в ординаторской звучало ёмкое «МВТ сказал, МВТ одобрил...» Обращались к нему по инициалам не только на работе, друзья тоже заимели такую привычку.

В какой-то момент руки стали предательски дрожать. Он сразу и не сообразил, что спивается. Отмахивался от беспокойных вздохов жены, типа, стресс снимаю.

Дальше предсказуемо. Стресс не снимался, а водки требовалось для «снятия» все больше и чаще.

Болезнь дочери и неудачная операция...

Нет-нет, он не позволяет себе смаковать те

события. Тут главное — вовремя стакан водяры жахнуть, сразу же подберется к нему спасительный сон и унесёт в иные грёзы. Бывало, правда, просыпался в холодном поту и кричал в припадке:

— Не верю! Никто не умер под моим скальпелем, никто! А родной дочери помочь не смог? Разве так бывает?

Ответ искал на дне стакана. Уже не ищет, просто пьёт. Сколько там той жизни осталось...

Визг тормозов и хлесткий мат из джипа превали ежедневный поток воспоминаний. Мишаня упал и больно ударился левой боковиной о бордюр.

Степан спокойно ехал по узкой улочке, не превышая скорости. Да тут в принципе не разгонишься. Разухабистая дорога вдоль облюбованного бичами скверика никогда не ремонтировалась. Но лень было делать крюк, выбирая асфальтированное шоссе, особенно в пять утра. А по этой улочке быстрее всего до родного коттеджа. И гаишных засад в такое время здесь не бывает. Это он точно знает. Так что маршрут выбран правильно.

Много выпито в сегодняшнюю ночь, очень много. Ведь не просто сабантуй по случаю хорошей погоды замутил, а с гнидой Шагиным «разруливал тему». Безрезультатно пока.

«Вот гнида паскудная!» — сплюнул он в сердцах через окно и невольно заюлил колесами.

Нет-нет, он вовсе не пьяный сейчас, так, слегка. Но братве с полосатыми палками все равно, в какой ты степени. Попался — грей карман. А не хочется Степану лишний раз расставаться с купюрами. Тем более бизнес уже не прёт в гору. Тяжеловато дается каждый рубль. Вот и бабкину квартиру пришлось продать, чтобы с Шагиным по долям разойтись. Теперь старая карга будет свой век доживать в его крутом коттедже.

Никогда, даже в детстве, не возникало у него родственных чувств к этой высокомерной женщине, что приходилась матерью его отцу. Оттого и тяжело на душе. Вроде должен быть благодарен ей, что поняла его проблему, отдала хату и решила на переезд к нелюбимому внуку.

Он, конечно, не против её присутствия, но, как сказал отцу в откровенном разговоре: «Стрёмно это. Вроде места в доме навалом, а все равно ощущение, будто пустил к себе квартиранта, потому что не тянешь коммунальные услуги».

И все эти беды из-за гниды Шагина. Мутить он стал, играть в одни ворота. С дележа ангаров началось.

Нельзя бизнес вести на двоих, ох, нельзя! Да ведь друзьями были с самого детства. Кто ж знал, что так оно обернется.

Падение бизнеса — штука болезненная. И неизвестно, чем кончится.

Степан аж зажмурился, представив, что придется продать свое уютное гнездышко...

Когда на дорогу выскочил мужик, он не успел отследить. Крутанул руль влево, но все равно задел бампером.

— Развелось бомжей, спасу от них нет!

Больше приличных слов в его речи не было. Он пулей выскочил из машины, подбежал к сбитому.

— Что за невезуха такая? А вдруг не бомж, а работяга, который торопился домой? — он и не заметил, что говорит вслух.

Воровато огляделся. На улице никого.

«Ссаньём вроде не пахнет», — успокаивал он себя, запихивая «а вдруг не бомжа» на заднее сиденье.

Закрыв за собой ворота, Степан потащил нечаянного гостя в летнюю кухню. Уложил на топчан, предназначенный сугубо для «кальянных посиделок», и легонько потрепал по щеке.

— Мужик, ты как себя чувствуешь?

Мишаня простонал что-то нечленораздельное, открыл глаза и тут же закрыл. Раздался храп.

— Все-таки бомж! — констатировал хозяин коттеджа, учуяв застарелый перегар от сбитого.

— Не бомж он!

Степан вздрогнул от неожиданности. В дверях стояла бабка.

«Карга старая, не спится ей!» — выругался он про себя, а вслух сказал: — Иди в дом, бабуля, без тебя разберусь.

Бабка не обратила внимания на тон внучка. Подошла к спящему гостю, поизучала его с минуту и выдала:

— Это Мишка Тронин, хирургом был раньше.

Твоего отца с того света за волосок вытаскивал когда-то. Годков восемь назад, что ль? Помнишь?

Степан помнил. И про спившегося Тронина тоже многое слышал. А кто не слышал? Все-таки фигура в пределах края значимая. О нём и газеты

писали, и люди на каждом перекрёстке судачили.

Видеть его не приходилось, а занятные истории про «подай Тронину, будет тебе счастье» наслышан.

Вспомнил, как этой зимой «пельменный король» Славка Дынников рассказывал в сауне о своей встрече с Мишаней.

Наехали на него разом и налоговики, и пожарники, и ОБЭПники. Душат, доят и не отстают. Подсказали ему добрые люди «подать хирургу спившемуся». Стопроцентно принесёт удачу!

Он нашел того быстро, благо земля слухами полнится. Начал опаивать, по кабакам водить, но толку ноль. Да и разговора с ним не получалось.

Перед глазами Степана явственно стал образ Славика в смешном банном колпаке, с кружкой пива в руках и уморительной жестикуляцией.

«Ты прикинь, выпьет пять рюмашек и засыпает, а я его на себе таскаю до задрипезного дома. Так всю неделю маялся. Уж было отчаялся. Решил для себя — последний день пою этого алкаша и перехожу на радикальные меры.

Приезжаю в тот замызганный район, а его нет дома. Видать, кто-то уже опоил бедолагу. Давай я его искать. Нашел на скамейке в местном скверике, прикинь, да! А куртейка на нем — ну прям из рыбьего меха и шапочка такая же. Еще бы час — точно бы замерз. Пришлось мне снять с себя новую дубленку и укутать этого хирурга. Довел до дома, уложил как есть, одетого. Однозначно определился — больше не приеду.

А больше и не понадобилось. Рассосались мои проблемы... самым сказочным образом».

— Ему деньгами и бутылками давать нельзя, — оборвала его воспоминания бабка. — Но отблагодарить его нужно по-королевски. Не зря он к тебе под колёса прыгнул! — бабка многозначительно подняла скрюченный палец вверх и продолжила: — У тебя коробка большая в гостиной стоит. Я видела, в ней люстра. Отдай её. Пусть ему светло будет.

Степан аж подпрыгнул от неслышанной старушечьей наглости:

— Бабуль, да та люстра три тысячи баксов стоит!

— Ничего, я тебе подарю за три тыщи рублей еще краше. Интерьер не пострадает.

Уже больше десяти лет Степан живет в коттеджном поселке около реки, но ни разу не заезжал в сам микрорайон, где три огромных магазина облеплены со всех сторон хрущевскими пятиэтажками.

Есть объездная дорога, ведущая в центр, вот и не было надобности лицезреть, как живёт простой люд.

— По-всякому живёт, — констатировал он, увидев машины разного класса на специально оборудованных площадках.

Но дом, который требовался ему, казался самым ветхим. Кое-как примостив своего Крузера у нужного подъезда, он развернулся к Мишане. Тот мирно похрапывал на заднем сиденье, будто и не боднул его утром джип.

«А у него, по ходу, несколько ребер сломано», — искренне посочувствовал он Тронину, вспомнив, как он стонал, хватаясь за бочину на его летней кухне, но вовремя поданный стакан водки подействовал лучше всякой анестезии, вогнав бедолагу в оздоровительный сон.

Омерзение на лице с виду преуспевающего гражданина никто не увидел, в подъезде царил давно привычный сумрак подземелья. Первый этаж, квартира под номером «один», легкое нажатие плечом, и дверь охотно распахнулась.

Застарелый дух нечистой плоти гостеприимно встретил Степана.

В прихожей света не было, и, похоже, давно.

— Неужели так можно жить?

Одинокая лампочка на голом проводе в комнате тоже не работала.

Разглядывать убожество «бичевской обители» он не собирался. Запихал поглубже свою брезгливость, уложил Мишаню на засаленный диван, открыл окно и принялся за дело.

«Хорошо, что послушал бабку и не взял с собой работника. Человек бы не понял хозяйской прихоти — подарить дорогущую вещь какому-то бичу».

«Чтобы собственноручно пришпандорил люстру к потолку!» — наставляла бабка полчаса назад.

Он так и сделал. Напоследок вкрутил в люстру двадцать девять лампочек-свечек нового поколения и, не дожидаясь, когда Тронин проснётся, покинул квартиру.

«Может, правду люди говорят, и этот спившийся хирург приносит удачу тем, кто ему подает?» — думал Степан, покидая сумрачный подъезд.

Не успел сесть в джип, как зазвонил телефон.
— Опаньки, Стёпа, радуйся! Я подписал твои бумаги! Быть тебе единоличным владельцем ангаров! Может, обмоем, а?

Степан посмотрел на мутные окна первого этажа и крикнул:

— Просыпайся, хирург Тронин! Дай бог тебе здоровья!

«А тебе, бабуля, громаднейшее спасибо! Прости меня, непутевого внука!» — с такими мыслями он подъезжал к ближайшему цветочному ларьку.

Мишаня во сне неудачно перевернулся, ушибленный бок тут же дал о себе знать. Он взвыл раненым зверем и проснулся.

«Я что — в операционной?» — пришла первая мысль.

Глаза разглядывали на потолке, подернутом грибковыми разводами, настоящее чудо.

Хрусталь, золото, ласковый свет.

Необычайно шикарно и до жути абсурдно смотрелось это великолепие в его замызганной комнатёнке. Почему-то стало так больно в душе, что левый бок с мелкими гематомами сразу отошёл на второй план.

Как оскорбительна бывает красота!

«Зачем она здесь? Чтобы высветить всю грязь, что во мне? Чтобы лучше разглядеть убожество, в котором я оказался? Боже, стыдно-то как!»

Взгляд скользнул по стенам с разодранными обоями, потом уперся в пол, пыльный и захлапленный до предела. В углу сиротливо стоял валенок, а в нем были напиханы бутылки от разных сортов водки, причем дорогой. Видать, как гордость хранил. Кто их приносил, вспомнить не удалось.

Следующим в поле зрения попался комод с оторванными ручками. Мишаня встал и потрогал залитую чем-то красным поверхность комода. Вино, что ли? На ощупь уже не липко, значит, давно дело было. Открыл первую створку и обомлел. Ящик до отказа заполнен упаковками носков. Память с трудом припоминала малознакомые лица тёток с рынка, которые совали ему всякое барахло, даром что новое.

Ах, да, он еще помнит, как они переглядывались и шептались между собой: нельзя, мол, ему отказывать.

Голова разболелась. Но не похмельный синдром терзал её.

"Может, это не тело, а совесть проснулась", — подумал Мишаня.

Он еще раз обвел комнату оценивающим взглядом. «Срочно сделать уборку! И не только в квартире, но и во всем организме! Пять лет пьяного забвения!» — стучались доминантой новые мысли в черепке.

К трюмо в прихожей уже подошел не Мишаня, а Михаил Владимирович. Он очистил ладонью полосу на зеркале и увидел свое отражение.

— В этом году тебе пятьдесят стукнет. Пришло время собирать камни. Ты должен справиться, МВТ!

Тори Тамари

writercenter.ru/profile/toritamari/whois/

Художник Владимир Буркин

Артманипуляция кот ворчун

writercenter.ru/profile/Barmaglot/whois/

Лыков

Разов Олег

Николай Иванович Лыков вышел в отставку подполковником. И было это, конечно, очень несправедливо. Должен был — полковником, а получилось — подполковником. Наверное, «судьба такой», как говаривало, коверкая русские слова, коренное население последнего места его службы. А точнее, «не судьба», как принято мрачно шутить в таких случаях. Но была, была на подходе третья звёздочка, примеривалась, приготавливалась, отсчитывала дни, прицеливалась запрыгнуть на погон, расположиться в центре, освятить собой старость, осветить собой все пустые углы в тесной служебной квартирке. Да не вышло! Третий — лишний! Остались на погоне две звезды, тусклые, старые, ехидные. Идёт сосед, весёлый трехзвёздный однокашник, благодушно похлопывает по плечу; идёт соседка, его супруга, с радостной жалостью смотрит жене в глаза.

Такая вот незадача.

А вроде бы и не было сначала такой цели — полковником. Хотелось просто служить Родине, защищать границы, стоять на рубеже, нести перед собой гордый красный стяг во славу непобедимой, легендарной, в боях познавшей радость побед... Честно служить Отчизне, дружно живущей на бескрайних просторах весёлой работающей семьёй, состоящей, по странности, только из сестёр, коих числом было ровно пятнадцать. Да разве в этом было дело? Ни у кого в то прекрасное застойное время и в мыслях не было задуматься, отчего же так весело живут пятнадцать республик-сестер-сирот без мамы и папы, отрёкшись от своих стареньких дореволюционных бабушек и дедушек.

Разве думал тогда кто-нибудь о таких странностях? Подполковник Лыков и сейчас не думает об этом, а уж тогда, курсантом, и подавно. Он знал одно: «военный» — это звучит гордо. «Есть такая профессия — Родину защищать». Помните? Все помнят.

Хотелось, конечно, быть лётчиком. С орлами в петлице, со звёздами на крыльях, с гермошлемом на ремне. И всё бы, наверное, так и было, да подрался однажды прямо на учебном, нарядном плацу высокий красивый курсант Лыков с высоким красивым курсантом Рахманкуловым. Наказал заносчивого "смуглянку" за наглость, вспыльчивость и тупость, качества, конечно, не сочетаемые с гордым званием советского офицера военно-воздушных сил. И хоть были они, на первый взгляд, юноши одинакового порядка, да и родом были из одинаковых административных единиц: Лыков из маленького райцентра под Костромой, а Рахманкулов из маленького райцентра под Бухарой, да только выгнали из училища за безобразную драку не обоих, а одного. Как вы думаете, кого? Чья фамилия постыдной кляксой повисла на огромном поучительном плакате стенгазеты?

И выпал он из рядов, сдал каптёрщику фуражку и гимнастерку, вышел за КПП и пропал из виду. Кто бы мог похлопотать за него, чтобы замять это неприятное дельце? Может быть, Анна Прокофьевна Лыкова, мать-одиночка, поднявшая сына из послевоенных руин и пепла, воспитавшая в нём честность, открытость и веру в то, что, во-первых, всего можно достичь только своим трудом, а во-вторых, за правду нужно драться. Конечно, куда ей было тягаться с Нигматуллой Аббасовичем Рахманкуловым, важным потомком славных роди-

телей, председателем райисполкома в небольшом городишке посреди белоснежно цветущего хлопкоробного края. Его младшенький, Аббасик, захотел стать лётчиком! «Не бог весть что, — улыбался отец Рахманкулов, — не сравнить со старшими, пошедшими по моей стезе, но всё равно неплохо. У нас в роду ещё лётчиков не было; на конях скакали, верблюдов погоняли, а теперь, хвала Аллаху... То есть, тьфу, тьфу! Спасибо партии... Будет сын в небе летать! Как птица! Я пирав? — и сам отвечал: — Пирав! Пирав!»

Из всего вышеуказанного логично вытекает, почему Николай Иванович Лыков с позором оставил училище, а Аббас Нигматуллоевич Рахманкулов стал лётчиком.

Или не стал. Мы этого в точности не знаем. Может, он по своей восточной прихоти передумал, расхотел, отказался... Или наоборот, стал первоклассным, хладнокровным асом, славным сыном своего народа и своих славных предков. Не знаем мы этого. И Николай Лыков не знал, не мог он уследить из далёкого районного центра, окружённого лесами и болотами, за прекрасной судьбой своего чернобрового врага. Он злыднем ходил по родному городку, как во сне штамповал вместе с матерью чёрные железные заготовки на градообразующем, единственном во всей округе заводе, и, чуть-чуть не дотянув до следующего поступления в военное училище, ушёл в армию, срочником.

Уже оттуда, по рекомендации комсомольской организации части и с благословения отца-командира подал документы обратно, в почти уже родное лётное училище, но откуда-то из недр особого отдела старыми фронтовыми глубинными ёжистыми бомбами всплыли какие-то чёрные списки, выставившие на поверхность сведения о давнишней драке, и пришлось пересылать документы в другое место и стать офицером ПВО. Это, в общем-то, тоже было неплохо, потому что ближе всего стояло к его мечте, так и оставшейся мечтой.

Проявив похвальное рвение к учёбе, усидчивость и въедливость, овладев воинскими дисциплинами, новоиспечённый лейтенант Лыков получил предписание отбыть для прохождения дальнейшей службы в батальон земного обеспечения связи, состоящий в таком дальнем гарнизоне, что и даль там была дальняя, а за тою далью — ещё одна даль, и только потом, дальше, если утихнет пурга, можно было разглядеть облеплен-

ные снегом домишки, в одном из которых так и провисела на гвозде, ни разу толком не одёванная его лейтенантская фуражка. Потому что носили там только форменные меховые шапки.

Это уже потом поочередно были Дальний Восток, Средняя полоса, и, наконец, жаркий Ашхабат — виновник и обидчик.

И как-то так само собою случилось, что всё время рука об руку с ним от стылых сугробов до пыльных каракумов, вооружённая чемоданами и утюгами, тихонько стряпала, улыбалась и целовала в шею, не доставая до щеки, удивительная голубоглазая родная Любушка.

«Как вы познакомились?» — любят спрашивать гости, приглашенные однажды «запросто посидеть». «А действительно, как мы познакомились?» — спрашивал себя Николай Иванович, недоумённо оглядываясь на свою бедную на яркие воспоминания курсантскую жизнь. Он помнил, как выхватил невысокую беленькую девочку из вереницы стоящих в зале невест и закружил в оглушительном вальсе хрупкое волнующее тело. «Люба, поедемте со мной за Полярный круг», — улыбался загадочно и многозначительно без двух минут лейтенант Лыков, словно жирная красная линия Полярного круга была на самом деле сказочным золушкиным ожерельем, красиво обвивающим и незаметно сжимающим тонкую девичью шею. «Да-а!..» — утонуло дрожащее Любушкино слово в подпрыгивающих, манящих нотах безудержного вальса... Конечно, он тотчас влюбился в Любушку, но всё это было несерьёзно, по-детски, совсем не так, как полюбил он её гораздо позже, осознанно и бесповоротно, изумляясь счастливой судьбе, подсаказавшей выхватить из длинного ряда горящих глаз и нежных рук именно эту руку.

И всё было бы хорошо. Родина — в безопасности, на погонах — нежно-голубые, как у лётчиков, прожилки, в петлицах — орлы, как хотел когда-то... Да только отравлял Николаю Ивановичу его спокойную жизнь чернобровый пилот-ас Рахманкулов, баловень судьбы, бесшабашно витающий высоко в чистом небе, восхищая фигурами самого высшего пилотажа; не вылазил из Лыковской памяти наглый, самоуверенный отпрыск узбекского партаппаратчика; поселился в голове, в отдельной просторной комнате, из которой, улыбаясь, выглядывал всякий раз, когда наваливались трудности; мерещился в каждом неславянском лице. От этого душно становилось офицеру Лыкову в присутствии смуглых, узкоглазых, ковер-

кающих русские слова, разговаривающих между собой гортанными, тюркско-нахскими голосами. От этого нещадно муштровал и щедро сыпал изощрённые тяготы и лишения военной службы на головы ни в чём не повинных детей гор, степей и пустынь. А когда на погоне вместо четырёх маленьких запылала одна большая звёздочка, получил майор Лыков предписание отправляться в далекий город Ашхабад, и ещё немного дальше, в небольшой гарнизон, охраняющий южные рубежи, ютящийся меж бескрайних туркменских виноградников и помидорно-арбузных полей у подножия длинного жёлтого хребта Копет-Дага.

Там-то ненависть к незабвенному Рахманкулову, а в его лице и ко всему нерусскому, приобрела угрожающие масштабы. Даже трудное рождение долгожданной, очень поздней доченьки не отвлекло майора Лыкова от гнетущей глобальной нелюбви.

«Чурбаны...» — скрипел сквозь зубы майор Лыков, глядя, как бойкий, улыбающийся местный житель на корню, включая старые драные носки, скупает у каптёрщиков оставшиеся от призывников гражданские вещи. «Чурбаны...» — скрипел он, глядя, как вылезает из сверкающих, орущих «Ласковым маем» тонированных жигулей молодой «бабай», облачённый в спортивный костюм, украшенный гигантской надписью «Монтана». «Чурбаны...» — видел он бесформенных женщин с накинутыми на лица платками, одетых в длинные, до земли платья, под которыми, по слухам, должны быть одеты ещё и широкие штаны. Это в плюс срок пять по Цельсию!

Николай Иванович садился в увитой виноградом курилке, слушал журчащий арык и на мгновение глох от взлетающего в сторону Ирана дежурного звена. Это сволочь Рахманкулов напоминал ему, что одни сидят в курилках, а другие взмывают в небо, и мало того, что гордо несут свою службу, как в кино воспевая мужество и отвагу военных пилотов, но ещё и приносят в клювиках оттуда, из облаков, совсем другие, более весомые зарплаты.

«Вж-ж-ж-ж-ж!» — врубал форсаж ненавистный ас-Аббас, и Николай Иванович, как обычно, сжимал кулаки и воображал их случайную с Рахманкуловым встречу.

А тут ещё эти залётчики-кавказцы учудили. Дождались, красавцы, когда на караульный пост у самолётов дежурного звена заступит их земляк, такой же обезбашенный, как сами, и расселись по

замершим в полной боевой готовности самолётам. Когда ещё простой азербайджанский парень из высокогорного аула, где небо такое близкое и такое бесполезное, посидит за штурвалом сверхзвукового самолёта?

Ну, давай, естественно, фотографироваться, дёргать за штурвал, тыкать в кнопки... Одновременно с этим для несведущих поясним: дежурное звено — это три настоящих(!), а не книжных истребителя, оснащённые полным боекомплектом, включающим, кроме всего прочего, ракеты класса «воздух-воздух», что абсолютно не предполагает беспорядочного нажатия кнопок и тумблеров.

Что тут скажешь... Гарнизон долго ещё шумел, ехидничал, обсуждал, в основном, конечно, вполголоса, на кухоньках, под рюмочку, тихонько давясь от идиотского смеха. С какой-то подсознательной, фрейдистской гордостью все в один голос произносили заветное и всё объясняющее «вот барда-ак!», а крайнее веселье вызывали передаваемые из уст в уста слова одного из главных героев, бойца Асадова, сказанные им особисту на допросе: «Знал бы, как улететь — улетел бы! Мамой клянусь!» Иными словами, всем было смешно и весело. Ничего не рвануло, и слава Богу...

Да только вот незадача! В тот злополучный день начальником караула был майор Лыков...

Да, быстро получил сигнал! Да, быстро подскочил на «козлик» к дежурке. Да, стрелял из табельного «Макарова» по убегающим зигзагами по помидорному бабайскому полю безмозглым солдатикам. И, между прочим, от обуявшей звериной злобы вырвал у их земляка-часового «калаш» и всадил прицельно полный рожок в белый свет, как в копеечку, по залёгшим в помидорах подмокшим солдатским штанам... Да не попал. Бог вмешался, а точнее, их Аллах, и не дал принять грех на душу.

Грех-то не дал, а вот проблем насовал по самую фуражку. На беду ездил в те дни по Туркестанскому военному округу с большой комиссией сам командующий войсками ПВО генерал армии Третьяк собственной персоной. Не сиделось ему в Москве... А прихлебалы всегда найдутся, капнуть начальству про ЧП в соседней части, так сказать, и лизнуть, и заодно от себя внимание отвести...

Так Николая Ивановича поставили на одну ступеньку с залётчиками-срочниками. Рядовые Асадов, Сафаров, Таги-Заде и майор Лыков. Здорово звучит!

Где положено, взяли его на заметочку, внесли, опять же, в чёрные списки, обещали пристально следить... А через два дня генерал уехал в Москву, в тени берёз слушать дачных соловьёв, а через Каспий, на пароме Баку-Красноводск, потянулись азербайджанские родственники с мохнатыми усами и мохнатыми руками. Весёлые земляки досрочно вышли с «губы», а рядовой Асадов, ко всеобщему изумлению, даже стал каптёрщиком в своей роте. Кто служил в армии, тот поймет, что это такое.

Только за майора Лыкова некому было заступиться. Некому было замолвить словцо, похлопотать, отмазать, замаять... Даже старенькой мамы к тому времени уже не было на свете. Николай Иванович, как всегда в своей жизни, был сам себе голова, но не умел защищаться, а умел только защищать — свою Родину и двух своих маленьких женщин, с тревожной нежностью встречающих его вечерами.

Что творилось в душе майора Лыкова? Черная дыра поглотила его душу. Даже время, которое вроде бы как лечит, не лечило. Время смогло только успокоить страсти, присыпать пылью, а взамен помогло выстроить в голове Николая Ивановича чёткую схему расположения сил, мироустройства и истинного порядка. Нет! Не ас-Аббас Рахманкулов был первопричиной всех его, Николая Ивановича, бед и несбывшихся мечтаний, а всё это поганое чурбанье, рахманкуловы, рабиновичи и прочие нерусы!..

Ходил смурной майор Лыков по служебным делам, молча сидел в курилке с приятелями-офицерами, но истину, завладевшую его умом, никому не раскрывал. После скандала с дежурным звеном его хотели перевести из обжитой в/ч 06113 куда-нибудь подальше, да только куда ж ещё дальше-то? Дальше уже некуда, тут и есть край земли советской, поэтому оставили, справедливо рассудив, что лучше уже иметь готового козла отпущения на все случаи жизни, чем искать на эту роль кого-то ещё.

А время, как известно, может бежать, может лететь, может мчаться или наоборот — идти или ползти. Но даже если вдруг покажется, что оно вовсе остановилось, как казалось это майору Лыкову, даже тогда оно идёт, оно движется.

Давно уже исчезли из военной части 06113 и сам майор Лыков, и те чернобровые, носатые азербайджанские братья-акробатя. Растворились залетчики-кавказцы в просторах родной или чу-

жой страны, торгуют где-нибудь в Москве помидорками и дыньками, или положили головы где-нибудь в Карабахе, или ходят по горам с ваххабитскими «калашами» за спиной (по крайней мере, одного из них, Сафарова, точно видели в телевизоре в наручниках и чалме), или разъезжают туда-сюда по городам и весям за какой-то необъяснимой надобностью на разноцветных жигулях, каждый раз на разных. Нет уж и той огромной страны (три шага по карте), могучей, на маленьких глиняных ножках, рассыпавшихся на четырнадцать маленьких осколков, лающих претензиями на большое, неповоротливое, безногое тело. Весело жили сёстры-республики вместе, ещё веселее стали жить порознь.

— Вот раньше была страна! — частенько говаривал Николай Иванович, сжимая рюмаху в руке и всматриваясь, как в экране телевизора танк прямой наводкой бьёт по Белому дому. — На ЗФИ минус сорок, а в ТуркВО — плюс пятьдесят...

Вернувшись в пустую, оставшуюся от мамы квартиру, он очень изменился. Вокруг бушевал всеобщий развал, о жилье, полагающемся военнослужащему-пенсионеру, а тем более имеющему последним местом службы суверенный Туркменистан, невозможно было даже и думать. А ему и не нужно было! Последние два года службы были чередой оскорблений, ненависти, бессилья. Кое-как еле-еле дали подполковничью звёздочку (а по выслуге должны были полковничью) и отправили во свояси. Всё кончилось, слава Богу, но свой красный стяг, который он честно нёс перед собой всю жизнь, Николай Иванович зачехлять не собирался. Настроение было боевое! Есть ещё силы помочь Родине, нужно расчищать завалы, освобождать Россию от хлынувшей изо всех сторон черноты. Тень Рахманкулова неотступно летала над красным древком, и подполковник в отставке Лыков готовился дать ему настоящий бой.

Несколько лет прошло в приятных хлопотах. Стал захаживать в церковь. Познакомился с серьёзными людьми, разделяющими, так сказать... Даже ездили вместе на митинги в Москву, участвовали в собраниях. И даже принял интересное предложение: поднял свои педантично перевязанные бечёвочкой конспекты и раз в неделю вёл занятия с короткостриженными, аккуратными молодыми людьми по тактике и стратегии ведения ближнего боя. А уж эти молодые люди закрепляли уроки энергично! Все они были ему как дети, и он, счастливо улыбаясь, по-стариковски воображал,

как они не случайно, а намеренно встречаются на узкой дорожке с детьми Аббаса Нигматулловича Рахманкулова.

Слава Богу, к старости жизнь налаживалась. В стране — толковый, железнорукий президент. Порядок наводит, олигархов — к ногтю, дома — тёплая верная Любушка хлопчет, солит грибки, закатывает банки, улыбается озорными глазами. Дочь-студентка выросла серьёзным, надёжным человеком, воспитана в любви и строгости. Да нет же! Неправильно сказано! Не в строгости, а в приучении к порядку, чтобы была готова к жизненным трудностям, чтобы имела реальную самооценку и внутреннюю дисциплину. Хороший получился человек, серьёзный... Нет-нет! Маленькая была — и на руках таскал, и крохотные ножки в пальчики чмокал, и строго-настрога говорил, что женихи бывают русские, ну, может быть, белорусские, короче говоря, славянские.

— Нам чучмеки не нужны, правда, Надька? — смеялся он глядя на пухлые щёчки.

— Тютъмеки... ну... зны... — пробовала повторить кроха, и Николай Иванович поправлял:

— НЕ Нужны, Надька! НЕ нужны, не путай!

Нету сейчас Надьки дома. В Москве. Гордость семьи, учится в институте, пишет письма. Вдвоём они с Любушкой в старой, как сами, тихой маминной квартирке. Вдвоём, как всегда. Смотрит Николай Иванович на погрузневшую, постаревшую жену, а видит в ней хрупкую беленькую девочку, кружащую вместе с ним быстрый курсантский вальс, и становится ему тепло от одного только взгляда не изменившихся за долгие годы задорных Любушкиных глаз. Эх, старость — не радость. Хворают Любушка, да и у самого — то сердце кольнёт, то рука не сгибается. Но это так должно быть, от этого никуда не денешься...

И только в последнее время что-то стало тревожить жену. Николай Иванович сразу это почувствовал, спрашивал, допытывался, выяснял... «Всё в порядке», — отвечала она и молчала. И продолжалось так год. А потом жизнь вонзила в сердце Николаю Ивановичу очередной отравленный кинжал, и всё прояснилось, всплыло на поверхность и чёрной мутью поглотило ставшую размеренной Николая Ивановича жизнь.

Оказалось, что «дальше ничего скрывать невозможно и бессмысленно» — год назад, в Москве, Наденька вышла замуж, и теперь у неё есть маленькая дочка, то есть его, Николая Ивановича, внучка. Дедушка Лыков опешил и в бледном недо-

умении уставился на жену:

— Что ж она... Не по людски-то... Без нас. Как же это...

Любушка усадила его на табуреточку, убрала всё со стола и тихо-тихо сказала:

— Она тебя боялась. Этот мальчик, её муж... из Вьетнама...

Кто-то кувалдой ударил подполковника Лыкова по затылку. Это избитый бритоголовыми учениками Николая Ивановича старый ас-Рахманкулов незаметно прилетел в голубом вертолёте и бесплатно показал кино о том, как родная дочь отставного подполковника Лыкова лежит в одной койке с косоглазым желтокожим нерусом.

Припадок случился с подполковником, кризис, приступ, срыв! И первой пострадала, конечно, Любушка. Никогда ещё в жизни не позволял он себе говорить ей такое, ни разу в жизни не слышала она от него таких слов.

— У меня нет дочери!!! У меня нет дочери!!! — вопил, метаясь по квартирке, Лыков, а она сидела в уголке и плакала...

Заболела Любушка, занеможила. Помог ей в этом Николай Иванович. На благодатную почву упал его лютый гнев. На накопленное годами, на исподтишка отданное ей когда-то недоброжелательными чужими землями: не простили ей её молодость лютые полярные метели; не простили ей её терпение дальневосточные, промозглые океанские дожди; не простил ей её верность обжигающий пустынный ветер, дующий песком из Каракумов к Каспию.

— Позвони Наденьке, позови её, — плакала белым лицом на белых простынях слабеющая Любушка.

— Я здесь, я с тобой, — отвечал, будто не слышал, Николай Иванович.

— Позови, Коля... Того гляди, опоздаем, — умоляла супружница.

— Что ты такое говоришь! Всё будет хорошо. Я сам... Нечего ей здесь... — изворачивался Николай Иванович, со страхом вглядываясь в родные токсильные глаза.

— Что же ты за сухарь такой, советский! Родная дочь... Мне взглянуть хотя бы разок... перед смертью...

— Да где я её найду в этих Вьетнамах! — в отчаянии вопрошал Николай Иванович, не думая уже ни о дочери, ни о её ужасном предательстве, а только о том, что его верная половинка тает, тает, как льдинка, прямо у него на руках, жизнь

прожилась, пролетела и ничего не принесла, кроме этой хрупкой льдинки, тающей перед глазами...

Он не позвал дочь. Он советский подполковник. Хозяин своему слову.

Предателей не прощают.

Он сидел в пустой комнате, наливал стакан за стаканом и тупо смотрел на запечатанный конверт, отданный ему в больнице вместе с Любушкиными вещами. Письмо с того света. Он боялся его читать. Он знал, что в нём. А Любушка сейчас всё-всё видит, всё-всё слышит. Приходит ночью, во снах, и плачет, просит прочитать.

Как всё глупо... Прожил всю жизнь, а так и не отделил важное от второстепенного. Прости, Любушка...

Он дрожащими руками прикоснулся к конверту.

«Коля, всё будет хорошо. Но на всякий случай пишу тебе адрес Наденьки

в Москве и телефон. Письмо оставлю у сестрички. Если ты меня ещё хоть

чуть-чуть любишь, найди Наденьку. Отдай ей мое (бабушкино) колечко,

оно счастливое. Помнишь...»

Дальше Лыков не смог прочитать. Достал валидол, запил водкой. За стряпнёй, за вязанием, за чисткой картошки, за походами в магазин, и в садик за Наденькой, и в школу на собрания, потихоньку прошла её жизнь... «Я её любил. Она была счастлива. Я её любил. Она была счастлива», — как заклинание повторял Николай Иванович, в оцепенении глядя на белые салфеточки, вышитые её рукой. Но не те это были слова, не те. И вообще, какие тут могли быть слова?

Через месяц Николай Иванович собрался в Москву. «Уругвайца... в смысле, вьетнамца, трогать не буду. Передам Надьке кольцо и всё. Пусть живут, как хотят. Они мне — никто...»

В Москве прямо с вокзала позвонил и вздрогнул, услышав родной Надькин голос. Договорились встретиться на ВДНХ, оказалось, Надька там рядом живёт.

Николай Иванович строго смотрел на своё отражение в окне вагона метро, а за толстым стеклом, играя его отражением, тьма длинных подзем-

ных перегонов сменялась торжественными облицовками станций и под разгонный свист ветра вновь сменялась тьмой. Отвернувшись от собственного лица, тусклого на фоне мелькающей в окне темноты, Николай Иванович протолкнулся к дверям. Пропустив вперёд стремительную людскую массу, он вышел из шумного подземелья и не спеша зашагал по аллее, нащупывая в кармане войлочный мешочек с драгоценным Любушкиным колечком. И вдруг увидел её, Надьку... В пяти шагах от себя, возле скамеечки. Смотрела тревожно и затравленно, а он хотел протянуть колечко и уйти, но тут из-за скамеечки выглянула чёрненькая крохотная девочка и внимательно посмотрела раскосыми глазками прямо на Николая Ивановича. Неловко раскачиваясь на некрепких ножках, подошла чуть поближе и, обернувшись на Надьку, словно спрашивая совета, указала на подполковника Лыкова маленьким пальчиком.

— Дедуська... — смешно сюсюкая, тоненько сказала она, а в узеньких глазёнках на смугленьком личике заиграли озорные Любушкины искорки...

Что-то сначала медленно покосилось и вдруг по возрастающей стремительно начало рушиться в голове старого подполковника. Выстрадавшая обидами и оскорблениями Русская идея, вся чёткая схема мироустройства: Москва — москвичам, Кострома — костромичам, бритоголовые, кожаные молодчики, стражи чистоты русских городов и улиц — всё стремглав полетело в чёрную азиатскую ночь, и даже родной враг Аббас Рахманкулов, как мыльный пузырь, исчез вместе со всеми. Подполковник Лыков протянул большие, не по годам сильные руки и бережно поднял маленькую девочку над землёй, как красный стяг, что нёс впереди себя всю свою жизнь.

— Дедуська, — повторила девочка, ухватившись крохотными пальчиками за большое морщинистое ухо, и прижалась к нему душистой черно-волосой головкой.

— Дедушка, — неожиданно повторил Николай Иванович и поднял к небу влажные затуманенные глаза.

Свой ангел или место в раю

Белка Елена

На улице стояли последние деньки августа. Лето еще не кончилось, но осень уже вкрадчиво вступала в свои права. В буйных темно-зеленых кронах деревьев то тут, то там золотом мелькали первые пожелтевшие листья. Ветер резкими порывами бессовестно теребил ветви. А они раздраженно шумели ему в ответ.

— Хорошо! — сказал Гоша, глядя на утренний парк, переступая голыми ступнями с ноги на ногу. Он стоял, широко раскинув руки, посреди тротуара. На осунувшемся бледном лице играла блаженная улыбка. В стороне по автостраде проносились автомобили, наполняя улицу шумом моторов. Мимо спешили прохожие.

— Ничего хорошего! — толкнул его плечом один из них. — Стоит истуканом посреди дороги! Нормальным людям пройти нельзя!

Но даже это не испортило ему настроения. Он огляделся. Взгляд привлек желтый сухой кленовый лист, застрявший в кроне снежника, растущего вдоль тротуара. От порыва ветра листок трепыхался, как будто хотел выбраться из ветвей.

— Иди, гуляй! — обратился к пленнику Гоша и, освободив, пустил его по ветру. Лист упал и заскользил, подпрыгивая по поверхности тротуара.

— Хм... — удивился Гоша и пошел за листом, шлепая голыми ступнями по прохладному асфальту. Ветер дул ему в спину, взлохмачивая светлые волнистые волосы. Но Гоша не обращал на это внимания. Он с широкой улыбкой продолжал шагать за скользящим жёлтым проводником, удивляя прохожих своим видом.

— Мама, смотри, ангел! — дергая мать за руку, воскликнула заплаканная девочка в желтом платье и розовых колготках, с большим, небрежно завязанным белым бантом на макушке.

— Не показывай пальцем, это неприлично! — и женщина прибавила шаг, из-за чего девочке пришлось буквально бежать, чтобы ей не оторвало руку. Но «ангел» всё шел вперёд. Наконец, лист остановился где-то в центре парка, около деревянной лавочки, застряв в траве. Гоша сел на лавку. Подперев подбородок ладонями, он стал, улыбаясь, созерцать кленовый лист, ожидая, что тот снова оживет и позовет за собой.

Вот в такой позе и увидела его проходящая мимо Лидия Александровна. Она торопливо шла с рынка, опираясь на палочку, боясь опоздать к началу любимого сериала. Из-за серого плаща и коричневого платка она практически сливалась с фоном августовского парка. Единственное, что её выдавало — цветастая сумка, которую она тщательно прятала за спину, чтобы сидящий не обнаружил, что за ним наблюдают. Поэтому ей удалось очень близко подобраться к лавке.

Свои манёвры она начала, как только распознала на фоне парковых деревьев силуэт сидящего ангела. Ей было под семьдесят, зрение уже не то. И, как назло, старая женщина забыла дома очки, но сердце подсказывало ей — это он! Настоящий Ангел!

Её нельзя было назвать набожной. Однако она искренне верила, что небесные силы есть. И они незримым образом наблюдают за смертными и подсказывают им дорогу в Рай, побуждая творить добрые дела. Не раз в трудные минуты обращалась она к ним в мыслях за помощью. И помощь действительно приходила. И теперь, с такой искренней уверенностью в сердце, она не смогла пройти мимо чуда. Чуда, которое, как она полагала, послано ей свыше за трудовые подвиги на благо отечества, а также за активную общественную работу.

Лидия Александровна осторожно подседа к объекту своего пятнадцатиминутного наблюдения и, понизив голос, заговорщицки спросила:

— Какими судьбами к нам? Так просто иль с миссией какой?

Собеседник, улыбаясь чему-то своему, ответил:

— Меня сюда он привел...

— Понимаю, — кивнула Лидия Александровна, на самом деле ничего не понимая. И продолжила разговор, надеясь по ходу разобраться.

— И как там? — показав в взглядом на небо, спросила она.

Он, проследив за её глазами, уточнил:

— Где там? Откуда я пришел? Надоело! Охранник ворота не закрыл, вот я пошёл погулять.

— Архангел Пётр, что ли? Знаем такого! — понимающе кивала головой Лидия Александровна. И поскольку собеседник разговорился, к тому же общие знакомые нашлись, она решила на самый важный для неё вопрос:

— А ты, милоч, случаем, не за мной? — и, затаив дыхание, стала ждать ответа.

Собеседник сфокусировал на ней блуждающий взгляд, как будто только что увидел её:

— Нет, не за тобой. Зачем тебе туда?

— И правда! — не зная, то ли радоваться ей оттого, что её срок еще не пришёл, то ли огорчаться, что Рай откладывается. — Я, пожалуй, еще годик-другой на этом свете проживу! — и, заправив выбившиеся из платка седые волосы: — Да ты меня баб-Лидой зови, меня так все свои кличут!

— Угу, — ответил собеседник, снова переведя внимание на кленовый лист, как будто баб-Лиды рядом с ним не было.

Но Лидию Александровну такой расклад не устраивал. Очень уж ей хотелось завязать с представителем небесной власти знакомство попрочнее.

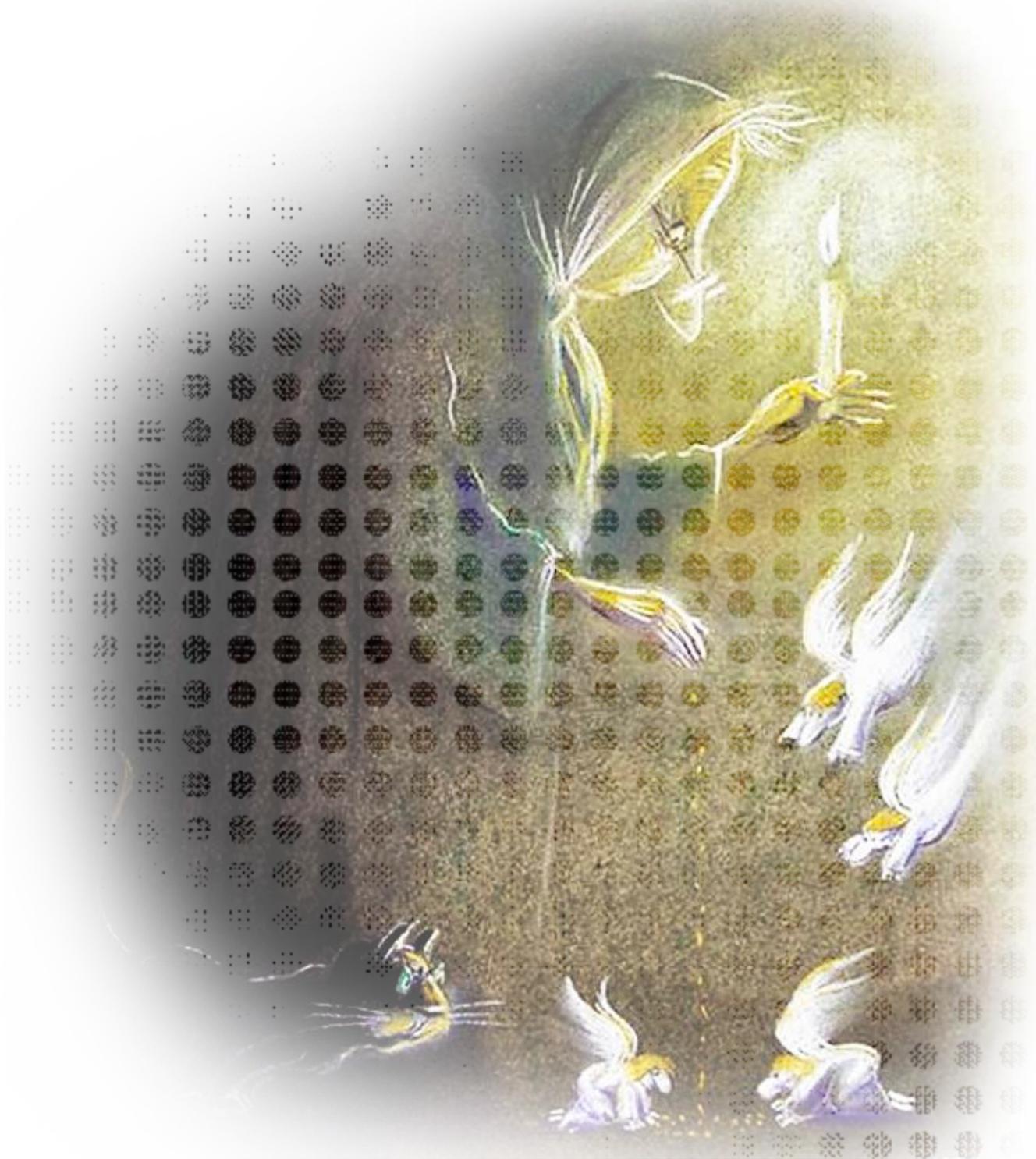
— Вот, — сказала она, вытащив на свет красное яблоко из тряпичной сумки, расшитой разноцветными лоскутами. — На, бери! Приятельница угостила. «Возьми, — говорит, — погрызи!» Шутница! Знает, что у меня своих только два зуба осталось! — и старая женщина смущенно заулыбалась.

— Спасибо! — взяв яблоко из морщинистых рук, он с наслаждением откусил пузатый бок.

Лидия Александровна аж замерла, глядя, как её «ангел» поедает яблоко вместе с сердцевинкой.

— Ой, милоч, вам что там — яблоки не дают? — сочувственно спросила баб-Лида, заглядывая ему в лицо.

— Только... кашу... — жуя, ответил собеседник.

— Манну небесную. Знаем, знаем! — закивала баб-Лида, перекладывая палочку из одной руки в другую.

— Ага... манку... её... самую...

— Ну и правильно! Хорошо, что там, — указав пальцем в небо, продолжила она, — рацион соблюдают. — И, понизив голос: — Я сама кислое не жалую, а то как поем, так сразу в уборную бегу, всё боюсь не успеть!

— Да нет! У нас все стараются успевать, иначе... — и тут от беседы их отвлек резкий вой приближающейся сирены. Раздался визг тормозов остановившейся напротив патрульной машины. Хлопнули дверцы, затараторила рация, и двое патрульных направились напрямую к лавочке, шагая по увядающему газону. Баб-Лида обернулась к собеседнику. Но «ангел» к продолжению разговора был не расположен. Он вжался в спинку, вцепив-

шишь обеими руками за края лавки. Пальцы побелели от напряжения, лицо скривилось в гримасе ужаса.

— Ты чего, милоч? Живот прихватило? — испуганно спросила баба Лида.

— Вот и попался, голубчик! — обрадовался здоровый черноволосый патрульный, вплотную подойдя к Гоше. — Руки давай! — сказал он, доставая наручники.

Но тот ещё сильнее вцепился пальцами в лавку.

— Иван, чего стоишь, мух ловишь? — обратился к напарнику милиционер. — Давай, отдирай его!

— Эй! Да что вы делаете? — попыталась вмешаться баба Лида, вставая.

— Отойдите, гражданочка, не мешайте! — и патрульные, профессионально взявшись за дело, отцепили сопротивляющегося и, защелкнув наручники, поволокли в машину.

— Нет! Не надо! Не хочу... — кричал он, отчаянно упираясь ногами в землю. Но милиция свое дело знала и уверенно тащила его к патрульной машине. Вскоре крики перешли в всхлипы, которые потонули в салоне.

— Да куда же вы его, сынки? — прихрамывая, бежала за ними баба Лида.

— Куда, куда — в психушку! Откуда сбежал! — ответил черноволосый патрульный, захлопывая дверцу перед носом у старой женщины.

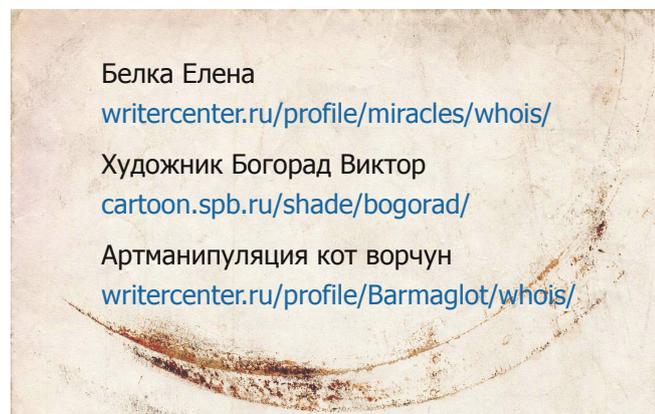
— Как же так? В психушку... — дрожащими губами проговорила баба Лида, провожая взглядом отъезжающую машину. И лишь после того, как она простояла пять минут, прижимая к разрывающемуся сердцу картонные крылья, потерянные ее «ангелом» в процессе борьбы, она, подобрав сумку и палочку, кряхтя поковыляла домой...

Этой ночью баба Лида долго не могла уснуть. Сериал ей так и не удалось посмотреть. Весь день у неё ныло сердце и ломило ноги от перемены погоды. И она чувствовала, что как будто что-то

светлое по капле утекало из её души. К тому же началась гроза, и под окном всю ночь шелестели деревья, нашептывая ей о злополучных событиях в парке.

Утром она поднялась ни свет ни заря в полной решимости действовать. Нет, не в её характере было сдаваться! Не к лицу ей было сидеть сложа руки! Надев свое любимое шерстяное синее платье и выходную зеленую вязаную кофту, она отправилась к главврачу психиатрической лечебницы им. академика Павлова.

Спустя два месяца после упомянутых событий Лидия Александровна сидела перед телевизором и пила чай вприкуску с комковым сахаром. Она макала его в блюдечко, как обычно любила делать. И при этом краем глаза умудрялась наблюдать за своим новым жильцом, который со счастливым лицом стоял на балконе. Запрокинув голову, он ловил ртом первые снежинки. А на душе было светло и хорошо, потому что у неё был теперь свой Ангел! «И ничего, что крылья у него картонные, — думала она, щурясь от удовольствия, — зато место в Раю обеспечено!» И в этом она была абсолютно уверена.

Поэзия

Армант, Илинар

Весна

Любопытство и страх — что сильнее?
Защищаюсь остатками сна.
Любопытству помог воробей,
Прочирикав: "Проснись же! Весна!"

Что такое весна?.. Острый луч
Вижу я... как под снег он проник?
Но он нежен... совсем не колюч...
Он прекрасен! Доверился вмиг!

Из объятий в объятия попал.
"Снег, прости... изменил невзначай...
Беззащитен я, хрупок и мал..."
Таёт снег... тихо шепчет: "Прощ-щ-щ-ай..."

Так же с сердцем прощается лёд...
Сердцу враг он? А может, броня?
От него сострадания не ждёт
И пугает: "Сгориш-ш-ш-шь без меня..."

И сгорю! Ощущаю полёт!
Сердце бьётся неровно? И пусть!
Вижу неба заманчивый свод!
Я не хрупок, не мал, не боюсь!

Раскрываю души лепестки
И сливаюсь с игривым лучом,
Его светом смываю грехи
Я подснежного ада. И в нём

Растворяюсь. Сам светел и свят!
Пью любовь я из чаши без дна,
Без краёв... за любовь же! Виват!
Знаю я, что такое — Весна!

До тебя...

Я не думал, что клочья тумана —
Это пепел, развеянный ветром по травам,
Что остался от звёзд... Не жалел я их, право...
Думал просто — восход, а не пламя пожара.

До тебя...

Я не видел, как белою пеной
На волнах пишет море стихи. Постепенно
Раскрывая в них тайны... Я видел, наверно,
Лишь узор кружевной, а не стих сокровенный...

До тебя...

Я не слышал, как шепчутся листья,
Доверяя лишь ветру печальные мысли
О промчавшемся лете, прося лишь до выси
Их поднять перед смертью... Глухим мог прожить я...

До тебя...

Я не знал, что Творец я! Любовью
Столько красок открыл, что раскрашивать вволю
Я могу этот мир. Значит, что-то да стою...
Знал — я есть, но... зачем? Я узнал лишь с тобою.

Армант, Илинар
writercenter.ru/profile/Armant/whois/
Фото h-studio
flickr.com/photos/h-studio/

Оксана Ветловская

Первую книжную обложку Оксана Ветловская создала в 2010 г. для своего дебютного романа «Имперский маг» (авторское название — «Каменное зеркало») и с тех пор сотрудничает как художник с издательством «Астрель-СПб».

Также работала иллюстратором в различных периодических изданиях, в частности в журнале Б.Стругацкого «Полдень XXI век».

Иллюстрация к роману Мастера Чэнь «Любимая мартышка дома Тан»

— Оксана, как давно Вы рисуете? Почему стали делать иллюстрации, хотя у Вас есть два высших образования, не связанных напрямую с живописью и графикой?

— Я рисую столько, сколько себя помню. В детстве для меня это было совершенно естественное занятие, увлекательнее всякой игры — что-то придумывать и зарисовывать (а позже и записывать). Когда научилась читать, стала рисовать картинки на тему прочитанного. С двенадцати лет я точно знала, что хочу стать иллюстратором (и писателем). Но зарабатывать в этой области очень сложно. Подростком я не раз слышала от окружающих о том, что все эти занятия абсолютно бесперспективны. По этой причине я не пошла в художественное училище, хотя после окончания художественной школы у меня была такая возможность, а поступила учиться на «серьезную» специальность, отчасти связанную с рисованием, — архитектуру. И к четвёртому курсу окончательно поняла, что архитектуре посвятить свою жизнь не смогу — не моё. К тому времени я уже вовсе рисовала иллюстрации для уральских периодических изданий, календарей и самиздатовских сборников, бралась абсолютно за всё, что предложат. Затем была ещё одна попытка получить такую специальность, по которой я смогла бы работать. Я выбрала филологию, потому что люблю литературу, и в итоге осознала, что год за го-

дом читать студентам лекции по истории литературы — пытка для меня ничуть не меньшая, чем сидеть в архитектурном бюро и чертить, скажем, планы офисов... Параллельно с долгой учёбой я работала, где придётся, и в конце концов пришла к пониманию, что у меня просто нет другого выхода — если я вообще хочу чего-то достичь в жизни, то я должна добиться права зарабатывать на жизнь любимым делом.

— Какую технику Вы используете для создания иллюстраций?

— Цифровая живопись и так называемый «мэт-пэйнтинг» (matte painting — это крупномасштабные рисованные изображения, используемые в кинематографе, но на иллюстраторском жаргоне этим словом часто обозначают технику, при которой фотореалистичные изображения создаются с использова-

Эскиз к роману О.Ветловской "Каменное зеркало"

Представляем

нием фрагментов фотографий, дорисованных, специально обработанных и т.д.). Начинала я со второго, чтобы постепенно прийти к первому. Ещё очень люблю чёрно-белую графику — работы тушью. К сожалению, заказов на чёрно-белые иллюстрации сейчас почти не попадается, а раньше я рисовала тушью иллюстрации для литературных журналов.

— Как возникает идея иллюстрации? Работа делится на этапы, какой из них самый сложный?

— Что касается иллюстраций на обложку, то тут обычно есть пожелания редакции либо автора, иногда весьма подробные, вплоть до «техзадания» — герой стоит так-то, в руках у него то-то. Но мне, разумеется, больше нравится, когда иллюстратору даётся некоторая свобода для воображения. Если есть время на то, чтобы прочесть произведение, то я стараюсь придумать иллюстрацию-символ. В таком случае идея зарождается на основе некоего послевкусия от текста. Сначала я рисую эскизы — иногда один, иногда несколько. А самый сложный этап — прорисовка, особенно человеческих фигур, движения. Архитектурное образование — далеко не то же самое, что художественное, в вузе меня учили рисовать здания и

Эскиз к роману О.Ветловской "Каменное зеркало"

Иллюстрации к повести О. Ветловской "Усадьба по ту сторону холма"

интерьеры, а не людей. Так что многое мне приходилось постигать уже в процессе работы над самыми первыми своими иллюстрациями, и до сих пор осталось особенно заострённое внимание к этому этапу работы.

— Художник имеет возможность выбирать автора, книги которого он хотел бы иллюстрировать? Вы общаетесь с автором в процессе работы?

— Обычно за художника выбирает издательство — книги какого автора художнику лучше иллюстрировать. Ведь у каждого художника (как и у автора) свой почерк, который может отлично подходить для одних жанров (или даже авторов) и не так чтобы совсем идеально подходить для других. Хотя настоящий профессионал, разумеется, с любым заказом справится. А порой бывает и так: издатели предлагают работу при условии, что художнику понравится текст. Мне такое уже встречалось. К тому же издатели могут учитывать

пожелания художника в отношении того, хочет ли он дальше работать с тем или иным автором.

Когда я рисовала самые первые свои обложки, с авторами вовсе не общалась. Такова была политика того отдела издательства, с которым я тогда сотрудничала, и я думала, что по-другому просто не бывает. Но позже я увидела совсем иной стиль работы — когда редактор весьма тесно сотрудничает со своими авторами — и с радостью переняла эту практику. Теперь я всегда общаюсь с автором. Я считаю, что это правильно. Мнение автора всегда надо учитывать, ведь потом именно он будет отвечать за свою книгу, не только за текст, но и за обложку, за название, за аннотацию — если что-то из перечисленного будет выглядеть нелепо или непривлекательно, то в убытке останется в первую очередь автор, ведь каждая вышедшая книга автора, по сути, «делает» его следующую книгу (я сейчас говорю только про издательский аспект), решает его судьбу.

Представляем

— **Вы читаете всю книгу, над обложкой которой работаете, или знакомитесь только с предложенным фрагментом книги?**

— Это напрямую зависит от того, сколько времени отведено на работу. Если довольно много — то стараюсь прочесть текст полностью или хотя бы большую его часть. Если времени на чтение романа не хватает, тогда читаю только отрывок, предложенный автором или издателем, и стараюсь как можно подробнее обговорить с автором всё, что касается деталей изображения.

— **В какой технике Вы работаете? Какую роль играет компьютер в творческом процессе?**

— Компьютер играет роль самую что ни на есть важную. Я ведь рисую с помощью электронного планшета, в графическом редакторе Photoshop. Принято считать, что Photoshop больше подходит для ретуширования фотографий и создания коллажей, а рисовать лучше в редакторе Painter, но на мой взгляд, Photoshop отлично подходит и для рисования. У меня есть большие электронные библиотеки различных текстур и кистей, в том числе кистей, имитирующих мазок маслом или акрилом, такими кистями я пользуюсь чаще всего. В

Photoshop'e я работаю с 15 лет, интерфейс этой программы давно воспринимаю как некое виртуальное продолжение собственного сознания. Я знакома и с другими графическими редакторами, но в них работаю меньше. Кроме Photoshop'a в работе иногда использую GIMP и изредка тот же Painter. А наброски всегда рисую на бумаге, карандашом, ручкой или маркером, а потом сканирую. С «чистого листа» работать на компьютере для меня как-то некомфортно.

— **У вас есть любимые работы? Те, что Вам особенно дороги?**

— На сегодняшний день таких работ существует две. Первая — иллюстрация к собственной дебютной книге, самая первая моя обложка, отнюдь не совершенная, созданная в основном в технике мэт-пэинтинга, т. е. сложного коллажирования с дорисовкой (живопись там тоже есть, но меньше, тогда я боялась много экспериментировать с чистой живописью, страшно было, что обложку могут не принять) — книга, которую издатели выпустили под названием «Имперский маг» (на самом деле это первая часть большого романа «Каменное зеркало»). А вторая — иллюстрация к роману Ксении Медведевич «Ястреб халифа». Именно её я

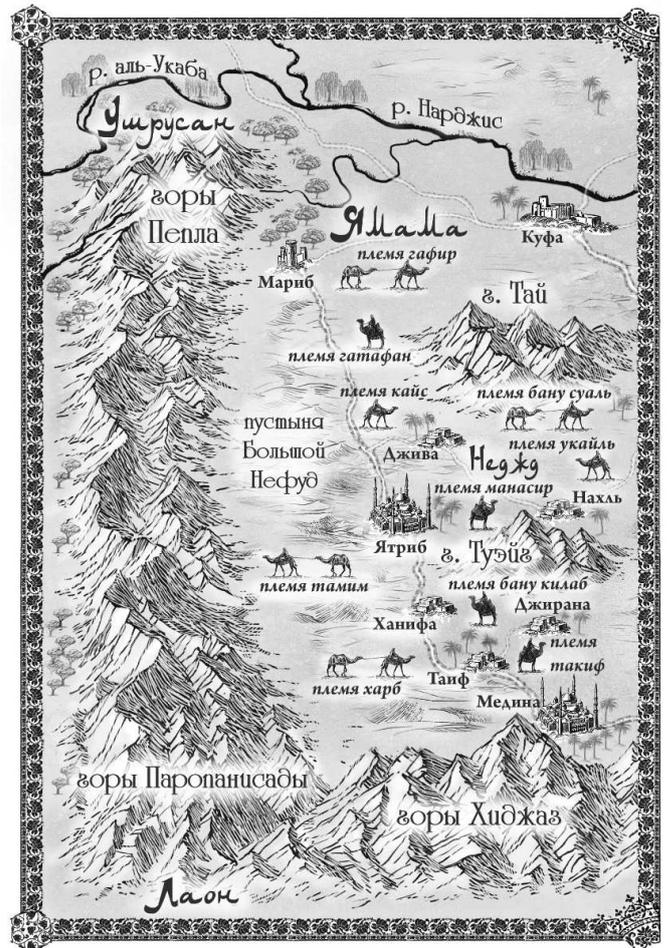
Иллюстрация к книге К. Медведевич "Ястреб халифа"

считаю своей первой по-настоящему профессиональной иллюстраторской работой. Кроме того, она, на мой взгляд, хорошо передаёт атмосферу книги. И работать над ней было удовольствием.

— **Заменит ли в будущем цифровая иллюстрация классическую книжную графику?**

— Если говорить об обложках — то, как мне кажется, уже заменила, хотя есть исключения, и эти исключения, думаю, будут всегда. Если говорить о внутренних иллюстрациях — в сущности, ситуация примерно такая же... Хотя, если рассматривать не только книжные, но и журнальные иллюстрации, то «бумажных» работ среди внутренних иллюстраций всё-таки побольше, чем на обложках. На самом деле, главное не то, в какой технике работает художник, главное — как, насколько хорошо он это делает. Полностью же цифровая иллюстрация, думаю, бумажную не вытеснит — во всяком случае, в обозримом будущем. В виде исключения всё равно кто-то будет работать «живыми», а не электронными материалами. А заказчики на такую работу, думаю, всегда найдутся — ведь некоторые нюансы «бумажных» работ не передать никакому графическому редактору.

Карта к книге К. Медведевич "Сторож брату своему"

— **Ваши любимые писатели и произведения.**

— Ответ будет, наверное, довольно неожиданным для художника, иллюстрирующего в основном фэнтези, но вполне закономерным для человека с филологическим образованием. Мне очень нравятся романы Владимира Набокова. Этот писатель виртуозно работал со словом. Дело не в том, о чём он писал — дело в том, КАК он писал. Это как раз тот случай, когда писатель, насколько это вообще возможно, приближается к живописцу. Каждое слово — как предельно выверенный мазок кистью. И подолгу рассматриваешь полотно уже лишь из-за того, как это сделано.

Ещё в ряду любимых авторов — то есть тех, чьи книги хочется перечитывать, — могу назвать Достоевского и Булгакова, а из зарубежных — Гарсиа Маркеса, Эко... У Дэна Симмонса отдельные вещи нравятся. Любимых в полном смысле этого слова книг — именно на сегодняшний день — пожалуй что уже и нет, но есть знаковые книги, которые как-то изменили меня, это довольно большой список, над которым ещё пришлось бы основательно подумать, чтобы ничего важного не

«ЛЕГИОН»:
Если между человеком и магией
несет службу Легион — у человека остается шанс.

Т. РУСУБЕРГ

Т. РУСУБЕРГ

ЛЕГИОН

Аркан — это колода карт. Магический артефакт, способный предсказывать судьбу, предостерегать и спасать. Но даже его помощи может быть недостаточно, чтобы найти брата и сестру, близнецов, которых Найд долгое время считал погибшими. Забывший собственное имя, потерявший семью и способность говорить, отказавшийся от своего дара... Теперь Найд уверен: пришло время вернуть себе всё. Даже если цена будет высока.

АРКАН

Будущее. На ощупь оно холодное и гладкое,
как карточная рубашка

АРКАН

А АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru

ЛЕГИОН

ЛЕГИОН

забыть, хотя отдельные книги я, конечно, смогла бы сразу назвать — некоторые романы Фаулза, например. А ещё есть книги, к которым постоянно возвращаюсь, которые могу читать с любого места, которые знаю буквально наизусть. «Мастера и Маргариту», например. Или набоковский «Дар».

— Над каким проектом работаете в данный момент?

— Сейчас работаю над обложкой к роману Ксении Медведевич «Сторож брату своему» — продолжению «Ястреба халифа». Это историческое фэнтези в арабском антураже. К нему же нарисовала подробные карты. Я стараюсь работать так, чтобы каждая моя иллюстрация была хоть в чём-то лучше и интереснее предыдущей. Такая установка позволяет избежать монотонности — получается постоянное соревнование с самой собой, сохраняется азарт. Ведь азарт и увлечённость — то самое, что позволяет оставаться в любой профессии на протяжении многих-многих лет.

Беседовала Ула Сенкович

Художница Оксана Ветловская
freyja-vanadis.livejournal.com

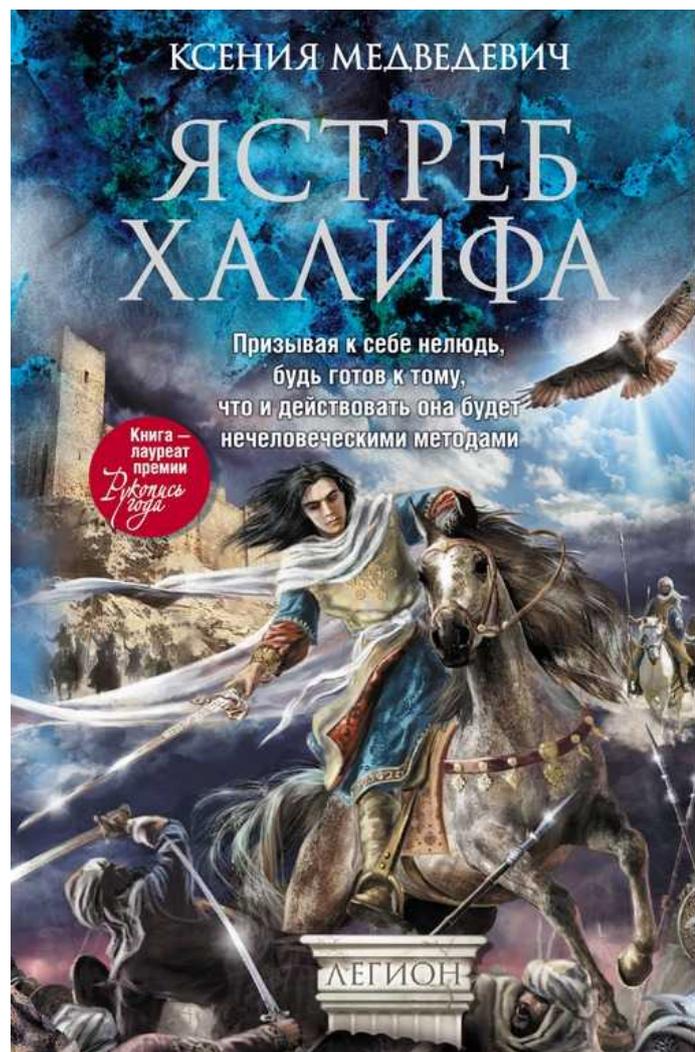
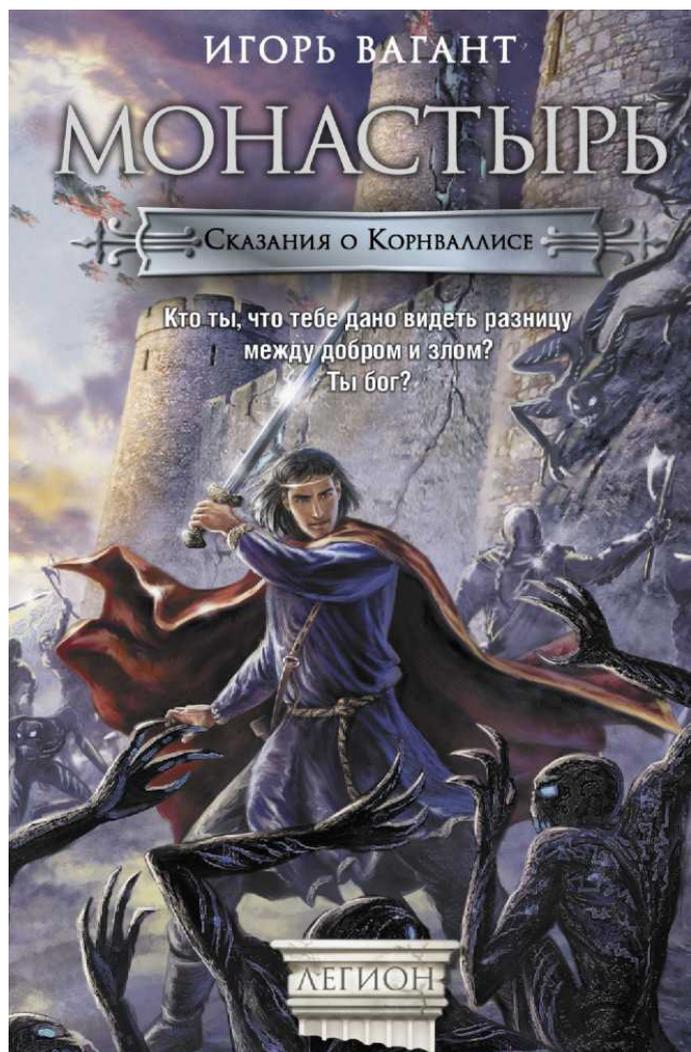

Иллюстрация к роману А. Гутник "Гренадёры Шестой заповеди"

NeAmina

Правда

Мы были вместе в счастливой поре колясок, мягких игрушек, формочек и песка. Мы окунались в пьяное буйство красок, мир был велик, а мечта наша так близка. Звезды садились птицами нам в ладони... Верили мы в нерушимость своей любви.

Всё до того, как узнал я, что род драконий в вечной вражде с недоверчивыми людьми...

Может, и стоило плюнуть на эти сплетни, и позабыть навеки, как страшный сон. Только так вышло: единственный я наследник. А мой отец — великий король-дракон.

Мы ведь как люди: волосы, губы, плечи, руки и ноги — различий особых нет...

Облик сползает обманчиво-человечий, лишь исполняется нам восемнадцать лет. Разум мутится, пляшут в крови гормоны, пламя бежит по жилам, кипит в груди. Годы уходят, чтоб воспитать дракона, соединить стихии и победить. Каждый дракон в себе носит частицу бога: вечно горящий в сердце цветок огня...

Люди хрупки́, они и живут немного. Станет ли ждать невеста моя меня?

Я рассказал принцессе сегодня это, втайне надеясь, что милая скажет “да”. Я получил, конечно, на всё ответы, но не совсем такие, как ожидал.

«Знаешь, — она сказала, — не надо сказок. Я уловила этой легенды суть... Если решил расстаться, давай уж сразу: мол, разлюбил, прости, навсегда забудь. Дружба прошла, мы с тобою уже большие, мне предстоит довольно удачный брак. Я даже рада, что этот вопрос решили. Ну, я пошла. Пока. Не скучай. Вот так».

Рыжих волос вдали промелькнуло пламя...

Замерло время...

Тихонько запел сверчок — я просидел весь день на холодном камне, крепко сжимая ненужный уже сачок. Звезды зажглись, опустился на землю вечер.

Мир изменился, хватило всего лишь дня: я повзрослел, чешуя облегает плечи, рвется из горла гневный поток огня. Пламя кипит. Я взлетаю над спящим лесом, нашу поляну дыханьем спалив дотла...

Я же дракон (и найдутся еще принцессы), в сердце разбитом — пламя, в душе — зола...

NeAmina

writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Торечь солнца, прохлада мёда

Шани

Если она опоздает к закату, тогда ей, верно, лучше умереть.

Ну, не умереть, но обидно будет. Ведь на закате начнут встречать Новый год, а потому, промешкав, она не поводит хороводы вокруг новогоднего костра, не бросит венки в — подумать только! — взаправдашнее море, не отправится искать цветущий папоротник в ночном лесу и там, чем черт не шутит, не увидит настоящих эльфов...

Да, опоздать было бы крайне обидно. К счастью, до вечера еще часов десять. А это значит, что она успеет.

Идриль прыгнула с подножки фуры. Крикнула, захлопывая дверь кабины:

— Спасибо!

Тягач фыркнул, чихнул, словно нехотя двинулся с места, постепенно набирая скорость. Забросив на плечо рюкзак, Идриль глядела, как тянутся мимо громоздкие нагруженные фургоны. Вдыхала запахи выхлопных газов, горячей дорожной пыли, мазута, цветущих трав.

Над сиреневыми венчиками душицы бубенцами звенели пчелы.

Жарища здесь — сдуреть можно. Хорошо, что надела шорты, хотя Аська отговаривала — джинсы, мол, надевай, а то все водилы будут клеиться. Смешная Аська. Идриль — как бы эльфийская дева, а к эльфийской деве, даже захотев, так просто не подкатишь. Они в строгости себя держат, эльфы-то. И сердцем чуют избранника, ну, того, с кем дальше сплетут свои судьбы. А почуяв, только глянут, и р-раз — любовь! И у него, и у нее. И тысячи лет минуют, а они все будут бродить в обнимку под огромными звездами.

Идриль постояла еще немного на обочине, обмахиваясь шляпой, точно веером. Хорошо бы где-нибудь здесь оказалась речка, думала она, скребя в затылке. Или хотя бы колонка. Вчера колонка нашлась, и у нее получилось, одной рукой нажимая на рычаг, вымыть голову. Результат вышел так себе, но лучше, чем ничего.

Она еще мечтала о колонке, когда услышала за спиной урчание двигателя. Машина! Идриль развернулась, точно в броске, молниеносным дви-

by Alice X. Zhang

жением вскинула руку. Зря — старенькая «Волга» пролетела мимо, не останавливаясь. Ну и ладно, будут еще.

Но ей не стоялось на месте. Вид пустой трассы вызывал зуд в ногах — что, если из-за этой проводочки она и впрямь опоздает на праздник? В конце концов, Идриль сдалась, подтянула рюкзак и, вздохнув, двинулась пока что пешком.

Пыля по обочине, крутила головой. Обалденно красивый здесь край, краски такие чистые, сочные — не приглушенные, как на родном севере. И льдистые пики гор вонзаются в облачное небо.

Трасса забирала в гору. Скоро ей стало не до окрестных видов.

— Бессонница, — пыхла непривычная к альпинистским нагрузкам Идриль. — Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины. Сей длинный выводок, — на ходу она вытряхивала из сланцев мелкие камушки, — сей поезд журавлиный, что над Элладю когда-то поднялся...

Неожиданно ноги сами понесли ее вперед, так быстро, что едва успевай переставлять! Вниз, с перевала, с одной стороны трассы — глухая скальная стена, с другой — шумит лес, а дальше — встают новые горы.

За ними, Идриль знала, плещется море. Безбрежный ультрамариновый простор, далекий парус в сверкании водной глади, темные свечи кипарисов на берегу. Скоро она попадет туда, в этот рай земной, в этот блаженный Валинор: мурашки по коже, стоит представить, как ты видишь прибой — впервые в жизни! Отвязный кайф, сказал бы сосед по блоку, Юрчик-растаман. Абсолютная нирвана.

Она даже глаза зажмурила от нахлынувших чувств. Раскинула руки, будто собираясь полететь — вместе с теплым ветром, к проблескам синего неба в разрывах облаков и выше — к солнцу! Ей захотелось запеть, и она уже набрала в грудь воздуха, когда сзади окликнули:

— Девушка! Девушка, вам куда?

Он махал ей рукой из окна черной машины (Идриль путалась в марках, но эта тачка явно была импортной). Молодой, темноволосый, как эльф. И глаза эльфийские, светлые, и улыбка — ах! Идриль почувствовала, что ее ноги странно ослабели, и в животе образовалось трепыхание, будто желудок решил поменяться местами с селезенкой и что еще находится там, в кишках.

— Садитесь, подкину. Слышите?

А ведь он застал ее врасплох. Подкрался бесшумно, точно и впрямь был из Лесного народа, и будто его тачку, как ни абсурдно это звучит, собирали тоже эльфы — ни гула мотора, ни шороха колес по асфальту, ничего. Конечно, Идриль жутко рассеянна, и мама об этом твердит, и преподаватели, но при всей ее рассеянности — как она могла его не заметить?

— Так вы садитесь, девушка?

— Ага, — сказала Идриль и, преодолев слабость в ногах, плюхнулась на сиденье рядом с эльфом.

...так вот, дорогие мои друзья, поначалу она мне не понравилась. Как сексуальный объект, естественно. Ну, фигурка-то куда ни шло, ростом маловата, но попочка там, сиськи — все на месте. А вот морда — гуляй, Рязань! Нос картошкой, щеки в веснушках, бровки рыжие. Волосы, однако, белые, как молоко. Крашенные, как позже выяснилось.

В общем, не будь вчерашнего скандала с Рит-

Проза. ФЭНТЕЗИ

кой, ни за что не подсадил бы я эту идиоточку. Но мы поцапались по-крупному, Ритка психанула и свалила в ночь. Наутро прислала эсмэску: прощай, мол, дорогой Стас. Прошла любовь, завяли помидоры. Развлекайся дальше без меня.

И тогда я, злой как черт, отправился с горя колесить по окрестностям Приморска. От одного вида пляжей тошнило, там сейчас Ритка ворковала с каким-нибудь хачиком — она любит черных. Стерва, думал я, нажимая на газ, отпуск насмарку. В воображении нарисовалось, как Ритка льнет к хачику, а тот облапил ее за талию и касается губами шеи. Меня аж затрясло от досады, отдал бы миллион, чтобы забыться хоть чем-нибудь, — и в сей момент, драгоценные мои друзья, за очередным витком серпантина я увидел эту юродивую.

Уже в машине она представилась — Идриль. Дурацкое имя, то есть, не имя, конечно, а ник, но я его запомнил. Даже комплимент сделал — ах, как необычно! Она стеснялась поначалу, а затем ничего, освоилась, хоть охмурял я ее по привычке, без огонька. И уже в открытую пялилась на меня, точно я Мел Гибсон. Ну или, не знаю, Орlando Блум.

Потрепались мы с ней о всяком-разном. Как ни странно, я увлекся беседой, даже душевная рана перестала саднить, — забавная оказалась идиоточка, эдакая пичуга — сансочка старк. Рассказала, что торопится на побережье, там у них слет полудурков. Ну, этих, которые здоровенные лбы, а носятся с мечами деревянными, и ихние девки туда же — чокнутые лахудры в стиле этника.

— Купалу будете праздновать? — спрашиваю. Заинтересованность свою, значит, показываю, а еще образование — не зря оттарабанил полный срок в университете. Дипломированный специалист, блин.

Идиоточка головой мотнула — только белые пряди хлестнули по щекам.

— Не, — говорит, — не Купалу. Новый год.

Я чуть руль не выпустил. А она поясняет:

— По эльфийскому календарю. У них Новый год как раз в ночь летнего солнцестояния, у эльфов-то. Ну, так мы играем.

Головой покачал:

— Интересно у вас, — завлекаю, значит. — А главное — весело.

Она просияла и вовсе раскрепостилась. Давай чесать языком, расписывая, как зашибенно у них все будет: и плетение веночков, и пляски вокруг костра, и песни они будут петь, и турниры устраивать, и фиг знает что еще. И цветок папоротника

искать в лесу, где эта полоумная — сама призналась — надеется встретить эльфов.

Кстати, я решил, что она и впрямь имбецилка — не может нормальный человек быть настолько наивным! На всякий пожарный тихонечко выспросил: где, мол, учиться, то да се. Оказалось — на второй курс перешла в каком-то занюханном сельхозтехникуме, а значит, ей больше шестнадцати. И слава макаронному монстру! Потому что, милейшие мои друзья, я чтил законы и не связывался с малолетками.

А с имбецилочкой, совершенно верно, мне захотелось связаться.

Поглядивал я на нее искоса — не красавица, прямо скажем, но свеженькая, крепенькая провинциалочка. Волосы густые ниже плеч и грудь такая, что сразу хочется потискать. А что конечная идиотка — не все ли равно? Таких у меня еще не бывало.

Я даже скорость сбавил. Машину веду одной рукой, а вторую рядом с дурочкиным бедром положил, и пальцы осторожненько так ближе, ближе придвигаю. Вот уперлись пальцы в теплую плоть. Замерли, наслаждаясь. И тихой сапой поползли выше, выше...

Гляжу — девчонка моей руки не убирает. Запунцовела только, напряглась и смотрит в одну точку, — видать, первый в ее жизни подобный экспириенс. А я продолжаю болтать, уже не помню о чем, а сам чуть ли не кончаю от кайфа в рецепторах. Если б можно было, так и отъехал бы на обочину и сыграл бы с идиоточкой в старый добрый сунь-вынь прямо здесь, не вылезая из машины.

Тут девчонка опомнилась, спихнула мою ладонь. Ну, я решил не гнать лошадей. В кафе ее свожу, стихи почитаю — экзальтированные барышни балдеют от стихов. А после в лагерь полудурков с нею отправлюсь, и будет у нас ночь любви на ложе из папоротников, ха-ха. Будет-будет, я же не слепой, вижу, что ей нравлюсь.

Только так подумал, девчушка дурацкую свою шляпу сняла, тут я и увидел, что волосы у нее крашенные. На макушке рыжие корни отросли сантиметра на два, и среди остальной шевелюры то тут, там вспыхнут огненные прядки — плохо, значит, прокрасила. Только меня эта неряшливость еще сильнее завела, и тогда сообразил я, как прямо сейчас получить хоть кроху удовлетворения.

— Хочешь, — спрашиваю, — машину научу водить?

Она промямлила что-то, а сама смотрит на меня, как кролик на удава.

— Садись сюда, — говорю и на свои колени показываю.

На нее раньше парни не очень-то обращали внимание, а перед теми, кто обращал, она сама задирала нос. В делах амурных у нее и впрямь не имелось никакого «экспириенса».

Правда, вчера, тоже под утро, ее подсадил один чувак, озабоченный дедок с гнилыми зубами. Она надавала ему по шаловливым ручкам, безапелляционным тоном солгала, что едет к жениху — и он отвял, забыл о плотских поползновениях. Когда испуг прошел, Идриль устыдилась своей лжи. Вася-Фолко, приятель по форуму, никак не тянул на жениха. Если по-честному, она и увидит-то его вживую только сегодня вечером.

Но эльф, у которого она сейчас сидела на коленях, не был похож ни на похотливого старикана, ни на Фолко, представлявшего Идриль хилым очкариком с прыщами на подбородке. Эльф (ей нравилось считать его эльфом) был такой... такой понимающий, что щемило сердце. И умный, и обходительный, совсем не похожий ни на однокурсников из колледжа, ни на парней из родного поселка, ни на тех, кого она успела узнать в тусовке. Другая планета, манящая и пугающая.

Ее руки сжимали руль. Судорожно сжимали, будто спасательный круг; навстречу разматывалась дорожная лента, мелькали столбики указателей, громоздились на горизонте пышные облака.

Шею Идриль щекотало чужое дыхание. Телом она ощущала чужое тело: уверенную тяжесть ладони на талии, тепло вдоль спины, странную пульсацию возле копчика. Машина слегка вибрировала при движении, и Идриль тоже колотила мелкая дрожь, она была как в лихорадке: сознание путалось и блазнились чудные вещи.

Их несло к повороту; она не справится с управлением.

Эльф перехватил руль. Выровнял машину, теперь одна его рука лежала совсем рядом с рукою Идриль. Другая снова нырнула вниз и там, невидимая, юркнула под блузку.

— Так хорошо? — шепнули возле уха.

Идриль не могла выдавить ни слова. Она стала как скайфик, ну, детский воздушный шар, когда подождешь горелку, и пламя, разгораясь, наполняет горячим воздухом хрупкий бумажный купол. Идриль чувствовала, что ее вот-вот унесет к облакам.

Эльф всхлипнул или, может быть, просто с шумом втянул в себя воздух. Нажал на тормоза.

— Сейчас кафе будет, — пояснил, когда машина остановилась. — Давай пообедаем, а потом я тебя подброшу, куда скажешь. И там останусь, у меня пол-отпуска впереди. Пойдем ночью вместе искать папоротник?

— Д-да, — сказала Идриль.

— А у тебя хорошо получается машину водить, — заметил эльф, ссаживая ее с колен. — Быстро учишься.

— Спасибо, — покраснела Идриль.

Она влюбилась в него. А как иначе?..

Если бы невидимый макаронный монстр, порождение фантазии Бобби Хендерсона, действительно существовал, то этим полднем он, охватывающий зрением все земные пределы, мог бы бросить взгляд на придорожное кафе, на террасу, увитую гирляндами дикого винограда, на мальвы с кружащими над ними пчелами. Пчелы звенели, жужжали, брэнчали, деловито копошились в цветах, а иные из них, забыв о нектаре, подлетали к столику, за которым сидели темноволосый молодой человек и невысокая девушка, в чьих светлых волосах горели непрокрашенные рыжие прядки, и корни на макушке тоже были рыжими, яркими, как огонь.

— На сладкое летят, — говорил молодой человек.

Он отмахивался от пчел свернутой салфеткой, а девушка застенчиво улыбалась, опуская глаза, и продолжала ковырять ложкой в вазочке с мороженым. Пчелы садились на край вазочки, на старую зеленую шляпу, лежащую с краю стола, на девушкины тонкие запястья.

— Берегись, цапнет! — предупреждал молодой человек и снова махал салфеткой, отгоняя назойливых насекомых, а девушка с улыбкой отвечала, что не боится пчел. Зубы у нее были кривоваты, но белые, точно снег.

Всеведающий макаронный монстр в эти мгновения смог бы без труда прочесть их мысли. Девушка лучилась счастьем и предвкушением, а еще радовалась, что так удачно покрасила волосы — теперь она неотразима. Молодой человек мучительно пытался вспомнить, остались ли в бардачке презервативы. Пожалуй, надо прикупить по дороге, а то такие малышки хоть и выглядят паиньками, а потом р-раз! — и подадут на алименты. Плавали, знаем.

Бессильный невидимый макаронный монстр

Проза. ФЭНТЕЗИ

глядел бы на эту парочку с земной орбиты, скорбя о несовершенстве человечества.

А они так и не догадались бы о его присутствии. Они сплели пальцы над столиком, и молодой человек вполголоса читал по памяти:

— Возьми на память из моих ладоней

Немного солнца и немного меда,

Как нам велели пчелы Персефоны...

Девушка широко распахнула глаза. Молодой человек качнулся к ней, обхватил ладонями треугольное, в веснушках, лицо.

Они целовались.

Не знаю, други мои и братие, откуда взялась эта бабка. То есть, знаю. Мы летели через поселок, мимо беленых пряничных домиков и типовых пятиэтажек, мимо кафешек, магазинчиков, автозаправок и шиномонтажных станций. И на перекрестке, у светофора, возле забора, за которым выглядывали золоченые луковки церкви, собралась целая толпа старух. Та старая птица была одной из них.

Светофор мигнул и вспыхнул красным оком. Я видел его сигнал, драгоценные мои друзья, — о да, я его видел! — но продолжал жать на газ. Несся ревущим ураганом — разбегайся, кто может! Лузеры, нищоброды, старичье, — после того поцелуя на террасе я словно взмыл к небесам и оттуда, с облаков, поплевывал на человечешек.

Человечишки почуяли, шарахнулись к обочине. Все, кроме этой старой кошелки.

Она взмахнула руками, заметалась перепуганной курицей и прынула вперед. Под колеса.

Я ожидал глухого удара о капот, я не успевал затормозить, но обошлось, говорливые друзья мои! Уж не знаю кто — дьявол, бродяга Иисус или макаронный монстр — даровал бабушке невиданную прыть, и она точно сбрызнула из-под колес — в последнюю долю секунды. А нас унесло дальше, прочь от того перекрестка, прочь от цивилизации, к морю, к морю, к морю!..

Когда последние дома поселка остались позади, я сбавил скорость. И только тогда заметил, что у меня дрожат руки.

Моя девочка пошевелилась рядом. Сказала неуверенно:

— Мы чуть ее не убили.

Я взорвался:

— Туда ей и дорога, старой рухляди, раз не видит, куда прет! Трахнутая маразматичка! Альцгеймерша!

И толпа свидетелей вспомнилась. Сбей мы ту

старушонку, не миновать бо-ольших проблем. Меня опять затрясло.

А солнечная моя девочка, медовая моя девочка, моя золотая, снова тихо так говорит:

— Мы чуть ее не убили. Мы должны были остановиться.

И замолчала.

Надолго замолчала. Я тоже молчал. Я не понял еще, что леска оборвалась, и огромная донная рыбина, сдуру принятая мною за жалкую плотвичку, медленно поводя плавниками, неотвратимо уходит в глубину.

В ее мире настала осень.

Настала стремительно; только что в сиянии полдня над цветами брнчали пчелы, и вот нет никаких пчел, спрятались в ульях, напуганные неожиданной стужей. И солнце в зените, пробиваясь сквозь облака, совсем не дает тепла.

— Высади меня на повороте, — повторила Идриль. — Пожалуйста.

Она собралась с духом и посмотрела на парня по имени Стас. Он вел машину и к ней не оборачивался, но в зеркале заднего вида она заметила его взгляд — как у побитого пса. И тогда, из жалости, она быстро придумала ложь:

— Мне надо к тете. Ну, маминой сестре. Тут живет, на окраине. Давно не виделась, и я...

Кровь прилила к щекам. Она не умеет врать, абсолютно! Должно быть, и Стас распознал ее нелепые потуги.

— Давай вместе заедем. А потом к твоим, на праздник, как договаривались.

— Нет, — замотала головой Идриль, — вместе не выйдет, у нее ребенок маленький. Вот если ты...

Она осеклась. Можно шмыгнуть дворами, замети следы, но она не хочет, чтобы он ее ждал. Это будет нечестно — так полагает Идриль.

Она снова делает глубокий вдох, точно собираясь нырнуть с моста, и выпаливает:

— Высади. Я доберусь одна. И одна поеду на праздник.

Стас молчит. Потом говорит:

— Значит, так.

— Так, — подтверждает Идриль.

Стас спрашивает грубо:

— Какого хрена?

Он повернулся, и она видит его лицо, искаженное гневом. Красивое, в общем, лицо, даже сейчас, когда губы у него дрожат, а на скулах пере-

катываются желваки. Но Идриль теперь не понимает, как она могла воображать, будто бы он эльф, и целоваться с ним, и мечтать, как ночью они вместе отправятся в лес на поиски цветущего папоротника.

— В динамо сыграть решила? Стерва!

Он почти орет. Идриль готова сжаться в комок, так страшно ей было только раз в жизни — когда родители особенно бурно поссорились и, не помня себя, крыли друг друга матом, а она слушала их ругань, забившись в угол, и хотела только одного — исчезнуть из этого мира совсем, навсегда.

Стас откашливается. Хрипло выдавливает:

— Извини, — и еще раз, скороговоркой: — Извини, я не хотел тебя пугать. Высажу в пригороде, не бойся. Отсюда-то топать и топать.

Идриль заторможенно кивает. Они едут дальше. Идриль смотрит в окно, не видя дороги, ее мысли только об одном — скорее бы к своим, на побережье, к Васе-Фолко — забавному мальчику с прыщами на подбородке. Забыть этот морок, это наваждение, забыть и нынешнюю кристальную ясность ноябрьского полдня. Деревья уже наги, чернеют путаницей ветвей на фоне холодного неба, и земля под ними — голая, в темной прели облетевшей листвы. Не скроешь в буйстве разнотравья неприглядную суть.

По обеим сторонам шоссе стеной встает часток горного криволеся — буки, березы, клены. Шоссе? Ухабистая грунтовка, они свернули сюда только что, но продолжают ехать вверх по склону. Идриль становится не по себе.

— Куда ты ведешь?

Стас отвечает не сразу:

— Срежем дорогу. Хочешь быстрее добраться до твоей тетки?

Она ему не верит, но выпрыгивать на ходу — глупо. В конце концов, до случая на перекрестке он был таким клевым, уговаривает она себя. Он ничего плохого не сделает ей, правда!

Машина с треском ломает можжевельник. Останавливается, на лобовое стекло падает тень утеса, закрывая солнце. Стас резко нагибается к Идриль, хватая за плечи, полуоткрытым ртом тянется к губам.

Она сначала бьется, а потом уступает, парализованная страхом. Через некоторое время Стас слегка отстраняется, треплет ее по волосам, похозяйски щупает грудь:

— Ну вот, а ты ломалась. Тише, девочка, тише...

Увлеченный, он не видит, как Идриль вслепую

отыскивает дверную ручку. Нажимает и, рванувшись из-под насильника, падает в синий ледяной полдень.

И удивляется тому, какая сегодня, оказывается, жара.

Я читил УК РФ, хлопотливые друзья мои. Не ввязывался ни в какие истории, пара штрафов за превышение скорости — вот лимит моих прегрешений. И девчонок никогда не трогал без их желания. Сами льнули, да и зачем мне проблемы с законом?

(...бормочу, бормочу, раскачиваюсь на кровати. Опять цветут тополя, тополиный пух кружит в воздухе — летающий летошний снег. Чую, близится заветный час. Скоро, скоро вы снова явитесь ко мне, полосатые друзья мои).

Я никогда не трогал девчонок. И ее бы не тронул — мало ли на свете эдаких пигалиц? Но мы поцеловались на террасе, и от того невинного поцелуя я стал сам не свой, обалдевший, ошарашенный, будто вмазал дозу героина и, охваченный эйфорией, отправился в полный отрыв. Что-то странное было в ее слюне, в робких движениях языка, что пьянило и обжигало — до боли, до сладких судорог, как в последние секунды соитъя. Я не девчонку целовал, не скованную неумеху, не дурочку с головой в облаках — я словно пил медовый нектар в кругу богов на Олимпе. Ну или где торчали от этой дури придуманные греками божественные убудки.

Потом наши губы разомкнулись, но наваждение не отпустило. Да и было ли оно наваждением? Теперь я так не думаю, други мои и братие. Я словно блуждал во мраке, где пыль, и затхлость, и пауки, а тут неожиданно вышел на солнечный свет и увидел ее, смеющуюся, под куполом бездонного неба, такую теплую и настоящую, такую живую — как цветы и пчелы, как бабочки, как сок, сочащийся внутри древесных стволов, как теплое дыхание земли и прохлада моря, что шелестит за горизонтом.

И я понял вдруг, что моя девочка — совсем не та, кем кажется. Заколки-фенечки, шляпа эта дурацкая, чириканье об эльфах, а за этим, за наносным, таилось иное — такое отчаянно-щемящее, такое неумное и взбудораженное, такое хрупкое — и неожиданно мощное, как миллионы ростков, пробивающих гранитную твердь.

Обернись она тогда деревом, птицей, виноградной лозой — едва ли я смог бы удивиться.

Но верно и то, что прозрев, я сам испугался

Проза. ФЭНТЕЗИ

этого прозрения. Отступил обратно во мрак, но забыть не смог — как забудешь момент истины?

А только затем она меня отшила.

Вежливенько отшила, стараясь не обидеть. Только факт остается фактом — сыграла в динамо. Другому достанется блаженство, другой будет преклоняться перед ней, пока не сдохнет. А я стал как наркоман, которого подсадили на иглу, а потом отняли сосуд с драгоценным зельем. Заключили его в шатер, задержали пологом, табличку повесили — вход воспрещен. Но что мне какие-то таблички! Об одном только и думал — смять непрочные стены, разорвать полог... припасть к ее губам, овладеть ею и снова, хотя бы на несколько мгновений, взойти в стан небожителей. Такая вот долбаная биохимия любви.

Когда она вырвалась, я на миг охолонул. Не готов был вот так хватать ее, наваливаться, бить под дых, чтобы сломить сопротивление. Но она поднялась на ноги и ну бежать, нелепо размахивая руками. Медленно, впрочем, бежала — мешал рюкзак, и можжевельник тоже мешал.

А во мне, в той глубине, которая неподвластна морали, снова зашевелился гейдельбергский человек. Голодный дикарь; когда-то такие, как он, охотились на себе подобных, трахали все без разбору и никогда, никогда не упускали свою добычу.

Я вылез из машины и пустился вдогонку. Всякие мысли исчезли вконец, осталось лишь одно стремление — темное, звериное, поднимающееся исподволь — догнать, швырнуть наземь, а после, утолив страсть, — разбить голову камнем. Пусть мой личный наркотик не достанется никому.

Она недалеко успела уйти. Бегая по лесу, далеко не уйдешь.

Оглянулась, перелезая через поваленный ствол. Дурацкая зеленая шляпа упала ей на плечи, рыжие волосы развевались, словно от ветра. Да, рыжие, медно-огненные от корней до кончиков, не тронь — обожжет!

Испугался ли я? Нет, драгоценные друзья мои! На охотничьей тропе гейдельбергский человек не помнит о страхе.

Она повернулась и снова побежала, к заросшей иван-чаем прогалине. Я — за ней, ломая подлесок, вот-вот схвачу, врежу под ребра, чтобы страх пополам с болью отразились на треугольном, нечеловечески бледном лице.

И когда, дыша ей в затылок, я выскочил на прогалину, земля разверзлась передо мною.

Так ножом рассекают буханку хлеба. Глухой подземный толчок — и у самых ног зияет черная

трещина, широкая, как пропасть. А на той стороне — она, с огненными волосами, по пояс в траве.

Я отшатнулся от пропасти. А она — ничего, будто и не видит. Снова зырк за плечо и дальше шагать. Тяжело шла, неровно. Устала от меня бежать.

А пропасть с обрывистыми стенами, с деревцем, накренившимся над бездной, вдруг замерцала и исчезла. Снова луг впереди, залитая солнцем прогалина и она, моя девочка, бредущая сквозь дебри иван-чая.

Только тут с запозданием прошибло жутью, до холодного пота. И уйти бы ни с чем, но я не привык отступать. Упрямо подался за ней, и тогда-то вы явились ко мне, бесценные друзья мои! Грозной тучей соткались из воздуха, оглушили жужжанием, крохотные медоносы. Навострили жала и ринулись в атаку. И не помог мне ни дьявол, ни бродяга Иисус, ни макаронный монстр.

Очнулся на белом среди белого. Безвольной куклой лежал в нигде, полном звуков и шорохов, иногда приходили, трогали, стрекотали, ставя уколы. Я не видел никого, ослепленный белизной.

Потом обнаружил: если мерно качать головой, слепящее белое ничто расступается, словно если разорвать простыню. Из прорехи брызжет солнечный свет, веет медовым ароматом луга, и я вижу ее, мою возлюбленную, в старой зеленой шляпе на рыжих волосах. Склонив голову, она смотрит на медные пряди и морщит нос, огорчаясь, что краска опять оказалась такой ненадежной. Она совсем, абсолютно не понимает, кто она такая.

Затем она вскидывает рюкзак на плечо и снова пылит по обочине. А за поворотом, со склона горы, ее взгляду открывается море.

Безбрежный ультрамариновый простор, далекий парус в сверкании водной глади, темные свечи кипарисов на берегу. Мою девочку захлестывает радость, на секунду она вытягивается в струну, а затем, смеясь, бежит туда, куда зовет ее лето.

Я остаюсь.

Остаюсь среди белых стен, в ватной тишине, пропитанной запахами хлорки и экскрементов. Иногда кажется, что я не вынесу этой пытки одиночеством, но вы спасаете меня, други мои и братие! Вы прилетаете сюда, в эту затхлую тюрьму, вы снова дарите мне сладость своего яда — и я кусаю губы, чтобы криком экстаза невольно не призвать тюремщиков.

А после я беру ваши мертвые тельца и нижу их на невидимую леску; словно четки перебираю грезы и воспоминания. Мне хорошо. Под руку с

Photo Veronika Pinke

возлюбленной я брожу по Валинору — или Олимпу, в золотом безмятежном мире, где нет ни горечи, ни стыда, ни сожалений о неслучившемся. Двумя тенями мы скользим сквозь лес, среди папоротников, по луговой траве, вдоль берега заросшей нимфеями заводи. Останавливаемся у нагретых солнцем развалин портика, я склоняюсь к треугольному лицу моей возлюбленной, перебираю пряди рыжих волос, заглядываю в зеленые, точно мята, нечеловеческие глаза.

И не вижу, как медсестра подкатывает тележку с ампулами и заправляет шприц.

Шани

writercenter.ru/profile/Shany/whois/

by Элис Чжан (Alice X. Zhang)

portfolio.alicexz.com

Photo Veronika Pinke

www.veronika-pinke-kunst.de

Держись, брат

Погуляй Юрий

— Расскажи мне о Ледяных Вратах... — неожиданно попросил Демьян.

— Ледяные Врата, брат... — я мечтательно улыбнулся. — Эти голубоватые колоссы среди зелени окрестных полей. Они действительно из льда! Смертельно холодные и величественные клыки зимы, оставшиеся в теле непокоренного лета. И они не тают! Представь себе, я даже костер рядом разводил, головней в них тыкал. Впустую... Да...

Я видел, что мой товарищ живо представляет себе эту картину. Проклятье, почему ему не дано увидеть всю её красоту?!

— Небо было голубое, да? — хрипло, с надеждой спросил он.

— Нет! Оно было синим! Ослепительно синим, брат! Боги, как же прекрасен этот Мир... А еще я видел Золотую Дубраву. Ту самую, брат! Золотые дубы с изумрудными листьями! На рассвете, когда первые лучи солнца падают на землю, умереть хочется от восторга. Великолепное место!

— А люди? Люди? Как они? — он закашлялся. Кашель долго драл его горло, но, отдышавшись, мой друг повторил:

— Как они?

— Ты в порядке? — мое сердце защемила почти материнская забота. Он очень плохо выглядел... Хуже, чем обычно.

— Держусь пока что...

— Главное — не сдавайся! Понимаешь? Не сдавайся, брат! Мир — прекрасен!

— Расскажи про людей...

— Хорошо, брат. Помнишь, я говорил тебе про город, выросший на холмах к северу отсюда?

— Да... Лучезарный... — его лицо просветлело. Он помнил...

— Я был в нем проездом, когда ехал к тебе.

На Центральной площади, напротив Жемчужного Дворца, они воздвигли памятник. На огромном пьедестале стоит молодой мужчина и протягивает небу агатовый шар. А вокруг море цветов, брат. Действительно — море. Памятник утопает в них... Когда я проходил мимо, у подножья стояли жених и невеста, они благодарили Мученика за дарованное им счастье.

— Ну, положим, я тут ни при чем, — смущенно улыбнулся он.

— Нет, брат. Во всех чудесах мира только твоя заслуга, — покачал головой я.

Он лишь пожал плечами.

— Я серьезно... — мне показалось, что он не поверил этим словам.

Демьян тяжело вздохнул и уперся лбом в матовую поверхность сжимаемого им шара:

— Знаешь, во мне нет такого чувства. Мне кажется, что все совсем не так, как ты говоришь... Что у меня не хватает сил сделать этот мир лучше. Я стараюсь... — он закашлялся и сплюнул на землю. — Боюсь, что тщетно...

— Послушай, ты не должен пускать в сердце сомнения, — воскликнул я. — Шар почувствует это и... Боги, я даже боюсь представить, КАК он отреагирует.

— Я не могу больше... — прошептал Демьян.

— Ты хранитель Шара! Ты столько сделал, брат. Люди уже два века не вспоминают о войнах! Ты же помнишь, как ужасны поля сражений? Тебе ли не знать об этом?

— Да, войн быть не должно, — согласился он. — Но не будь войн, мы не нашли бы Шар!

— И эта земля никогда бы не познала счастья, да... Ты помнишь прежнего хранителя? Полуистлевший, одержимый мстью мертвец... То были черные времена, Демьян. Никто из нас не смог бы изменить их так, как это сделал ты...

— Я не справляюсь. Мне кажется, что Шар обладает собственной силой. Он пожирает мою душу... Мне очень тяжело!

— Держись, брат, — как больно дались мне эти слова. Я же вижу, что он совсем сдал. Но предложить его заменить... Я боюсь. Боюсь, что не справлюсь, боюсь остаться один в этой пещере и годами сжимать в руках проклятый Шар. Боюсь и презираю себя за то, что Демьян провел здесь уже две сотни лет... Я же чувствую, что он хочет попросить меня взять эту ношу. Хочет, но боится... Отказа? Или того, что я не справлюсь? Или... Я не хочу знать, чего он боится... Лишь бы не попросил!

— Обидно... Ты так рассказываешь о чудесах, что я сотворил. А мне их никогда не увидеть... Знаешь, порой мне хочется выползти отсюда и вместе с Шаром броситься вниз. Но у меня не хватает сил даже руки разжать. Я прикован к нему... Я не могу его выпустить! Боги, как бы я хотел увидеть Светлые Заводы, прогуляться по улицам Лучезарного, постоять рядом с Ледяными Вратами... Я больше не могу, Клаус... Я боюсь, что начну разрушать всё, что создал.

— Держись, брат... — почти прошептал я. — Ты был самым достойным из нашего отряда. Только ты мог взять его в руки.

— Я был ранен, — горько напомнил он. — Мне выжгло глаза! У меня не было иного выбора. Слепцы никому не нужны!

Я промолчал. Я не хотел об этом говорить. В моей душе ворочалось чудовище под названием страх. Страх того, что он все-таки попросит...

— Все изменится... — проговорил я, холодея от своих слов. В этот миг я действительно знал, что все изменится...

— Я больше не могу...

— Держись, брат! Я скоро вернусь! Я что-нибудь придумаю, только держись!

— Хорошо, Клаус... Я постараюсь. Слушай, а почему ребята давно не заходят? Я беспокоюсь...

— Не знаю... Я тоже давно их не видел, — я направился к выходу из пещеры, давя разбухающую в душе боль и ненависть к себе. Я обманул его... Я вернулся только через шесть лет...

Сейчас, стоя у входа в пещеру, я ненавижу себя еще больше. Шесть лет срок большой, но что он значит по сравнению с веками? Миг... Шесть лет... Демьян... Я ведь просто бросил тебя. Испугался... А теперь стою у входа и боюсь сделать первый шаг. Если честно — третий день не могу заставить себя войти в пещеру. Стою часами у зева и вглядываюсь в его черноту, а потом возвращаюсь назад в лагерь. Мне страшно... Боже, как же мне страшно! Я боюсь увидеть тебя, друг. Боюсь, что совесть ледяными когтями схватит меня за горло, и я не смогу сказать тебе ничего из того, что хотел. Мы никогда не любили предателей. Никогда... И тут им стал я...

Многое изменилось за это время, брат. Дик Стрела, оказывается, десять лет назад погиб в бою со сборщиками податей. Женя, Грыг и Захар были повешены каким-то князьком за разбой.

А Старый Петер покончил с собой, не выдержав груза прожитых лет. Из того отряда, наткнув-

шегося двести лет назад на Шар, в живых остался только я. И ты...

— Милорд! — раздалось за моей спиной вежливое покашливание, напоминая, что уже пять лет минуло с того дня, когда мир вновь познакомился с войной...

— Ну? — не оборачиваясь, буркнул я своему адъютанту.

— Северных Пределов больше нет...

У меня защипало глаза, и я жестом отослал его прочь. Как я себя ненавижу...

— Милорд, — вновь окликнул меня он. — В поселениях волнения. Суточный рацион пришлось сократить еще вдвое. Второй легион поднял мятеж...

— Час от часу не легче...

Мятеж... Я ждал его... Провианта не хватает. Сотни тысяч беженцев со всех краев земли стекаются к этим горам. Голод, болезни... Еще пара месяцев, и всё исчезнет, а они поднимают мятеж. Глупцы...

Пять лет назад пустота стала пожирать мир, и я единственный знал, в чем причина... Но пытался делать вид, будто и не догадываюсь. Я боялся. Мне казалось, что проще умереть, чем избрать судьбу Демьяна. Но...

Времена меняются.

Когда мы зарубили предыдущего хранителя и поняли, что наделали, Демьян сам попросил провести его к Шару. Он стал новым хранителем. Он сделал свой выбор. Такие решения легко не даются... Пожертвовать своей жизнью ради неизвестности?

Сомнения... В тот день они царили в каждом из нас, но только Демьян сумел их побороть. Теперь же мир моего друга пожирает пустота.

Три года назад в ней исчезли Ледяные Врата. А год спустя Лучезарный сожгли беженцы... Чудеса Демьяна гибли, а я никак не мог решиться. Не мог... Ненависть к себе жгла меня настоящим огнем. Почему? Потому что наш отряд был Демьяну как семья. Лишь благодаря его привязанности каждый из нас давно перевалил за рубеж в две сотни лет. А в благодарность я предал своего друга! Мир исчезал в пустоте, а смерть ко мне не шла. Демьян... Ты все еще ждешь меня? Я все еще брат тебе? Проклятье...

Я живо представил себе одинокую фигуру друга, сидящую у Шара и жадно ловящую любой звук в надежде, что это пришел его единственный оставшийся в живых товарищ. В течение шести лет... Без перерыва! Твою мать...

Художница Лев Елена

— Войскам отступать в горы. В бой не вступать, — отдал приказ я. Не знаю, как выкрутятся командиры моих легионов. Это уже не моя забота...

— Есть, милорд...

Я обернулся ему вослед и долго глядел на далекий горизонт, который еще не пожрала пустота. Я стоял и всей душой впитывал свежесть горного воздуха, голубизну спокойного неба и тепло нагретых солнцем камней. Мне будет этого не хватать...

Резко выдохнув, я вошел в пещеру. Пришел мой черед. Я в долгу перед миром. Впрочем, чихать мне на него! Демьян, как я перед тобой виноват, брат... Простишь ли ты меня? Я знаю, ты еще жив. Я чувствую это! Но простишь ли ты? Прости меня... Мой страх оказался сильнее нашей дружбы!

Знакомые своды давили на меня, словно гигантская, презрительная длань Богов, решивших раздавить смертного. Раньше я бывал здесь по два раза в год... Раньше...

— Клаус, это ты? — раздался слабый, преисполненный надеждой и отчаяньем голос Демьяна.

Сердце рванула острая боль. Он ждет меня. Он все еще ждет меня! Какая же я тварь. Прости, брат!

— Клаус?

Глубоко вздохнув, я протянул руку к Шару.

— Клаус? — лицо Демьяна встревожено обратилось на меня, и я уставился в его выжженные глазницы.

Положив руку на Шар, я с трудом оторвал ладони друга от шершавой поверхности его проклятья.

— Прости меня, брат, — глухо проговорил я, стараясь не разрыдаться. Как же мне сейчас плохо... — Прости, что пришел так поздно.

— Клаус?! Ты чего делаешь? — он попытался схватить Шар, но я оттолкнул друга и вцепился в кровавый камень. Как же Демьян ослаб... Обтянутый кожей скелет...

Мир пошатнулся, и я, не выпуская Шара из рук, рухнул на пол.

Я видел пустоту. Она замерла у границы с чудесным сосновым бором. Солнечные лучи играли на золотой коре деревьев свою последнюю сонату, легкий ветер гулял меж ветвей и раскачивал нежные, изумрудные иголки. Пустоте оставалось сделать лишь один шаг...

Но она отступила.

Мою душу переполнил восторг. Дикое счастье победителя. Подстегнутая этим стена поползла прочь еще быстрее. Завороженный, я глядел, как из ничего возникают холмы и заброшенные деревни, леса и пустые города...

Когда я увидел выросшие из пустоты Ледяные Врата — то заплакал, как младенец. От счастья... И от горя...

Демьян, ты же все это время ничего не видел! Даже в Шаре ты был слеп! Проклятье!

— Клаус, брат, — я почувствовал у себя на плече руку друга. Голос Демьяна взволновано дрожал, — Клаус... ты все-таки вернулся... Клаус... — он сглотнул, — я... Я вижу тебя, брат! Боги, я вновь вижу!

— Прости меня, — прошептал я. На моих глазах Демьян наполнялся силой. Мой друг в изумлении оглядывал свое тело и улыбался. Он — улыбался.

Счастье ворвалось в мое сердце, и небеса разверзлись, проливая на землю дождь из слез. Слез радости...

— Расскажи мне про Ледяные Врата, брат, — неожиданно попросил меня он.

— Ледяные Врата? — я улыбнулся. — Иди на север, и ты их увидишь...

— Я вернусь, Клаус, — вдруг проговорил Демьян. — Я вернусь, чтобы сменить тебя... Вот только посмотрю на мир, хорошо?

— Хорошо...

Мой друг неуверенно улыбнулся и сделал шаг к выходу.

— Иди уж, — подбодрил его я.

— Держись, брат! — уходя, сказал он мне.

И я держусь...

Погуляй Юрий
vot-vot.livejournal.com

Художница Лев Елена
writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Песнь Ноемгары

Ворон Ольга

Притча о Ноеме-Ноемгаре, жене последнего из рода
Говорящих с Небом, матери Великих Царей, о Ноеме,
матери человеческой.

И если мы несёмся через льды,
Не чувствуя ни холода, ни боли,
То это всё ни для какой нужды,
А только ради смерти и любви.

М. Щербаков

Толстая дверь, которую сыновья мои с трудом открывали, захлопнулась от сильного порыва ветра. Стукнула доска хитрого запора, отрезав дорогу назад. И стало тихо.

И в этой тишине, липкой и тяжёлой, остались только запах и трепет. Запах пряных трав, прелых листьев, неокрепшего клея, древесных смол и дыма факелов. Но более всего тишина набухла запахом пота, весомо давящим на виски и грудь. Кислым, острым, злым запахом страха.

Мой муж, мой бог и господин, опрокинул чашу факела, загасив угли об пол, и света не стало. Сердце сжалось от понимания перейденной границы, где Творцом данное разделение на свет и тьму, добро и зло покинуло нас. Мы, словно чада во чреве, оказались в первозданном хаосе, где в плотной тьме движения едва угадывались по серым мазкам контуров, где искры глаз казались потухшими очагами далёких домов, где не оставалось места свету... Как не было места тому, что появлялось на свету и творилось в свете, оставшемся за нашими спинами. Потными, дрожащими спинами.

Мой муж повёл нас. Вниз, по свежим сходням, по тёмным коридорам, тянущимся над гомоном испуганных птиц. Мы шли на ощупь, на звук, на чувство ветра. Здесь не могло остаться сквозняков,

но ведущий нас шёл, и от его движения — уверенного и властного, — расступался воздух, потоками несясь нам навстречу. И мы ступали за ним, осторожно продвигая ноги, боясь оторвать стопы от пола, от досок, ещё пахнущих стружкой, таких мягких и упругих, словно кошка под ласкающей рукой.

Сыновья шли плечо к плечу, вступая во тьму, как на врага. Жёны их, принятые в сердце моё дочерьми, испуганно жались друг к другу, боясь и остановиться, и укрепиться за спинами мужчин, шагающих в темноту ровно и упрямо, как могут лишь мужи, идущие на бой, труд и подвиг.

Мой муж, мой бог и господин, привёл нас в комнату, словно перегородкой рассечённую колдчатой домовиной, хранящей землю и прах пра-родителей. Провёл и расставил. Мужчин — по правую руку, руку, держащую меч и серп; женщин — по левую, держащую щит и колосья.

— Молитесь! — сказал он коротко. И ветер, колыхнувшийся навстречу, сказал мне, что дети мои опустили на колени, вскинув руки к небу, не видимому за заботливой ладонью потолка.

Я нащупала угол домовины. Подхватив широкую юбку, стала опускаться на колени, но горячая сильная рука поддержала мой локоть. Поддержала и потянула в сторону. Дальше от угрюмой молит-

вы моих сыновей и тихого всхлипывания их жён. От странной молитвы — прославления света, которому не оставалось места в крошечной тьме. Дальше, всё дальше, где имя того, к кому зывали, стало неслышным. Муж вёл меня по узкому коридору, и тесный воздух от его быстрого шага разбежался, сталкивался со стенами и набрасывался на меня со всех сторон. Я торопилась, подхватив подол, но едва успевала за тянущей рукой. Мы шли, плутая, впереди открывались незримые во тьме стены и запирались сами за моей спиной. И мой муж, мой бог и господин, единственный знал и чувствовал лабиринт, который мы проходили. Он сам строил его. Самую большую могилу. Поминальный дольмен, достойный советника царей и его рода.

Сильная рука потянула меня вверх, и за повелителем я вошла на пандус. Стукнула за спиной дверь, отсекая от семьи. Рука поддержки и зова покинула меня, и я испуганно стала посреди комнаты, в которой ветер дыхания не долетал до стен.

— Ноема, — мой муж, мой бог и господин, на ощупь взял меня за плечи и притянул к груди, вздымающейся от неслышных стонов и криков, запертых волей и страстным стремлением к цели.

Я вжалась щекой в потную ткань его рубашки, и стало горячо, словно прикоснулась к нагретому очагом камню. Большое сердце билось ровно, но громко, словно набат. И хотелось бежать на этот зов. И бежать от него.

— Не хочу, чтоб они знали. Слышали, видели. Не надо им это! — отрывисто сказал муж и отодвинулся. Мгновение широкие ладони ещё держали мои плечи, а потом исчезли, словно канули в стоячую воду темноты. Он удалился, как в колодец падает неловко подхваченное ведро — неумолимо, невесомо. И меня снова охватил трепет.

Впереди от движений сильного тела задрожал воздух, и тут же тьму пронзил свет. Я вскинула ладони, закрывая глаза от ранящего удара. И открыла, когда свет стал мягче. Щурясь, взглянула вперёд.

Мой муж, мой бог и господин, стоял в сизых лучах, льющих из маленького окошка в потолке.

— Подойди! — протянул он мне руку.

И я пошла и встала рядом. Рядом с теплом, желанней которого не ведала.

— Смотри! — приказал муж.

Но я и так глядела, не отрываясь. Минуты в тяжёлой тьме огромной гробницы тянулись для меня, словно дни, и теперь свет, — пусть даже

неяркий свет солнца заходящего, где-то там, в невидимой части неба, — казался дорожке всего.

Маленькое окошечко, в которое даже я не могла бы пролезть. Крошечный квадратик неба, уже темнеющего, уже полного вечерней прохлады. Скромный осколок ветра с запахами цветов, душистых плодов и свежих трав.

Мой муж, мой бог и господин, встал за моей спиной и обнял за плечи. Прижал к груди. Опустил лоб мне на макушку. Стиснул сильными руками, словно пожелал вдавить в себя, туда, где сердце, и, зарывшись лицом в моих волосах, зашептал горячечно:

— Ноема моя, Ноема! Всех богов моих проклятие!.. За что? За какие подвиги и благодеяния ты предана мне? За какие прегрешения я послан тебе? Ноема моя... Сколько лет, сколько веков я ждал тебя! Ждал, чтобы научиться не верить, не любить — надеяться. Знаю, ты не верила моим речам, считая безумьем и блажью...

— Верила, — возражаю я. Потому что нельзя не возражать таким словам.

— Нет, — качает он головой, и волосы мои выпадают от сильного движения. — Женщина не способна верить! Она создана пугливой, недоверчивой тварью, чтобы ждать подвоха и тем спасать себя и своих чад. Да женщине и не нужно верить, ей достаточно любить.

Голос, обычно грубый и строгий, истекал странной лаской. И хотелось, замерев, впитывать и слова, и тихую улыбку, и нежную суть. Но страшно, почему-то очень страшно. Будто всё это — прощание. Будто всё — прощение. Или попытка сказать «прости».

— Верить — удел мужей. Верить и доверять. Себе, друзьям, врагам. Богу. Мужчина способен понять Бога, но для этого ему нужно остановиться, задуматься. Прислушаться. К себе, к миру. Но для того нужна жена! Как спокойная вода, в которой отразишься и увидишь недостатки и достоинства...

— А жене нужен мужчина, — не допустив дрожи в голос, ласково отозвалась я, подняв руки и обняв плечи мужа. — Защитник, добытчик, отец её детям. Но более всего он — отражение бога на земле. Как мужчина смотрится в женщину, чтоб понять мир, так бог смотрит в мужчину, чтоб увидеть своё отражение. И женщине довольно этого отражения рядом — большее не вместит её сердце. Оно маленькое, сердце женщины, в нём едва ли хватит места...

— Ноема моя, Ноема! — тесно прижимаясь, за-

Проза. ФЭНТЕЗИ

дохнулся мой муж, мой бог и господин. Руки его заскользили по моим плечам, лаская и будя. — Сердце женщины — бездна! В нём вмещается весь мир. Большое сердце, способное чувствовать за себя и за другого! И понимать! Всё понимать...

Тёплые ладони сдвинули ткань, припадая к коже. Шершавые, в мозолях от долгой работы, обветренные горным воздухом. Уставшие руки мужчины, почти взошедшего на вершину и смотрящего на ещё непокорённый пик. От их жара в масло пота топилась моя кожа, и пальцы скользили по ней, вдавливаясь в плоть, месили и гладили, как тесто. И становилось тяжело и пьяно, словно тело — влажная земля в перстах пахаря. Или тяжёло делалось от воздуха? Тугого воздуха, давящего на грудь...

— Ноема моя, Ноема! — шептал супруг, принимая дыханием к уху. — Без тебя что значило бы жить? Жить, зная о близости конца?! До тебя я каждый день проводил в страхе. Боялся остановиться, прекратив труды и споры, боялся оказаться в тишине и покое, где так легко вспомнить, что мир погряз в грехе, и Творец волен уничтожить создание. Волен как никто другой! Камнётёс не расколется неудавшийся камень, жнец не выбросит сломанный колос, воин не переломит неудачно пущенную стрелу. И только Он способен уничтожить то, что сотворил! В том его всемогущество, в том его сила. Но с тобой я обрёл надежду! И эта надежда вела меня.

Тяжёлые руки стянули ткань с моих плеч, заставив задрожать от страха и холода. Невозможное творилось в родовом склепе, под маленьким окошком для ещё живых. Невозможное. И становилось страшно. Ещё страшнее, чем в тот миг, когда захлопнулась дверь, и сцепили пальцы хитрые замки — никому не открыть теперь ни изнутри, ни снаружи.

— Годы! Годы, слышишь?! — сдерживаясь, чтоб не кричать от боли и ярости, сдавленно рычал супруг и мял мои плечи до синяков. — Годы орать и шептать, слёзно умоляя людскую глупость остановиться и одуматься! Оглядеться и понять, что бог, которому поклоняются в Храмах — отражение человеческой низости. Всепрощающий бог — покорная кукла, не знающая разницы в грехе и святости! Бог, ласково принимающий грешников, довольный одним раскаявшимся на тысячи увязших в грехе — это бог, который хорош для греха! Потакующий! Готовый принимать благосклонно самые страшные исповеди — и убийц, и властителей, одним пренебрежением своим убивающих

больше, чем воин в битве! Люди создали этого бога! Люди! Это по их образу и подобию создан он! Ими же!

Окаменев, боясь шевельнуться под сильными мнущими руками, под слезами, помочившими мои волосы, под словами, от которых сердце сжималось, а пальцы дрожали, я стояла, не отрывая взгляда от квадратика неба над собой. И смотрела, как раннюю звезду на сизом небе скрывает язык набегающего чёрного облака.

— Годы говорить о том, что бог истинный создал нас подобными себе и растит на радость всего мира! Кричать о том, что идти вверх тяжелее, чем спускаться, но только так можно дойти до неба! Кричать, шептать, молить! Ноема моя, Ноема... Какой же бездарный муж с тобой рядом! Крики мои не услышал ни один живущий. Не поверил ни один! И даже ты и дети мои пошли за мной лишь из уважения. Я — худший из рода Говорящих с Небом! И — последний из них... И не смог сделать даже того малого, что должен мужчина — сделать счастливой семью.

— Что ты говоришь, господин мой? — сердце забилося, заколыхалось, подвешенное на струнах страха в глубине груди. — Ты — радость моей судьбы! Ты — солнце моё! Ты — истинный муж мой! С тобой я не ведала голода! Не чувствовала страха! С тобой была согрета! И лоно моё знает, как толкаются твои чада!

Я выскользнула из сильных рук и развернулась. Мой муж, сын древнего рода, огромный человек, смотрящий на царей сверху вниз, прятал лицо, скрывая солёный взгляд в широких ладонях. Я потянулась, поднялась на цыпочки и отвела его пальцы от глаз. От огромных серых глаз, таких светлых и таких ярких, что пугали и отвращали от него моих родичей. Но не меня.

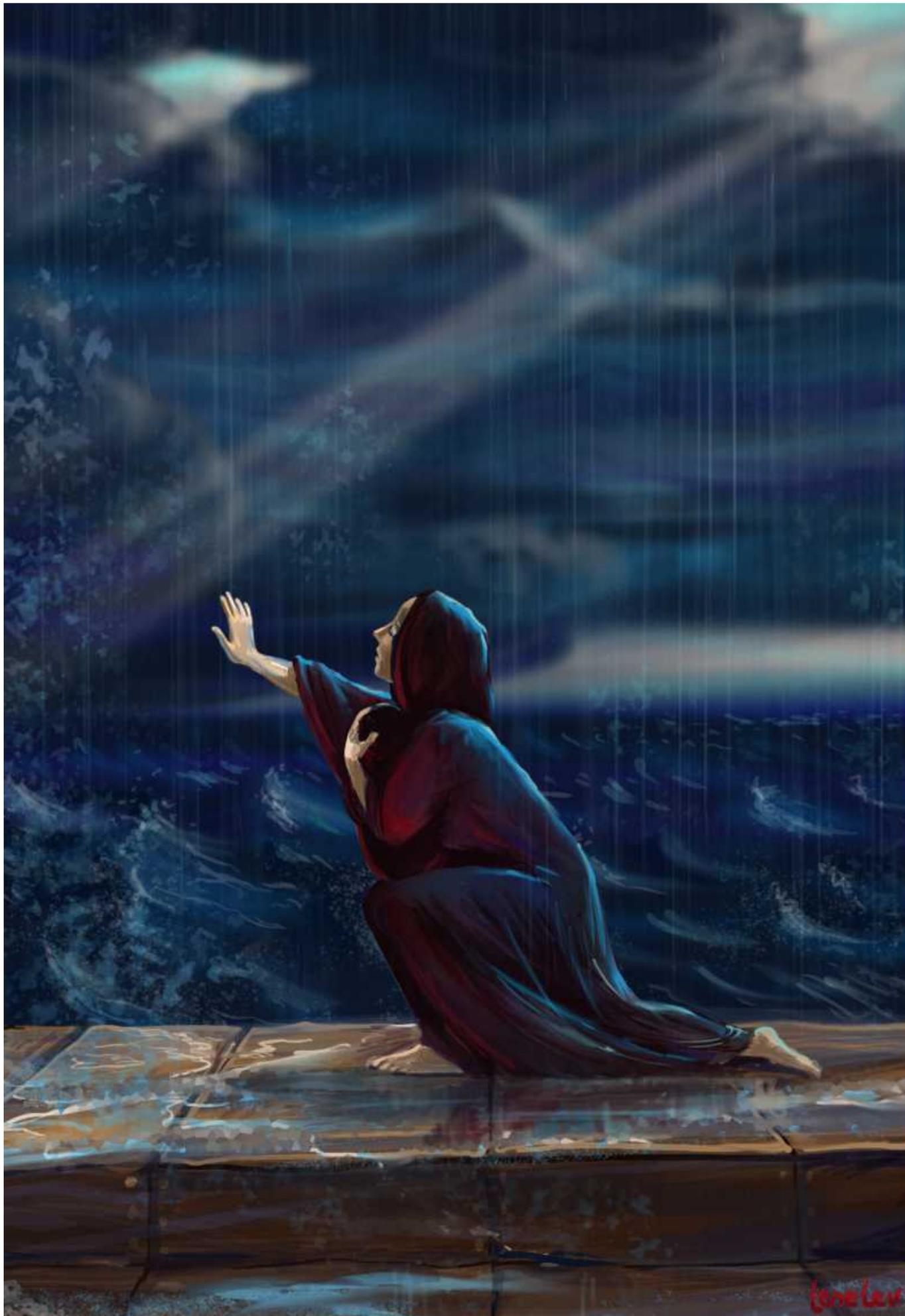
— Ноема моя, — покачал мой муж головой и с трудом улыбнулся. — Не знала голода, годами вынужденная сама добывать пропитание себе и детям? Не знала страха, когда люди гнали тебя камнями, насмехаясь за мужа, проповедующего неугодное? Была согрета, когда годами не видела меня, занятого неясной тебе работой? Лono твоё...

Горячая ладонь легла мне на живот, почти полностью накрыв его. Муж отвёл глаза, боясь выдать в неярком свете слёзы, и с горечью сказал:

— Лono твоё знает боль рождения титанов.

Горячая ладонь там, где появляется жизнь, напомнила ужас и смятение появления на свет первенца. Заливающую ноги кровь, резкую боль, сворачивающую мир до единой перекрученной нитки,

Художница Лев Елена

Проза. ФЭНТЕЗИ

соединяющей жизнь и смерть и проходящей через меня. И чувство давления, и натяжение, и боль, когда, не выдержав, плоть рвётся, словно ткань. И слабость, равную которой не знало тело. Слабость, заполняющую члены. И туман перед взором. И страх, и беспомощность, дерущие на части сердце, когда напряжённый комочек красного цвета неловкими рывками ползёт на грудь. Не открывая глазок, словно котёнок на тепло.

Я замотала головой, прогоняя видение, и прижалась к мужу:

— Нет, господин мой! Не тем измеряется счастье и несчастье жены. Не числом труда, наслаждений или богатств. Счастье — быть понятой. Счастье — смотреть на мужа и детей и удивляться им, и восхищаться. Счастье — чувствовать себя любимой. И это ты дал мне сполна, мой господин. Ты и дети, благодарные за жизнь и дом.

Мой муж, мой бог и господин, прижал меня к сердцу. Мои обнажённые плечи, уже саднящие от неумелой ласки сильных рук, обдало теплом — ласковым, лечащим. И я закрыла глаза, наслаждаясь. Взор стал неважен — свет в окне потемнел и уже не казался светящимся сизым, скорее тёмно-серым, а в нём непросто разглядеть друг друга.

— Ноема моя, Ноема... Столько лет вдали от тебя! Ради тебя. И — против тебя! Но сейчас ты успокоила меня. Хоть эту вину сброшу с плеч. Как ни тяжело тебе было ждать, но ты смогла стать счастливой. Пусть благодаря не мне, а себе же — умеющей жить полно и мудро, но всё-таки, всё-таки!..

— Я не понимаю, господин. Какая вина тяготит тебя? Скажи — я выпью её до дна, ничего тебе не оставив. Скажи — и этот камень я сниму с твоих плеч и положу под порог дома. Скажи мне.

Тепло его рук перетекло в меня, словно влилось ручьями, опустилось в чашу живота и там свернулось горячим озером, туго плещущимся от пробуждающегося желания. Мне хотелось вечно стоять на цыпочках возле сильного тела и чувствовать его жар, его волнение и силу чувства, так редко проникающего наружу, за оболочку скупых движений и слов. Но в спину, в обнажённые плечи хлестнул стылый ветер. Ожёг холодом. Вздрогнула. Хотела обернуться, но супруг взял в ладони моё лицо, останавливая, и мне снова стало хорошо.

— Я строил эту гробницу, Ноема, — всматриваясь в мои глаза, словно выглядывая в них понимание, отрывисто заговорил он, — для нас с тобой и наших детей. Я строил её из деревьев, указан-

ных моим богом. Деревья эти особы. Они защищают от воли Творца. И потому здесь, единственно только здесь, я могу говорить с тобой так, как никогда раньше и никогда позже...

— Я слушаю тебя, мой господин! Внимаю и повинуюсь... — прошептала я. Холодный ветер в спину усилился, и снова стало неуютно от поминания о том, где мы находимся. Тело задрожало, а руки потянулись к теплу мощной груди.

— Девять лет строил... Строил, снося насмешки и обвинения в безумстве! Но не они сделали меня седым. Каждый мой день с теслом в руках был днём вдали от дома. Есть мужи, достойные Подвигов, а есть и те, кто был бы счастлив видеть, как растут дети! Но бог не спрашивает о желаниях, — супруг горько усмехнулся.

— Не вини себя, господин мой, — улыбнулась я. — Ты достоин Подвига! А дети выросли с рассказами об отце и стали тебе под стать!

— Ноема моя, — он поцеловал мои волосы, ласково потрепал их, и захотелось изгибаться кошкой. — В свете твоей мудрости они выросли отважными и почтительными! Чего только стоит их покорность сейчас! Весь мир смеётся над их отцом, а они по слову его соглашаются сойти в гробницу и провести там в молитве шесть дней, провожая его! Сильные юноши. Будущие цари царей.

Я тихо засмеялась, смущённо отводя взгляд.

— Полно, господин мой. Не моя мудрость, а уважение к твоему труду вело их.

Вздригнула — плечи охватил холод. Стылая капля упала меж лопаток и поползла вниз, вдоль хребта, под одежду и ниже, до талии. Ещё одна капля. Ещё...

— Я строил, — взгляд мужа сделался безумно-тоскливым, тяжёлым, страшным. — Строил, оттягивая минуту вбивания последнего гвоздя. Мешкал, тратясь на мелочи. Понимал, что лишаю семью своего участия, но тянул время, по городам и деревням проповедуя о близкой кончине мира. Я приглашал праздных посмотреть на гробницу, что строю своей семье. Указывал им на горы и предлагал последовать примеру, дабы после конца света существовать в мире мёртвых в домах, заранее приготовленных, а не валяться мертвечиной, доступной воронам по полям... Я проповедовал сквозь летящие камни и смех, ранящий сильнее камней! Но не появилось верующих. И тогда я понял, что всё напрасно. И что больше оттягивать время нельзя.

Услышанное тяготило непониманием. Я пыта-

лась спрятать взгляд, хотя и знала, что это невозможно. Глаза его — серые, яркие, с крапинками чёрного вокруг зрачков, словно угольки погасших звёзд. И нет такой воли на земле, которой бы хватило оторвать взор от этих глаз. Глаз последнего в роду Говорящих с Небом. Но я пыталась. Пыталась. Пыталась... Не получилось, и, смешавшись, растянула губы в неуверенную дрожащую улыбку.

— Ты построил самую большую гробницу, — зашептала я успокаивающе и потянулась ладонями к заросшим впалым щёкам. — Такой нет ни у царей, ни у жрецов. Самая большая и самая красивая! Она простоит многие века, и потомки тех, кто сейчас смеётся над нами, будут смотреть с восхищением! Ты собрал самые красивые цветы и деревья, дабы они ласкали наш взор в мире теней. Собрал самых голосистых птиц и могучих зверей. Ты создал Эдем для нашего посмертия. И это Подвиг твой!

— Нет! — зарычал он. — Нет, Ноема! Не Подвиг! Боль моя! Слышишь? Боль!

Его сильные руки сдавили до вскрика. Затрясли. И оттолкнули под свет и холод. Стылые брызги ударили по обнажённым плечам. Холодно! Больно! Намятое тело задрожало от ударов крупных капель. Я подняла глаза к небу... И замерла.

Нет неба. Нет звёзд. Нет.

Только чёрная бездна. И летящие вниз капли. Будто наконечники стрел, потерявшие древки...

Острые, страшные.

И я закричала.

Бросилась из-под бьющей воды. Кинулась к живому теплу защитника, данного мне судьбой.

— Что это?! Что это, господин мой?!

Мой муж, мой бог и господин, прижал к себе и опустил ладонь на голову.

— Это дождь, Ноема, — устало сказал он. — Просто дождь. Первый и последний дождь этого мира...

Серые глаза остановились, с тоской глядя на усиливающийся поток воды, влетающий в окно. А волосы в неярком свете стали отсвечивать седым.

— Господин мой... — мои губы дрогнули и скривились.

Ещё хотелось ласки и тепла, мира и покоя, хотелось верить, что эта глупая и тяжёлая стройка закончилась, и для успокоения блажи мужа нужно лишь провести с ним в молитвах и посте шесть дней! Хотелось надеяться. Как когда-то хотелось ему — страстно, неумно! Но...

Кажется, я разучилась...

— Да, Ноема. Это — Конец.

Мой муж, мой бог и господин, не отводил взгляда от окна, в которое летела стылая вода. Ле-

Проза. ФЭНТЕЗИ

тела, словно сокол на добычу — стремительно и безудержно. Всё сильнее и сильнее! Будто опрокинули ведро...

Вода, как злая змея, подползла к моим босым ногам и впилась холодом. Я поспешно отступила, прижимаясь к мужу, но студёный ручей побежал вослед.

— Небеса отворились, обрушивая холодные ливни, — возвысил голос мой муж, мой бог и господин. — По всей земле вскрылись источники. Взбешённые реки несутся на зелёные долины, снося постройки и затопляя пашни. Океаны плещут, выходя из берегов. Далеко отсюда тает лёд. Он трещит, как скорлупа ореха на ядре земли, распадается на осколки и тает под ударами дождя. Вода поднимется, затопив вершины гор, и встанет на время, достаточное для смерти всего дышащего... Мир вышел из воды! И мир возвращается в воду — чистую, новую, смывающую грех и грязь.

Глаза матери, смотрящие сверху, кажется, из самого неба...

Руки отца, сухие и отчаянно нежные...

Лица сестёр, заглядывающих через плечи старшего брата...

— Но там Люди! — отчаянно закричала я, поднимаясь на цыпочки и хватая мужа за плечи. — Люди!

— Люди, — повторил супруг и болезненно скривился. — Греховодники и блудницы! Они попрали законы божьи, и его терпению пришёл конец! Он долго ждал, вразумляя устами пророков и блаженных. Но мир не услышал его! Не услышал даже тогда, когда был избран для веления последний из Говорящих с Небом. Люди сами предпочли свой удел! И греша, и не слыша... И не знаю, в чём больший грех — в том, чтобы совершить злодеяние, или в том, чтоб не услышать, не постигнуть и осмеять боль того, кому нанесена рана!

Мой муж, мой бог и господин, опустил голову. Из окна лилась вода, чёрная, злая. И не понять, что блестит на впалых щёках моего супруга — слёзы ли? Вода ли?

Я схватила мощные плечи, впилась пальцами, так и не сумев обхватить, и, тряся его из всей силы и шатаясь сама, закричала в серые глаза Говорящего с Небом:

— Люди! Слышишь?! Люди! Старики! Дети! Женщины! Их спасти надо! Скажи Ему!

Муж отстранил меня под стылый поток с небес, бьющий из серого квадрата окна, единственно

соединяющего нас с миром, и угрюмо покачал головой:

— Я пытался говорить с ними. Бесполезно. Я стремился донести до них слово бога моего. Но они не слушали.

— Господин мой! — я рухнула на пол, коленями в холодную воду, и, ползя к мужу, заломила руки: — Господин мой! Есть вина мужей и жён их перед лицом бога твоего, но дети, господин мой! Дети! Младенцы, не учёные говорить! Чем они провинились?! В чём согрешили?!

— Ты же знаешь, вина отцов падёт...

— Вина!? — я обхватила могучие колени. — Бог всемогущий, всемогущий! Разве не мог он найти другой способ, кроме устрашения и умерщвления? Жены могли стать бесплодны, чтоб не мучились их дети в конце мира! Почему он не подумал об этом? Он хочет, чтобы мы устрашились его закона? Хочет, чтоб умирающие страдали, умиряя его обиду?! Хочет, чтобы, видя гибель детей своих, кричали от боли и молили?! Бог жесток? Обидчив? Низмен и порочен?

— Молчи! — гневные руки вновь оттолкнули меня под поток. — Неразумная! Не тебе судить о его желаниях! И не мне!

Я упала. Небо оцетинилось дождём, тугими чёрными каплями падая в меня. Остро. Страшно.

Зажмурилась. Легче не стало. Вода ударяла в лицо, забивая ноздри.

Отвернулась, откашливаясь, задышала...

Села в воде, отползла из-под потока. Мокрые ткани одежд липли на тело, оборачивая в холод и беду. Как не оторвать их от кожи, так не избавиться от горести.

Между мной и мужем моим лилась вода. Громко журчали струи из углов маленького окошка. И падали тяжёлые капли.

Между мной и мужем моим ширилась темнота. Чёрный страж непонимания.

Супруг стоял, прижав к вискам напряжённые кулаки, умиряя вьющиеся под кожей вены. Открыл глаза, захрипел:

— Он сказал мне, что день конца близок. Сказал, чтоб я построил корабль, в который взял бы лучшее, что посчитаю достойным жизни. И я взял вас...

Меня затрясло. Странная гробница, восемь долгих лет строящаяся на горной террасе, оборачивалась не блажью, не желанием посмертной памяти, не могилой рода, а гигантской лодкой, созданной для сохранения угодного богу и моему супругу. Не мы в нём должны были уйти в смерть, а всё вне него!

Порыв холодного ветра влетел в окно, бросив горсть мелких белых камней. Я сжалась, одёргиваясь из-под удара. Но новый порыв оказался сильнее, и в кожу врезались почти прозрачные иглы. Ахнув, я поползла дальше от окна, в темноту, спиной ощущая воздух меж собой и стеной.

Мой муж наклонился и поднял ближе к свету и потоку белые шарики. Покатал меж пальцев и отбросил.

— Лёд, — только и сказал он. И от этого слова разило такой опасностью, с которой не сравнится тишина могилы.

Я никогда не была так высоко в горах, чтобы видеть белые шапки на острых вершинах. Но муж мой был, и он рассказывал, как бывает больно, когда, обессилев, падаешь в снег, как тело сворачивается, словно гусеница от удара, и нет желания двигаться. Но больше всего тогда, под одеялом тёплой шерсти, возле сильного тела, ещё распаренного любовью, меня испугало переданное супругом ощущение смерти при жизни. На вершине, в бессилии припав ко льду, он коченел, ещё мысля и чувствуя! Сознание жило, а тело умерло. И если бы не сыновья, ушедшие по следу...

Но там, — там, за стенами гробницы, становящейся нам родильней, — некому будет растолкать упавших в холод. Там некому будет растереть и накрыть одеялом. Некому! Всё и все будет в воде и снеге...

Усталая мать, льющая молоко по кружкам...

Сестра, склонившаяся над цветами праотцовского сада...

Соседская дочка — топотушка, только научившаяся бегать...

Старый пёс, доживающий в сытости под крыльцом и защитой внуков...

Могилы отца, отмеченная на зелёном холме белым зубастым камнем...

Тысячи тысяч глаз...

Тысячи тысяч рук...

Тысячи тысяч...

Бездна людей стояла передо мной. Столько, сколько не мог охватить женский умишко, но чувствовало сердце. И вода, льющаяся сверху, и вода, поднимающаяся из каждой трещины в земле. Вода. Вода! Схватила за горло, чувствуя, что задыхаюсь! Задыхаюсь, на миг представив такую смерть...

И я заплакала. Слезы — тёплые, солёные, тяжёлые, — быстро смешались с влагой на лице. И закапали вниз неотделимо от злой холодной воды.

Жизнь и смерть.

— Почему?! Почему мы?!

Мой муж, мой бог и господин, оторвал кулаки от головы и посмотрел на меня, незряче вглядываясь в темноту:

— Потому что с кого-то должна начаться новая жизнь. И это должны быть праведные.

— Я не хочу! Слышишь?! Не хочу быть праведной! Чего стоит праведность всей жизни, если в ней есть всего один грех, но это грех предательства всего мира?!

Я свернулась клубочком и вдавила лицо в ладони.

Слёзы текли. Струилась вода. Холод донимал колени, поднимался выше, охватывал всю, словно по крупнице выдавливая тепло и жизнь из жил и костей. Тяжёлый воздух, напитанный влагой, давил на лёгкие, давил на виски, вытесняя разумность и ясность. Мир казался сотканным из сажи и воды...

В закрытой комнате под маленьким окошком обрушивающегося неба глухо давили звуки падающей воды, моих рыданий, ветра и чего-то далёкого, но пугающего. Звук был знаком, но словно что-то внутри мешало вспомнить его и, осознав опасность, бежать...

Я замерла, стараясь не всхлипывать. Заслушалась, как внимает птица шагам зверя.

Звук приближался, нарастал, то налетая слитным приглушённым рокотом, то распадаясь на осколки высоких и низких голосов.

— Люди, — отводя лицо, отчуждённо сказал мой муж, мой бог и господин.

Издали сквозь дождь я не видела глаз, но уже знала, какими они бывают, глаза любимого супруга, данного судьбой, и просто жреца, последнего в роду Говорящих с Небом. Они бывают страшными... как приговор.

А люди за стенами кричали, звали, молили. Бешеными волнами плескался один крик, повторенный тысячами глоток:

— Ноа-ноа-ноа-ноа... Ноа-ноа-ноа-ноа...

Выше, ниже, громче, тише! Волны криков бились об стены, вдавливались в окно, прорывались сквозь воду. И скорпионами заползали в уши. Невозможно узнать знакомых голосов в общем рёве и плаче, но знаю — там все свои, родные, близкие. Просто незнакомым делается голос человека, отчаянно молящего о жизни. Или об иной смерти.

— Они поняли, — с отчаянием я протянула руки мужу. — Они всё поняли! Они пришли к тебе с мольбой! Пришли сюда, а не побежали выше в го-

Проза. ФЭНТЕЗИ

ры! Пришли, потому что признали в тебе Голос Его! Скажи Ему, чтобы остановился!.. Скажи!

Мой муж, последний рода Говорящих с Небом, покачал головой и сел в холодную воду, подобрав ноги.

— Скажи! И ты остановишь смерть! Ты будешь великим из величайших!

— Глупая женщина, — просто ответил он. — Не то важно, кем я стану... Важно, каким будет мир дальше! Плоть извратилась. Она уже не образ и подобие сотворившего. И Он решил начать сначала. Моё слово ничего не будет значить...

— Тогда пусть уничтожит и нас! — воскликнула я.

— Тебя? Меня? Детей? Внуков, которые ещё толкаются в животах?! — рявкнул муж.

Я вдавила лицо в руки и заплакала. Задышавшись от тяжёлого вдоха, наполненного мельчайшими каплями воды и безнадежностью. Слёзы текли, не останавливаясь. Мир жизни и тепла сужался. Тьма и холод обступали со всех сторон. Тьма, холод и нежелание дышать. Невозможность вздохнуть, чтоб наполниться злым воздухом смерти.

В стены застучали. В стены забили, чем могли — разбивая в кровь руки и колотя камнями или остатками подпорок, брусьев и досок, разбросанных вокруг построенной гробницы. Уже не гробницы... Уже — лодки, способной подняться над миром, залитым водой, воплотившей обиду Творца и его возмездие. Комната наполнилась гулом, рёвом, тяжёлым рокотом от сотен ударов. Но крепкое дерево держало натиск острых граней.

Стук и плюх по стенам начал подниматься и нарастать. Выше, выше! И уже тугой дугой изогнувшуюся крышу стали бить и царапать. Искать трещины и пытаться пробить дерево.

И кричали...

Стало невозможно отличить слова. Только один протяжный звук пробирался сквозь шум. Один, он ввинчивался в уши, вплёскиваясь в сознание единым варевом.

Зажала голову руками, но сквозь ладони оставался слышен гул...

Завыла. Но и вой не заглушил. Он влился, как слёзы вливались в студёную воду...

И они лились все вместе — вода, слёзы, гул и вой.

Пока в стену не ударило.

Меня сбило с колен. Бросило об пол. Вышибло дыхание.

Крик за стенами слился в единый вопль сотен глоток — мужчин, женщин и детей.

Пол закачался, заходил ходуном, убегая из-под меня стылой волной.

Деревянная гробница, в которой мы, то ли похороненные заживо, то ли спасённые, беспомощно сидели, зашевелилась, заворочалась, переваливаясь с боку на бок.

Я прижалась к полу, распласталась, распахнула руки, обнимая холодные доски. Заскребла, срывая ногти. В лицо ударили мелкие волны. Они плескались, перекатывались через меня, пресекая дыхание, забивая нос и рот. Но встать сил не было.

Пол дрожал от натуги — словно гробница выпрямляла спину, выдирала корни из земли. Покачивалась, отряхаясь. За стенами крушились подпорки и стропила, трещали, заглушая вопли падающих вниз переломанных людей.

Вниз...

Я приподнялась и в ужасе взглянула на супруга. Он сидел по-волчьи, собрав вместе руки и ноги, вжавшись спиной в стену, словно подпирая. И тьма возле него казалась рассеянной, а дрожание мира — меньше.

— Большая вода пришла! — прохрипел муж, поймав мой взгляд.

Но я не поняла.

Тогда мой муж, мой бог и господин, закашлявшись от холодного, пропитанного водой воздуха, коротко объяснил:

— Море.

Море.

Тихое и ласковое море, лежащее под тёплым солнцем. Море, в котором приятно мочить ноги, прогуливаясь под луной. Море, в котором плескались ещё детьми... Море...

Большая вода.

Волна, доставшая до гор и упругим ударом сдвинувшая наш деревянный мир. Уничтожившая всё, что было долиной. Мирной долиной, полной счастья и тревог, радости и боли. Полной жизни, единственно для которой и существует разделение на то и другое...

Под тёмно-зелёной, бурной от движения водой сровняло с будущим дном деревья и цветы, дома и пашни... Людей, животных, сорванные постройки подхватило и потащило на упругом гребне до самых гор. И разбило о камни. Размазало, словно жидкое тесто сбросило с пальцев — ошметками, каплями. Белыми. Розовыми. Красными.

Поплыл перед глазами мир. В затылке стало легко, туда потянуло, словно за ниточку из тела стало выдёргивать душу. Глаза сомкнулись. Подогнулись руки...

— Ноема!

Окрик вырвал меня из объятий липкого и зловонного кошмара, где сотни людей, полуодетые, босые, держась друг за друга, лезли на огромный короб и кричали. Мужчины подсаживали женщин выше, спасая от волн. А женщины держали на руках детей — вопящих, визжащих от страха.

Открыла глаза, огляделась и застонала.

Воздух, насыщенный водой и холодом, залеплял лёгкие, принуждая сознание тонуть в беспомощности и нежелании двигаться. Глаза смыкались сами, клубами плотного белого тумана зашторивая темноту. Но сознание билось птицей, разбиваясь в кровь о преграды. Сознание металось в поисках выхода, но ударялось о решётку покорности. Искало смысл в существовании, а находило суть человеческой беспомощности перед самой жизнью.

Подняла голову. Мир был. Но его уже не было.

Пол качался, стены ходили ходуном, гудя уже не от ударов камней и рук, а тяжёлых волн, размеренно бьющих в борта.

Безучастный холодный плеск за стенами гробницы-корабля.

Стук множества капель, превратившийся в протяжный гул дождя.

Подвывающий ветер, бьющий в квадратик окна.

И шёпот...

Мой муж, мой бог и господин, сидел на коленях под бьющим холодным водопадом и, почти не слышно молясь, качался из стороны в сторону. По запрокинутому лицу били струи и смывали слёзы и слова в один туго перекрученный поток.

Я приподнялась над студёной водой. Села. С трудом отняла от лихорадочно горячей груди мокрую холодную ткань. Отжала. Теплее не стало.

Слёз уже не оставалось. И сил тоже.

— Он сказал, что вода будет лить, пока не достигнет пиков гор. Тогда с земли смоется вся скверна... — не опуская лица, глухо сказал муж. В открывающийся рот затекала вода, но он глотал её, словно холод мог потушить пожар сердца.

— Не скверна, — тихо отозвалась я. — Люди.

Глаза словно прыгнули за пределы тела.

Где-то далеко, на вершине голой скалы, стояли, тесно прижимаясь в объятиях друг к другу, мужчина и женщина. И меж ними неуверенно возился и хныкал замерзающий младенец. А вода уже заливала икры людям, грозя волнами сорвать с камня в бездну.

Юноша на почти затопленном плоту, невесть как сохранившемся во время удара, держал на ру-

ках юную деву, ослабевшую в борьбе с холодом. Держал, поднимая всё выше от подступающих волн.

Бревенчатый дом несло стремительным потоком на далёкие скалы, и в нём крепкий ещё старик отчаянно старался вытащить на крышу пожилую женщину, обессилевшую от множества ран и ушибов.

Большое дерево крутило меж потоков, сошедшихся в битве посреди разлившегося моря. Схватившись за ветви, из последних сил держалась женщина. А на комле сидел мальчик. Одной рукой он обнимал ствол, а другой отчаянно тянул маму. И уже не плакал.

Дряхлая старушка в притопленной лодке крепко прижимала к груди девочку. Обернув малышку мокрой шалью, она баюкала её, не давая взглянуть на приближающиеся горные пики, к которым по воле волн и хлещущего дождём неба несло судёнышко.

— Люди, — повторила я устало. — Это единственное, что есть на этой земле хорошего и плохого... Потому что только в них существует хорошее и плохое. И только для них.

Мой муж, мой бог и господин, отнял взгляд от зашторенных тучами небес и посмотрел на меня. Вода падала на его седые волосы, и казалось, они стекали такими же тонкими струями. И узкими ручейками падали на могучую грудь последнего Говорящего с Небом.

С трудом разогнув заочневшее тело, я встала. Пол ходил ходуном — ковчег несло по упругим волнам. Несло в неведомое — к горам ли? от гор ли?

— Скажи Ему, чтобы остановился, — тихо сказала я. — Скажи сейчас. Пока можно спасти последних.

Он помотал головой, и поток, бьющий из окна, разлетелся брызгами. Словно пёс вышел на землю из воды и отряхнулся.

— Ты не понимаешь! Он хочет сделать так! И так будет!

— Будет, — скривилась я то ли от давящего нутро смеха, то ли от сдержанных слёз. — Если ничто не остановит его. Так останови Его!

Хотелось кричать, чтоб достучаться до сознания супруга, но вот не могло. Давило на сердце, на лёгкие, на всё тело. Словно было что-то такое в воздухе, без чего не получалось оставаться живым и сильным. Словно прежде чем наслать погильную воду на землю, бог сперва подул ветрами слабоволия... От милосердия ли? От страха ли?

Проза. ФЭНТЕЗИ

— Останови его. Потому что, кроме тебя, этого никто не сможет сделать, — подступила я к мужу. Даже сидящий на коленях, он был таким огромным, что пугал мощью и статью. — Ты — Говорящий с Небом! Говорящий, а не выслушивающий его! Ты — потомок тех, кому верили предки. Верили каждому слову! От бога ли оно шло или от их собственной сущности, полной, как и мы, низменных желаний и забот! Вы были поводырями и пастырями! И скверна, и благодать, и святость, и грех человеческие — всё и от вас тоже!

Супруг отшатнулся. Раскрылись глаза. Серые, с осколками погибших звёзд.

А мне вдоха не хватило. Задохнулась, ощутив, как давит на уши гул и тишина. И сквозь них услышала...

Сердце вздрогнуло. Загудели груди. В краткий миг узnavания мир раскололся и снова сложился в единое.

Я бросилась к окну. Оттолкнула мужа. И прыгнула. Навстречу студёным каплям и льдистым осколкам.

Зацепилась, повисла на раме.

Преодолевая шум в голове и дрожь в теле, подтянулась и выглянула.

Чёрное и серое бесновалось вихрями, давя жизнь в ступке мироздания...

А женщина, чудом удержавшаяся на белёсой, льдистой покато́й крыше, уже замёрзла. Или была близка к этому. Лицо цвета молока, неживое, на сомкнутых веках мокрые холодные блики. Руки застывшие, словно коряги у сваленного дерева. А между ними — комок тряпок с тихим попискиванием внутри.

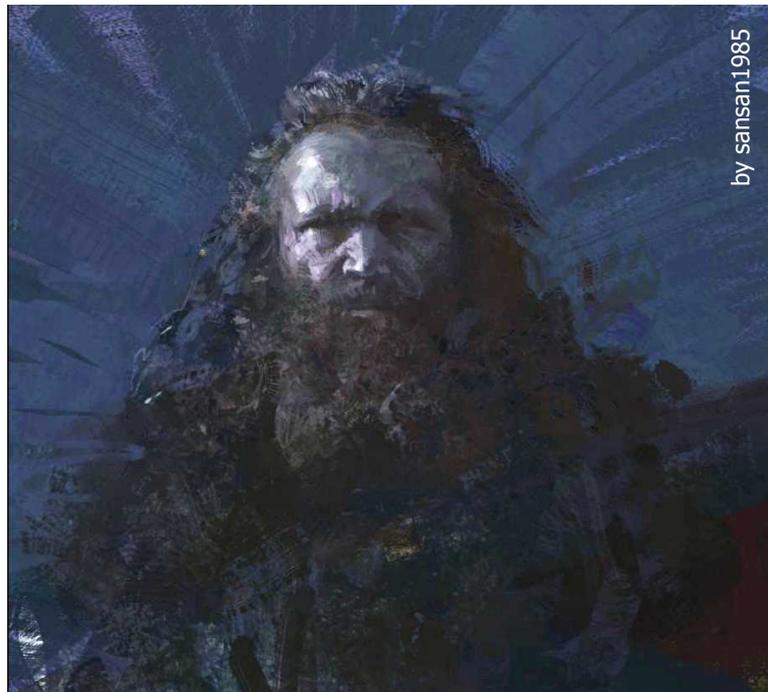
Малютка выпростала из обёрток ручку и, почувяв холод, плакала.

— Боже... — начала я и поняла, что нет у меня сил на молитву. А у бога — права на мою мольбу.

И, стиснув зубы, я рванулась в проём. Сдирая кожу с плеч и рассаживая тело о твёрдую смолёную раму. Лишь руку мне и удалось просунуть вовне, туда, где бесились и небо и вода. Лишь руку — короткую руку, не способную дотянуться до заколоченной на крыше ковчега матери с ребёнком.

Пальцы обдавало студёной водой, словно огнём хлестало. От них струился свет, будто душа моя уходила туда. Но ногти бессильно корябили доски почти у самого свёртка.

Я закричала отчаянно и зло и потянулась, всем существом своим вытянулась в сторону тихо скулящего комочка. Через боль и отчаяние. Не веруя, не упоая, не моля.

Но чудо случилось.

Женщина встрепенулась на мой крик. Тяжело открыла глаза, стряхнув с век тонкую корочку льда.

— Ноемгара, — сложились сизые губы.

Руки юной матери трудно раскрылись, отрывая от груди и протягивая мне сокровище.

Я потянулась в проём. Стиснув зубы, рванула плоть.

И уцепила широкую ленточку.

Намертво сжался кулак!

А женщина, отпустившая руки, по ледяной влажной корке скатилась с покато́й крыши. Так и не сумев стереть улыбки с окованного лица.

Плеска я не услышала...

Маленький комочек в одеялах шевелился, надеясь вылезти на свет. Надеюсь, что холод в нём — всего лишь холод, но где-то рядом есть тепло матери. И грудь, полная тёплого молока. И жар ещё не опавшего живота. И руки, бережнее которых нет на свете...

— Ной! — заплакала я. — Ной!

Сильные руки мужа обняли мой стан, поддерживая в окне. Опалила боль порванных мышц, и стало ясно, что здесь, в единственном соединяющем миры жизни и смерти портале, я остановилась, не способна ни выйти, ни вернуться. И вишу, отчаянно цепляясь за смерть во имя жизни...

— Ноема! — крикнул муж, приблизившись. — Держись! Я за мальчиками! Мы разрубим крышу! Держись!

Горькие губы обожгли обнажённое плечо, и руки поддержки покинули меня. Мой муж, мой бог и

господин, помчался в темноту лабиринта, выкрикивая имена сыновей.

Немного, нужно продержаться немного, пока они придут! Среди холода, боли, усталости и отчаянья. Меж тьмы, холода, ветра и воды, ополчившихся на жизнь. Продержаться и удержать!

Совсем немного...

Мои сыновья — могучие, стройные, смелые — гордость материнского сердца. Им не впервой махать топорами. Не впервой идти наперекор стихии и страху. И никому не остановить их натиска в бою и труде.

Мои дочери — ласковые, сильные, добрые, — нежность материнского сердца. Их трепетные понимающие руки обнимут меня, держа в окне, пока от яростных ударов будут лететь над ними щепы.

Лишь бы только удержаться. И удержать.

Озябшие пальцы надорванной руки я уже не чувствовала. И потому смотрела только на них. Смотрела и немо приказывала — держать. Держать! Не сметь разжиматься! Не сметь!

Комочек завозился вновь, стремясь на волю из тесных пут. Но ветер, холод, дождь и град пугали его. Не таким должен быть мир, встречающий человека, выходящего из лона. И малыш пищал криком совсем маленького дитя, похожим на мяуканье брошенного котёнка.

Сердце провалилось в бездну и снова вынырнуло. Если малышка вырвется из одеял, то ухватить её надорванной рукой я уже не смогу...

И я запела. Колыбельную, переданную мне из тепла в тепло с молоком матери, с лаской её рук, с жаром её живота и смехом её глаз.

Тихую колыбельную для мира, наполняющегося водой.

Для себя, живущей, но умирающей в холодном безверии и жаркой надежде.

Для малышки, пихающей путаницу одеял.

Для умерших и ещё живых...

Я пела и чувствовала, как моё тело подпирают снизу надёжные руки. Как подпирают мой надтреснутый голос сильные голоса будущих матерей.

Как муж мой, мой бог и господин, плечо в плечо с моими сыновьями рубит сухо огрызающиеся доски. И орёт, непотребными словами понося Небеса.

Как замирает, поверив в мой голос, дитя.

Как затихает море.

Как останавливается дождь.

Как прислушивается бог.

«...и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Быт 8, 21-22)

Ворон Ольга

writercenter.ru/profile/Olteya/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

by sansan1985

sansan1985.cgihub.com/images/page:5/

Love me tender

Богатырёва Татьяна, Эрн Хэл

Лилька суетилась у плиты, старательно размешивала кофе. С корицей и кардамоном, его любимый. На всю кухню пахло пряностями, Лилька напевала под нос "Love me tender" — голос у нее дрожал и срывался.

Коричневая пенка поднялась над туркой, но Лиля вовремя спохватилась, выключила газ, разлила кофе по кружкам... вытащила из холодильника сливки. Подумала и убрала обратно, вытащила вместо них шоколадку. Наломала мелкими кусочками, сложила в кошачью миску.

Забилась в угол диванчика со своей чашкой, как обычно.

— Ильяс, — окликнула почти в полный голос. — Иди кофе пить! — и добавила шепотом: — А ты же остынет... опять...

— Я теперь не люблю горячий. — Он сел на свое место и улыбнулся ей. — И мне нравится, как ты поешь, только плакать не надо, ладно?

— Надо Тигру купить шлейку, — невпопад сказала Лилька. — Он что-то рвется со мной на улицу, когда я ухожу. А я боюсь — вдруг собаки... Или еще что. А тут еще новая Вовчикова модель пристает. У нее тоже мейн-кун, девочка, и она хочет их повязать с Тигром... вчера встретились во дворе, она мне все уши прожужжала...

— Лучше модельку повязать. С соседским мастифом, — фыркнул он и понюхал кофе: пах божественно, только слишком горячий. — Надеюсь, ты ее послала лесом?

Лилька промолчала, опустила глаза в свою чашку. Похлопала ладонью по дивану, рядом с собой.

— Тигр, иди сюда. Иди.

— Снова Тигр... — вздохнул он и пересел к ней, потерся щекой о ее плечо. — Ну не плачь уже, Лиль, пожалуйста. Все же хорошо.

— Я спать хочу, — пробормотала она в чашку. — Ужасно хочу спать... Ты еще не пойдешь, да?..

— Ты же не любишь, когда я смотрю. Трусишка. Ты очень красивая.

Она поставила чашку, медленно поднялась. Побрела в спальню, напевая под нос:

"Love me tender, love me dear,
Tell me you are mine.

I`ll be yours through all the years
Till the end of time".

Совсем как в Залесье, только неупокой снимать, подумал он и тоскливо глянул на свой "Никон", так и лежащий на столе, около закрытого ноутбука. Сейчас бы снова посадить ее на мотоцикл и махнуть на какие-нибудь чертовы рога, где красиво. Он бы поймал ей еще одного катрана и нарвал бы охапку цветов, а потом... Он тяжело сглотнул и зажмурился, так явно представив себе это потом...

В спальне заплакали. Тихо-тихо, но он услышал. Наверное, опять устроилась на его подушке, а в свою рыдает. Господи, когда ж она, наконец, поймет, что все хорошо, в самом же деле хорошо? Это слишком больно, видеть, как она плачет.

Неслышно зайдя в спальню, забрался к ней на постель, слизнул с щеки мокрую дорожку.

— Маленькая моя, — пощекотал усами ушко, лизнул. Сладкое, розовое. — Давай спать, девочка моя. Ты совсем не спишь, нельзя так. Смотри, все твои кактусовые колючки завянут... как же ты будешь без колючек, мой аленький цветочек? Вдруг кто обидит...

Лилька подняла заплаканное лицо. Улыбнулась сквозь слезы — не улыбка, тень... Обняла его за шею и чмокнула в нос.

— Спокойной ночи, Тигр.

— Спокойной ночи, любовь моя, — ответил он

и, как сто раз до этого, попросил: — Лиле, ну услышь же, наконец. Пожалуйста. Хоть раз, а? Просто услышь меня.

Не услышала. Пустила к себе под одеяло, уткнулась лицом в его подушку и затихла.

Он лежал рядом, пока она не уснула. Слушал дыхание, вдыхал ее запах. Вспоминал, как первый раз принес ее в эту постель — на руках. Вспоминал все четыре месяца счастья. Какой же он был дурак, боялся ее потерять, мечтал, чтобы всегда — вместе, чтобы не ушла в этот свой гребанный фентезийный мир. Вот и получил. Теперь она с ним. Навсегда. И никуда не уйдет, так и будет жить в этом бесконечном одинаковом дне, носить его рубашки, варить ему кофе, разговаривать с ним — не слыша и не видя...

— Лучше бы ты отпустил ее, чертов придурок, — сказал он вслух. — Она была бы счастлива, пусть не с тобой, но какая, к черту, разница?! Она просто была бы счастлива.

В кресле заиграл его телефон. Интересно, кто может еще ему звонить, через два-то месяца...

Лиле сквозь сон пробормотала:

— Ильяс, возьми уже трубку. — И притянула его поближе, она всегда любила спать в тепле. А теперь еще и не надевала пижамы — потому что он любил, когда она спит так, без всего.

Телефон и не думал умолкать. Кто ж такой настырный, подумал он, выскальзывая из постели, запрыгивая на кресло и переворачивая телефон лапой. Номер не определился. И звонить перестали тут же. А в прихожей заскрежетал в замке ключ...

...скрежет металла, вой клаксона, грохот удара и хруст костей, и запах — автомобильная гарь, кровь, бензин...

Он потряс головой, не желая в сотый раз переживать собственную смерть. И пошел в прихожую, старательно отворачиваясь от зеркала, в котором отражалась кошачья морда с неправильными, человеческими, глазами.

Гость даже света зажигать не стал. Остановился в дверях, склонил голову набок и криво улыбнулся.

— Здравствуйте, сударь мой. Как вам свобода, вкусная?

— Зачем это все? — запрыгнув на комод, чтобы не смотреть с пола, спросил он.

— Это у вас надо спрашивать, сударь мой. Что хотели, то и получили. И свободу, и женщину, только на кой они вам теперь?

— Я хотел сдохнуть и проснуться котом?! Или,

Богатырёва Татьяна, Эрн Хэл. Love me tender

может, хотел, чтобы она — вот так... сходила с ума? Черт бы вас побрал с вашими чудесами!

— Вы хотели остановить Лиле, Илья Сергеевич. Любой ценой сорвать якорь. Вот и сорвали. Это не наши, а ваши чудеса. Вы ведь тоже темный. А что котом проснулись, так это потому, что не смогли ее оставить. Так всегда бывает, если резонанс.

— Какой резонанс, какой якорь? Господи...

Он по привычке хотел потерять виски и чуть не свалился с комода, потеряв равновесие. Бред, это все — бред собачий. Темные, светлые, полосатые, будь они все прокляты!

— Это, Илья Сергеевич, долгий разговор. Сами поймете. Или Лиле попросите, чтобы рассказала. У вас теперь много времени. Лет пятнадцать-то еще точно.

— Издеваетесь. Лиле зовет меня Тигром и собирается купить шлейку. Черт подери, нельзя было мне просто сдохнуть, без эффектов?

— А вы поговорите с ней, когда она спит. — Гость посмотрел неожиданно с жалостью. — И на всякий случай, если вы еще не поняли. Второй раз вы умрете насовсем и вместе. Только вместе. До свидания, Илья Сергеевич.

Вот как. Пятнадцать лет вместе — или сдохнуть, тоже вместе. Перспектива, однако.

Только когда шаги на лестнице затихли и хлопнула дверь подъезда, Ильяс вспомнил, что так и не спросил — что такое темные, и почему это вдруг он — темный. Пожал плечами и пошел к Лиле, разговаривать. В конце концов, вдруг правда во сне она его услышит?

Лиле спала, как обычно, лицом в подушку, вытянув руку — для него. Обниматься. Одеяло, правда, поправила, так что его теперешняя половина постели остыть не успела.

Привалившись боком к ее руке, — обниматься потом, сейчас не хватало только пробуждения кошачьих гормонов, — позвал совсем тихо:

— Лиле, малышка, ты меня слышишь?

Она завозилась. Пробормотала в подушку:

— Ильяс...

Если бы коты умели плакать, он бы, наверное, заплакал. И плевать, что здоровый сильный мужик... был когда-то. А так — он просто задохнулся и уткнулся носом в ее ладонь.

Она чуть шевельнула пальцами: погладила шерсть на морде.

Почему-то он совсем забыл, что же хотел ей сказать. Вместо этого понес какую-то чушь — о том, как очнулся после автокатастрофы в своей

Проза. ФЭНТЕЗИ

квартире и никак не мог понять, что с ним: ничего не болит, но тело не слушается, и все кругом большое, пахнет и выглядит совсем иначе, а в зеркале отражается Тигр, и вместо рук — лапы... Как сидел в пустой квартире, уверенный, что скоро умрет во второй раз, с голода, потому что Лилька не вернется — она же ушла к своему Эри. А потом, когда услышал шаги, — узнал сразу, как только открыла дверь подъезда, — бросился к ней навстречу, путаясь в лапах и хвосте, и услышал: «Тигр, он умер».

— Я люблю тебя, слышишь? Я здесь, рядом, Лиля, — повторял ей, как тогда. Только тогда она не слышала, и сама твердила:

— Господи, какая же я дура, Тигр, почему я не пошла с ним? Он же звал, он же приехал за мной. А я... я люблю его, ты знаешь, Тигр? Почему я поняла только сейчас...

Они сидели вместе на пороге, даже не закрыв дверь, обнимались и рассказывали наперебой, как-то оба дураки, как любят друг друга, и как теперь все это поздно и бесполезно, потому что Ильяс больше нет.

Иногда ему казалось, что она слышит. Она отвечала — словно слышала, а потом пугалась и снова называла его Тигром. Снова и снова. И плакала, все время плакала, даже когда вспомнила, что тигров надо кормить и пошла жарить ему печенку. А у него подводило живот, и было страшно и стыдно: он хотел жрать так, что попытался вскарабкаться на стол, забыв, что едва может ходить. И упал. Тогда Лилька взяла его на руки... Она — его. На руки... И он понял, что теперь так будет всегда.

Поначалу он ненавидел этого кота. Ненавидел хвост, шерсть, запах и кошачьи гормоны. Ненавидел шкафы, особенно кухонные, и холодильник, который невозможно открыть лапами. Ненавидел лапы, не желающие держать карандаш или попадать по клавишам ноутбука. А особенно ненавидел Лилькину пижаму, забытую на нижней полке шкафа — потому что она пахла Лилькой, теплой, любимой и желанной Лилькой...

Потом — смирился. Со всем, кроме того, что Лилька его не слышит. Даже научился находить в нынешнем существовании какие-то радости — к примеру, купание. Лилька тоже любила его мыть и чесать щеткой, любила брать на колени и гладить, и разговаривать с ним. Но чаще она разговаривала мимо него. С тем Ильясом, который не умер, а вот-вот вернется домой.

А еще Лилька была упрямая, как кактус. Он,

едва не переломав лапы, достал из шкафа с реквизитом записку, тысяч шесть с чем-то, и пароль к банковской карте, а она разревелась белугой и засунула все в стол. Объяснила ему, — Тигру! — что не имеет права тратить деньги Ильяса, и вообще она с ним была не потому, что богатый, а...

— Люблю его. И ни разу не сказала, дура... — еще поревела, утерла слезы и заявила: — Я сама могу заработать. Нам с тобой хватит, Тигр.

Почему он рычит и сует ей в руки карточку, она так и не поняла. И попыталась уйти из их квартиры, вернуться к себе на Молодежную — с ним, конечно же. Бросила эту дурную затею, лишь когда он в шестой раз вывернулся из ее рук сразу за порогом и улегся на свое любимое место — в кресло за кухонным столом, где всегда сидел с ноутбуком.

— Отведу тебя к Вовику, — совсем не страшно пригрозила она тогда. — Зараза упрямая.

С заразой упрямой он был согласен. А что еще ему оставалось?

— Что еще мне оставалось, Лиль? Ты же не слышала. Господи, ты не представляешь, что это такое — оказаться немым... а еще я не могу тебя поцеловать. Знаешь, как хочется, просто поцеловать...

Лилька потянула его к себе. Может, байкер не врал, а может — ей просто что-то приснилось. Перевернулась на бок, обхватила обеими руками. Позвала по имени. На миг он забыл обо всем. Осталось только ее тепло, ее запах, ее стон — и он снова был самим собой, всего лишь влюбленным мужчиной...

Не просыпаясь, Лилька чихнула — шерсть в нос попала.

Он опомнился, отпрыгнул от нее. Если бы коты умели стыдиться — умер бы от стыда. А если бы она проснулась, забыл бы о предупреждении байкера и сиганул бы в окно. Черт. А Лилька снова позвала: "Ильяс?" И, не дождавшись ответа, захныкала. Завернулась плотнее в одеяло, накрылась подушкой. Спряталась. Только все равно он слышал ее запах, и ее всхлипы. И не мог даже дотронуться, проклятые кошачьи гормоны.

— Наверное, мы когда-нибудь привыкнем, Лиль. — Он пожал плечами. — В конце концов, это же лучше, чем сдохнуть... но знаешь, если бы я мог вернуться назад и сделать все иначе... Я очень тебя люблю, Лиль. Может быть, ты потом захочешь замуж, детей... я пойму, правда. Только не плачь больше.

Она затихла. Уснула. А он ушел в шкаф, на пижаму — она не чихала от шерсти, но пахла клубничными листьями и дождем. Как Лилька.

Утренний кофе она налила в пиалу. А когда он остановился на пороге, улыбнулась ему и позвала:

— Иди пить кофе, Ильяс. Уже остыл.

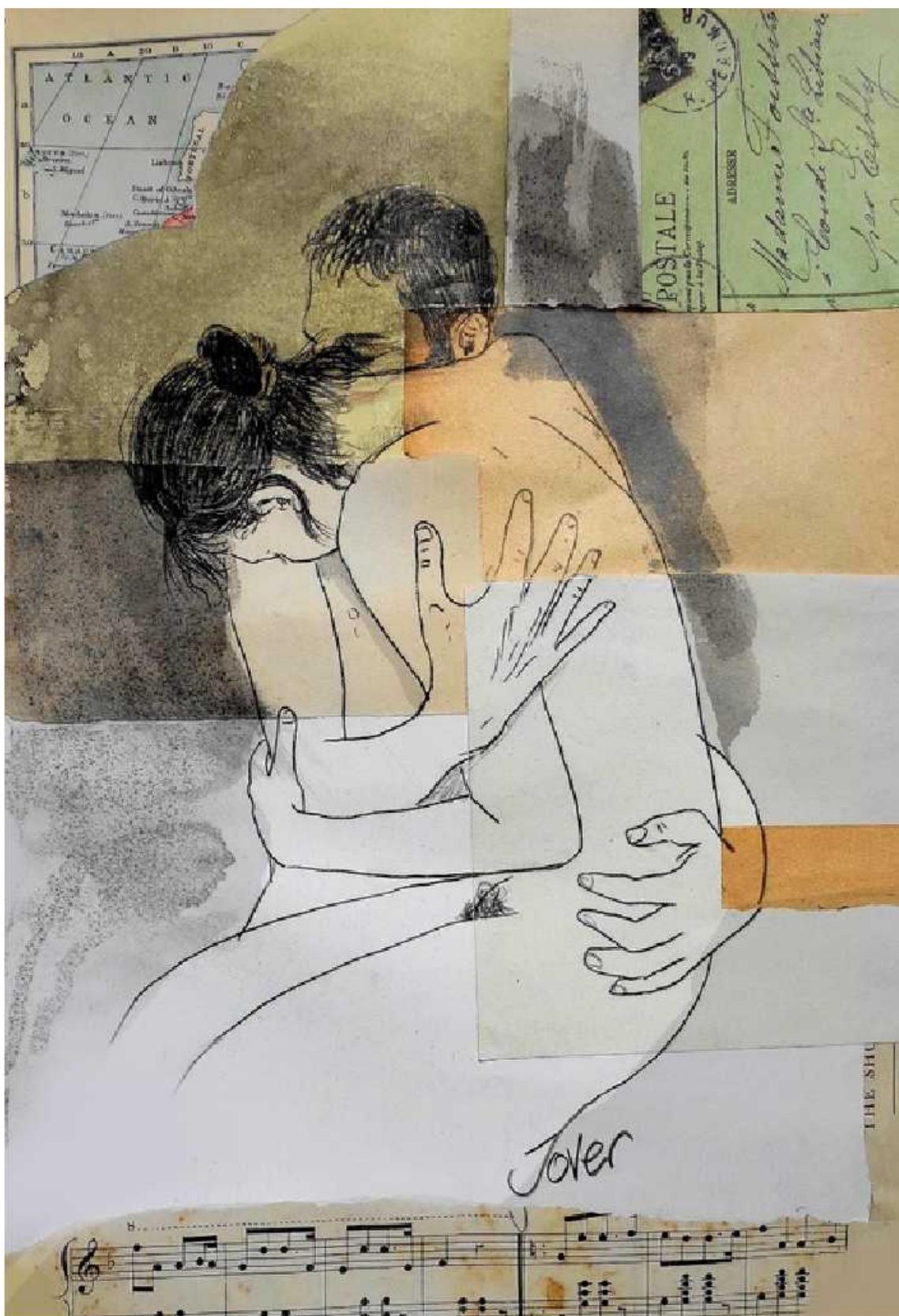

Богатырёва Татьяна (Тигра Тиа)
writercenter.ru/profile/tigra_tia/whois/

Эрна Хэл
writercenter.ru/profile/Morgeina/whois/

Художник Лев Елена
writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

by Loui Jover

Анна Хайм

Говорят, что

Говорят, что секрет круговой поруки — в том, что каждый вбирает вовнутрь себя очертания лиц, ароматы, звуки, ветви лип на излучине сентября, запах улиц, омытых дождем вчерашним, крепкий кофе и булочку за пятак; и так хочется думать о настоящем и подмигивать ветру в такт.

Говорят, что влюбиться — почти похоже на луну, отрастившую два крыла, на усевшегося на трюмо в прихожей остроглазого палевого орла.

Вот идешь по аллее, и ветер в спину, голубь хлебную крошку свою клюет; и клянешься, мол, господи, не остыну, все, что есть — мое.

И действительно — легче, намного легче, и крутая дорога рекой течет, и становятся будто бы шире плечи, а в груди — просторно и горячо; сладко дремлет укрытый в тебе ребенок, позабывший свой самый кошмарный сон.

Мир прозрачен, спокоен, волшебю тонок и звучит с тобой в унисон.

Говорят, что любить — это трижды сдохнуть, что испанская дыба — и та честней, что останется разве печально охнуть и из льдинки да в лужицу по весне, что кого-то назвать своим днем пригожим — это жить от свидания до звонка.

Но почти что готово гнездо в прихожей и дорога ровна и легка.

Говорят, что приходится расставаться, и вот тут-то не выдержит ни один, ведь такое случается с каждым, братцы, от младенчества до голубых седин; и когда ты любил, и когда любил ли — вот тогда-то все было, как должно быть.

Постаревший орел расправляет крылья.

Ничего не выдохнуть, не забыть.

Говорят, что особо судьба ласкает тех, кто в чьи-то узоры себя вплетал, кто, собой обволакивая, обнимая, от сумы и от пули оберегал; и, когда наступает пора прощаться и вдовой в стылом тереме голосить — дай нам, боже, на крохи не соглашаться.

Дай нам большего не просить.

Анна Хайм

ficbook.net/authors/Анна+Хайм

writercenter.ru/profile/Anna_Haym/whois/

by Loui Jover

www.saatchionline.com/profile/284005

Сортировка

Джинн

Умирать оказалось не страшно, но очень больно. Боль залила сознание, парализовала волю, лишив возможности двигаться. С каждой микросекундой тиски увеличивали нажим, до предела и, не останавливаясь, дальше, за границы выносимости. Мелькнула малодушная мысль: «Не выдержи», — и не выдержал. Умер.

И главное, просила же жена: не пей перед баней, выпил — не ходи в парилку. Но это как это — не ходи? Пацаны все накатят по стопарю и за венники возьмутся. А он на лавке будет сидеть? Потому что жена не пускает? Засмеют.

Да и что ему делается, сорокалетнему здоровому лосю?

Так лось и помер. От инсульта.

После смерти попал Вовка в тихое-тихое место. Так покойно бывает только в санатории в межсезонье. Он отдыхал в таком пару лет назад, когда решили с женой провести отпуск вместе: оздоровить организм и семейные отношения. Где-то между Маринкой и Оксаной. Или Оксаной и Лялей — сейчас уже не вспомнить.

Место было похоже на площадку для игр: прямоугольный «язык» для городков, по периметру которого росли чахлые кусты. За кустами — одноногий столик и две скамейки. Всё покрыто однородной белой субстанцией, похожей на снег. Только почему-то не холодно: то ли ранняя весна, то ли поздняя осень — не понять. Ни людей, ни построек в пределах видимости нет.

Вовка наклонился, зачерпнул горсть снега — оказалось, пена. Перетёр между пальцами, понюхал. Никакого химического запаха, который можно было ждать, если бы площадку заливали из пожарного гидранта. Осторожно лизнул. По вкусу пена напоминала оздоровительный кислородный

коктейль из валерьянки. В санатории такой давали.

«Зря я умер, — подумал Вовка. — Столько дел недоделанных осталось». Почувствовал острое сожаление и пошатнулся: земля ушла из-под ног. Он не упал, только провалился в пену по щиколотку. Испугался от неожиданности, немного удивился. Опустился на колени, погрузил руку в грязно-белую массу. Ладонь вошла, не встретив сопротивления, за ней скрылся локоть, потом рука по плечо. А колени опирались на неосязаемую твердь устойчиво, как на землю. Вовка подумал, что случайно попал рукой в какой-то колодец, но нет — он мог двигать конечностью в любую сторону и даже поднырнуть ею под колени.

— Шкипер, тебе развлекаться не надоело? — голос был радостно-язвительный, до боли знакомый. «Шкипером» Вовку называл только один человек — подкалывал за детскую мечту стать пиратом. Сколько дружили, столько и подкалывал — лет тридцать.

— Горюня?!

— А ты кого ждал? Господа Бога? Ну, так до него долгая дорога, — хохотнул бывший одноклассник, Егор Шмелёв. По весне на стройке, где он работал, произошёл несчастный случай: упал подъёмный кран. Сам кран никого не задел, даже крановщик выжил, а бетонная плита, которую он поднимал, задавила Егора. В закрытом гробу похоронили.

— Батка твой жив ещё, мать уже не здесь, других родственников нет. Вот и выходит, что, кроме меня, встречать некому. А что опоздал — это извини. Торопился, как мог.

Егор кивнул вниз, и Вовка только сейчас заметил, что ноги друга по колени в пене.

— Это почему?

— Грехи не держат, — Егор зло усмехнулся. — А ты не знаешь, куда попал? В чистилище. Сейчас пару дней походишь по поверхности, пока броня новичка не кончится. А потом начнётся волынка по «переоценке жизненного пути». Но про это ты лучше у Пастора спросишь, что да как. У меня с демагогией туго. Скажу только, что пока в дурных делах не раскаешься — не утонешь. А других выходов отсюда, кроме как утонуть — нет.

И, не дожидаясь ответа, побрёл куда-то по склону. Растерявшийся Вовка сперва отстал, и пришлось догонять. Сделать это было непросто: он боялся провалиться на каждом шагу. Привычный к пене Егор шёл споро, особой походкой, к которой нужно было приноровиться. Присмотревшись, Вовка понял: чтобы не вязнуть в пене, нужно идти, проскальзывая на каждом шагу, как в детстве катались в колготках по линолеуму.

Окружающий мир не радовал разнообразием. На горизонте грязно-серая пена переходила в грязно-серое небо, границы не было заметно, и из-за этого казалось, что Вовка находится внутри мутного пузыря. Далеко впереди можно было различить цветные пятна, похожие на отсветы экрана над автокинотеатром, но сколько Вовка ни всматривался, он не смог разобрать подробностей. Егора расспрашивать не стал, всё равно они, похоже, направлялись именно туда.

Несколько раз по пути встречались заброшенные площадки для игр, и время от времени виднелись чёрные круглые предметы, издали похожие на шары для боулинга. На заданный вопрос Егор только пожал плечами и неопределённо бросил:

— Саиды. Говорил же.

Вскоре один из шаров показался совсем рядом. Достаточно близко, чтобы Вовка смог рассмотреть горбоносый профиль, седину на висках и воскового цвета кожу, сухую и полупрозрачную, как пергамент. Вовка удивился: что за странный способ закапывать мёртвых вертикально, чтобы над поверхностью торчала только высушенная солнцем голова. Но когда они подошли ещё ближе, саид дёрнулся, сверкнул глазами яблоками, уставился на Вовку в упор и хрипло прокаркал:

— Свежее мясо ведут! Свежее! Ведут! Мясо!

Егор отклонился от пути в сторону хохочущего саида, замахнулся ногой и коротким злым движением вогнал голову в пену.

— Ты что?!

— Пусть спасибо скажет, — сквозь зубы процедил провожатый. — В Рай ушёл, болезный. Сколько бы ещё мучился — неизвестно.

Сам Горюня стал выше, поднялся над пеной, теперь его глаза были с Вовкиными на одном уровне.

— Я его спас. Ценой собственного спасения. Давай, восхищайся моей жертвенностью, новичок.

Проза. Фантастика

Тебе ведь восхищения не жалко, а, Шкипер? Ты вон в жизни мной часто восхищался. Тачки вслед за мной покупал, жену мою того... не побрезговал. И сейчас восхищайся. С тебя не убудет, а я от этого выше ходить буду. Оно ведь, понимаешь, Шкипер, никому не надо высоко ходить. Всем надо вниз, в пену. Чем ниже, тем ближе к Богу, тем быстрее отсюда. А мне отсюда не надо. У меня тут дело. А за себя ты не бойся, ты тут долго не удержишься. У меня на такие дела глаз намётан.

К лагерю вышли на закате следующего дня. Время дня в чистилище различалось, но схематично и кинематографически красиво, словно снятое старательным режиссёром-дипломником. Если ночь, то непременно полумесяц катается на парчовом облаке, и перемигиваются ясные звёзды. Если день, то только полдень, лёгкие облачка, мягкая полутень. Если вечер, то медленный и аккуратный закат, с талантливо продуманным изменением цвета и насыщенности. Каждый штрих длится ровно столько времени, сколько нужно, чтобы любой случайный зритель мог насладиться действием. И миражи — они-то и были яркими пятнами, виденными Вовкой предыдущим днём. То сирийский город в пустыне, то черноморское побережье в октябре — он легко угадывал, какое именно место и время ему показывают.

— Внушает, верно? — Егор притормозил перед лагерем. — Это наше чудо, Светка. Рисует фанта-

зии. Эти — твои? Ну, верно. Наши ей уже надоели до оскомины.

Лагерь был похож на... на лагерь. И на то место, куда сразу попал Вовка: такие же куцые кусты, высаженные геометрическими фигурами, в их укрытии — брезентовые палатки-партизанки, между ними беспорядочно — кособокие столики и покрашенные в казённый синий цвет скамейки. За столиками сидели люди, их было немного, втрое меньше, чем палаток. Сидели чаще поодиночке, но даже если по двое, по трое — то всё равно обособленно друг от друга. На пришедших мужчин почти никто не обратил внимания: были увлечены закатом. Неведомая Света рисовала солнце, окупнувшееся в холодную воду, одинокий шезлонг на берегу и ветер, играющий забытым пледом.

От одного из столиков отделилась по-мальчишечьи плоская фигурка. Подросток легко, едва ли не взлетая над пеной, подбежал по поверхности к Егору и бросился на него с кулаками:

— Ты... Ты опять? Ты мне же обещал, больше никогда! А сам?!

Ветер на побережье опрокинул шезлонг, над водой стали набухать тёмные, неповоротливые тучи.

Дрался подросток совсем по-девчоночьи — стучал кулачками в грудь, то ли бил, то ли лез обниматься. Егор справился с ним играючи. Перехватил одной рукой запястья, обнял за талию, приподнял, сделал подсечку и уложил «бойца» в

by Veronika Pinke

пену. Оказавшись на спине, тот разревелся. Оттолкнул Егора, вскочил и убежал в одну из палаток. Закат над лагерем скорбно застыл, выцвел и пошёл трещинами, как рисунок на штукатурке.

— Это Светка! Вишь, ждала меня, — разулыбался довольный друг, но сам себя одёрнул: — Ты не подумай, она смешная просто... — и зачистил, скрывая смущение: — Пошли, надо тебе палатку найти и чаем напоить. А может, у Палыча что покрепче припрятано. Он мужик хозяйственный.

Палыч был здесь кем-то вроде завхоза. У него нашлось всё: свободная палатка, пачка цейлонского чая, пакет сушек и бутылка водки. Правда, уйти с этим богатством далеко он не дал.

— В чистилище ведь без завхоза никак. Экономки нет, денег нет, работы нет. Где палатки искать, как еду добывать — никому не ясно.

— Палыч, не свисти, — влез Горюня. — Понимаешь, Вовка, тут ведь жрать не надо, пить не надо. Палатка... тоже, по сути, не нужна: дождей не бывает, температура всегда одинаковая. Все телесные потребности в той жизни остались.

— Потребности, может, и остались. А привычки никто не отменял. Вот, к примеру, выпить нам сейчас ведь не надо? Не надо. Но неплохо бы, я считаю.

Палыч многозначительно покосился на бутылку.

— И откуда это всё берётся? Палатки, водка... — спросил Вовка, сворачивая винтовую крышку.

— Кто знает, тот завхоз. Кто не завхоз, тому знать не надо, — буркнул Палыч. Достал откуда-то три гранённых стакана, дунул по очереди в каждый, посмотрел сквозь них на свет, проверяя чистоту, и остался доволен. Несколько раз соблазнительно булькнуло, чокнулись, выпили, захрустели сушками.

Егор спохватился:

— Вовка, ты завтра с утра с Пастором поговори обязательно.

— Да, с Пастором — обязательно. Он — человек уважаемый, я считаю. И умный.

Булькнуло. Чокнулись. Похрустели.

После второй раздобревший Палыч обратился к Вовке:

— И что ты думаешь, надолго ты к нам?

— Да не задержится он. Через месяц обратно свою палатку заберёшь, не позже.

— Ты Егору верь, он в сроках хорошо понимает, я считаю. Он тебе говорил, что уже полгода тут торчит? По собственному желанию? И сколько

by Veronika Pinke

ещё торчать собирается — неизвестно.

— Палыч, не начинай, а?

— А что начинать? Нет, все же вокруг, как люди: пришёл, потоптался с недельку по поверхности и потихонечку, помаленечку вниз. С каждым вспомненным грешочком, с каждым осознанным личным подвигом — вниз. Когда все поступки инвентаризируешь — тони себе к Богу, он тебе до нужной станции билет выпишет. Так нет, найдётся жук, простейшую систему обойдёт. И добро бы ради дела. А то из-за бабы незрелой.

— Палыч, закрой тему. Шкипер, налей.

Булькнуло. Чокнулись. Похрустели.

Когда закончилась водка, спросили у Палыча, чем пьяный завхоз отличается от трезвого. «Тем, что добрый, как дед Мороз, я считаю», — хмуро буркнул тот и полез в хозпалатку. Через пять минут на столе появилась бутылка водки и банка латвийских шпротов в масле, а за столом нарисовалась Светка. При ней Палыч к теме разговора возвращаться не стал.

Первым, кого увидел Вовка следующим утром, был Пастор. Худощавый человек сидел за столом, спиной к Вовкиной палатке. Ветер трепал широкий подол рясы, иногда задирая её по пояс. Пастор не обращал на это никакого внимания и не пытался

одёрнуть подол. Торчащие из-под подола грязные джинсы его, похоже, не смущали. Время от времени он потирал одна о другую босые пятки, меняя положение тела. Он кого-то ждал.

«Меня», — отчётливо понял Вовка. Обошёл стол, сел напротив Пастора, посмотрел ему в лицо и удивлённо хмыкнул:

— Так всё-таки: Пастор или Палыч?

— Зови, как удобно, сын мой.

— Хорошо... «папа».

— Общий концепт по чистилищу, я так понимаю, ты ещё вчера уловил. Вопросы какие-нибудь остались?

Вовка растерялся. Он ждал долгую и нудную душещипательную беседу о пороках и добродетелях. В крайнем случае, тёплое и проникновенное наставление на верный путь: что и как делать, чтобы поскорее уйти с миром. Деловой, даже бездушный тон Пастора его задел. Он словно непрозрачно намекал, что правильность Вовкиного ухода никого, кроме самого Вовки, не волнует. И от этой мысли становилось неуютно.

— Егор говорил, не задерживаются тут у вас. Не нравится никому.

— Почему не задерживаются? Задерживаются. Кто не по своей воле. Как Светка. Она и хотела бы вниз, да не отпустит её никто — здесь нужна. Пока нужна — утонуть не может. Её чужая нужда, как поплавков держит. Так и будет вечно сидеть, — Пастор оттянул ворот рясы и почесался. Вовке показалось, что под пальцами мелькнули синие линии татуировки. — Кто-то — как я, функционально. Как человек я никому не нужен, хоть стреляйся. А как завхоз — всем, как пастор — новичкам, чтобы объяснять, что да как. Тем и перебиваюсь.

— Зачем? Так о сделанном вспоминать страшно?

— Нет, не страшно. Точно знаю, куда меня внизу определят. А я туда не хочу.

— А Егор что? Он из-за Светки не уходит?

Пастор кивнул:

— Угу. Надеется: от того, что он рядом, ей легче.

— А ей легче?

— А кто баб разберёт? Был бы он ей нужен — тоже бы не тонул, верно? Но что-то ты, Шкипер, чужими делами увлёкся. У самого-то вопросы есть?

— Да нет вроде бы. Неожиданно всё, сразу и не сообразишь. Я думал, в чистилище должны сразу

решать, куда человеку дальше: в Ад, в Рай или как там. А у вас какая-то длинная схема выходит.

— Выходит. А зачем кому-то решать, как ты жил? Поступки сам совершал? Вот и суди себя сам, чем ты там руководствовался: самоотречением ли, гордыней, добротой, эгоизмом — это никому, кроме тебя, не известно.

— Так я сам себя уговорю, что всегда хорош был и прав.

Пастор пожал плечами:

— Уговори, если сможешь. У меня вот не получается.

Вечером над лагерем давали сцену из «Эммануэль», а ночью Вовка проснулся от прикосновения чьей-то холодной груди и неумелого, нелепого поцелуя в щёку.

— Света!

Девчушка отстранилась, испуганно что-то пискнув.

— Ты какого чёрта делаешь?

— Я... Я... — она дёрнулась к выходу, но Вовка успел перехватить за лодыжку, не дал уйти.

— Итак, я жду. Что это за цирк?

Против ожиданий, Светка не разревелась. Долго смотрела в тёмный угол, потом шумно вдохнула, как перед прыжком в воду, и выпалила:

— Я хочу, чтобы ты утопил Егора. Он добровольно никогда не уйдёт. А как невинно убиенный — отправится прямой дорогой к Богу. Больше ему никто не сможет помочь, только ты!

— Что за бред?

— Не бред! Не бред! Ты не понимаешь, — Светка замотала головой. — Это на твоей дороге никак не скажется. Ты ведь друг Егору, ты сможешь расценить поступок как благое дело, как оказанную помощь. Тебе же нужны добрые дела на баланс!

— Как расценить? Ты что, не знаешь, что поступки бывают хорошие и плохие? Что убийство — зло. Как его ни расценивай, как сам себя ни убеждай — зло, и точка!

Светка потухла. Едва слышно прошелестела:

— Не сможешь?

— И не думай даже.

— До палатки хоть проводи, темно, мне страшно.

Выбравшись из палатки, успели сделать только пару шагов — наткнулись на сутулую фигуру. Первой Егора увидела Светка, Вовка даже не понял,

отчего она резко развернулась и бросилась ему, Вовке, на шею. И спросить не смог: девчушка крепко впилась губами в губы. Только краем глаза заметил, что Егор покачнулся, осел в пену по колено. А Светка уже горячо шептала в ухо, давясь слезами:

— Он сейчас уйдёт. Иди следом, утопи, прошу. Я за это тебе что захочешь сделаю. Хочешь, на рисунках бордели каждый вечер крутить буду. Хочешь — сама под тебя лягу. Только сделай.

— Да ты с ума сошла! — Вовка отодрал Светку от себя, отбросил в мягкую пену и, ни слова больше не говоря, ушёл. Егор пошёл следом за ним.

Через неделю Вовка вернулся. Он был по пояс в пене и шёл медленно. Ни с кем не заговаривая и не отвечая ни на чьи вопросы, он упрямо дошёл до Светки и что-то ей буркнул. Светка закрыла ладонями лицо и разревелась. Егор больше не вернулся никогда.

После этого Вовка провёл в лагере всего пару недель. Всё время до его ухода Светка, как и обещала, рисовала для него фантазии. Иногда это был бордель. Общественность негодовала, но Светке было всё равно. Сама она так и не опустилась в пену.

Джинн

writercenter.ru/profile/Ginger-snap/whois/

Photo Veronika Pinke

www.veronika-pinke-kunst.de

Безвестный край

Чудовище Джет

— Песок посыпался! Песочек! Много свежего песочка! Капитан, у нас новый песочек! — истошно вопили снизу.

Крики подкреплялись глухими ударами по обшивке.

— Не ори, Ди! — рявкнул я, высунувшись в иллюминатор. — Если еще раз возьмёшь в руки камень — я засуну его тебе в глотку!

— Да, капитан! — обрадовался в ответ Ди.

Я сплюнул на пол и пробормотал:

— Когда уже тебя рассыплет? — но тихо, чтобы этот придурок не услышал.

Обидится ещё, реветь начнет. Совсем плох стал, если разбудил меня из-за такой ерунды.

Я зашел за переборку, наклонился над бадьёй с водой, плеснул в лицо и довольно фыркнул. Раньше у меня был душ, отвратная штука: раздеваешься, заходишь в него, включаешь — и стоишь среди водяной взвеси, размазывая воду по телу. Нет, я давно понял, что лучше с разбега да в речку! Ещё был крем, хотел сказать «для бритья», но по сути это был «крем вместо бритья», мажешь щеки, ждёшь минуту — и всё, снова красавец. Но — закончился.

Зато до сих пор работала кофеварка, хотя я ни разу не клал в неё кофе и, честно говоря, даже дышать в её сторону боялся. Нажимал кнопку и смотрел, как тоненькой струйкой течёт в кружку горячий напиток. Давным-давно я решил, что кофеварка — это мой вечный двигатель, и в тот день, когда она сломается, я... может быть, сломаюсь тоже.

Выпив кофе и натянув форменную куртку и штаны, я спустился из корабля. Космический корабль... Скорее, жестяная банка. Опоры глубоко

ушли в грунт, и он давно просел, утонул в земле на четверть. И вон, вьюнками уже зарос наполовину. Время от времени хотелось пообдирать нахальные цветы, протянувшиеся гирляндами от одного иллюминатора к другому, но я опасался, что увижу под ними коросту ржавчины или дыру в обшивке. Нет уж, пусть цветут.

Ди ждал меня над обрывом, разлегшись на пузе в траве — он любил смотреть на плывущие внизу облака. Только почему-то называл «Зловещая Мгла». Насмотрится, потом начинает фантазировать о том, что однажды Зловещая Мгла поднимется из обрыва и сожрёт нас. И тогда Ди всё вспомнит, сможет всех спасти и станет героем.

В этот раз ему не мечталось — едва услышав мои шаги, он вскочил и затараторил, кривляясь и приплясывая, отчего полы его вылинявшей рубашки разошлись, открывая торчащие ребра:

— Там такой песочек, капитан, самый лучший песочек в мире! Во всех мирах! А кто его нашёл, спросите вы? Конечно, Ди! И нашёл, и припрятал, и строго-настрого приказал не высовываться! Ди сразу понял, что песочек непростой, что песочек золотой!

— Это что такое? — я ткнул большим пальцем рядом с багровой полосой на его тощем боку.

Ди умолк и, опустив голову и обиженно сопя, принялся застегивать рубашку.

Я вздохнул:

— Я спрашиваю, что это такое.

— Ну... упал я. Запнулся и упал.

— А давай ты не будешь мне врать. Просто потому, что бесполезно. Кого ты опять упротосил? Викинга? Вот ломает тебе ребра — будешь знать.

— Да я так... это давно было... ай, капитан, я смогу теперь, смогу! Новичок же! Новичок, новичок, новичок! — Ди снова расплылся в улыбке и начал подпевать, — тра-та-та, тра-та-тай-та, крючок, ла-ла-ла...

— Стоп! Прекрати выть, иначе я спущу тебя в твою любимую Зловещую Мглу! Рассказывай по порядку!

Он шагнул ближе, а его голос понизился до шёпота:

— Капитан, сегодня к нам пришёл новичок, и он — Создатель!

Мое сердце стукнуло в груди, совсем как тот камень в обшивку корабля.

— С чего ты взял?

— Я спросил, капитан. И он ответил.

— Ди, ты что-то напутал, наверняка ведь напутал, или ты не то спросил, или он не то ответил, или ты не расслышал, всякое бывает, при твоей дырявой голове это неудивительно и...

— Я с ним разговаривал все утро, капитан. Он рассказывал о тех, кого создал, и мне кажется, я знаю, о ком он говорил. И у него есть механизм Создателя.

Ди стоял напротив меня, часто моргая и в волнении начав расстегивать только что застегнутые пуговицы. Когда он стал искать на манжетах давным-давно споротые и перешитые взамен утерянных — я ему поверил. Может, новичок и не Создатель, но что-то с ним определённно не так.

— Куда ты его отвел?

— В пещеру, конечно.

«Пещера» — это из серии Зловещей Мглы. Потому что это подвал. Обширный, многоуровневый, протянувшийся подо всем городом, местами заваленный хламом и разрушенный, но местами обжитой. Мы до сих пор пытались исследовать его и составить подробную карту. Тот закуток подвала в секторе В, где жил Ди, он и называл пещерой. Я как-то отдал ему свой спальный мешок и один из нескольких сохранившихся комплектов для высадки — там были раскладные стулья, кое-какие инструменты, посуда. Все из лёгкого металла... забыл название... И штампик «S.T.A.L.K.» на каждом предмете, а на спальнике — выведенный черной

краской. И рубашка на парне моя надета, с такой же надписью на спине.

Он шёл впереди меня, и я как раз глядел на штампик.

— Капитан! — Ди вдруг обернулся, но тут же стушевался и, глядя куда-то мимо меня, продолжил отстранённым тоном: — Капитан, улыбнитесь.

Я вздохнул и развернулся к Зеё.

Ди всегда терялся, как только её видел, потому что она его попросту пугала, хотя сейчас, одетая в брюки из брезента и простую черную футболку, великоватую на неё, была похожа на неумёху-новобранца. Тонкие руки, торчащие ключицы, высокие скулы и чёрные глаза — а в них столько нежности, что задохнуться можно. Но Ди боялся глядеть в глаза, слишком хорошо помнил, как, впервые появившись, она бросалась на каждого, кто пытался к ней подойти — думала, что на очередном задании.

— Я... ждала тебя вчера, — сказала она, подняв руку, но так и не решившись коснуться лацкана моей куртки, — мы развели третий коридор в секторе Д, обнаружили еще одну погребальную нишу, несколько урн с надписями. Конечно, мало что можно разобрать, всё рассыпается, но надо же нанести коридор на карту и... и я скучала, — невесомым шепотом, только для меня.

— Зеё, — сказал я, запнулся, задумался, не нашёл слов и неловко закончил: — нанеси его сама, ладно?

Она стояла близко, и я видел, чувствовал, как сильно ей хочется коснуться меня, хотя бы рукава или воротника рубашки. И ещё я знал, что она этого не сделает. Никогда.

— Давай поговорим потом, — предложил я, — завтра.

Зеё помолчала, вздохнула и спросила:

— Или послезавтра?

— Или послезавтра.

Поджала губы и отвернулась.

* * *

— Уххх... — поёжился Ди, когда она ушла.

Бойтся её. Сам почти такой же, если не хуже — а бойтся. Но при этом смотрит вслед, пока она не скроется из виду. Ну да что с него возьмёшь?

Я тоже смотрел и думал о том, что зря обидел: надо было поговорить. Но ведь сколько говорено уже... какой смысл?

Я взял Ди за плечо и подтолкнул вперед:

— Пойдем.

Мы спускались с холма по тропинке, пролегшей меж камней, самые маленькие из которых были мне по пояс. Тёмные, испещрённые рыжеватыми жилками, они тоже заросли вьюнками и плющом, как мой корабль, и иногда мне казалось, это и есть окаменевшие корабли, а холм — кладбище. А ещё я знал, что можно отколоть кусочек камня, и тогда он рассыплется в руках, как сухая земля.

Хорошо, что корабль стоит на холме, над обрывом, а не в городе. Там всё разрушается быстрее. Если присмотреться отсюда, сверху, можно разглядеть, как с каждым днём всё ниже проседают крыши и всё больше камней вываливается из стен. Поэтому я не присматриваюсь.

Но сегодня, бросив лишь один взгляд на город, я сразу понял, что произошло — среди покатых крыш восточной части не было видно Пустой Башни. Неправильно мы её называли, наверно, надо было — «Запертая». Но говорить так — значило признать, что не смогли, не достучались до того, кто жил в ней. А если называть Пустой, то вроде как и не было его. Если башня Пустая — значит, никто не сидел внутри, крепко закрыв двери и окна и панически боясь выйти наружу.

Теперь на её месте клубилась пыль, и казалось, вот-вот проступят угловатые очертания башни, нелюдимо, глядящей недоверчиво из-под низких карнизных свесов, будто из-под насупленных бровей; с судорожно сведенными ставнями, словно в наглухо застёгнутом мундире; с бугристыми стенами, зеленоватыми от времени, похожими на жабью кожу. Не красавица, что поделать.

Была.

И ведь не знаешь, когда рассыплет. Что бы то ни было — башня, дворец или хижина, любая постройка держится до последнего, чтобы потом разом ухнуть на землю.

А вот живое разрушается постепенно: угасает взгляд; ломается, коверкается, упрощаясь до междометий, речь; тяжелеет, словно наливаясь свинцом, тело, и иногда благословением свыше выветривается память. Жаль, не всегда.

— Идём, капитан, — тронул меня за локоть Ди.

* * *

Новичок сидел у стены, опустив голову и прижимив на коленях плоский прямоугольный пред-

мет. Парень был ну точно здешний житель, в линялой футболке и джинсах, на его запястьях красовались набранные из бисера украшения, а на шее — скрученный в жгут платок, черный с красным. Лицо закрывали неровно подстриженные волосы, словно он сам их ножом резал. Услышав шаги, он поднял голову и теперь смотрел на нас с надеждой.

Все, кто попадает сюда, надеются, что смогут вернуться в привычные миры, и не верят, что их больше нет. От них остаются только медленно рассыпающиеся обломки.

— Привет, — сказал я новичку, сделав вывод, что на Создателя он ничуть не похож.

Так не бывает, чтобы однажды вы спустились в подвал и увидели там Создателя с неровной чёлкой.

Он поднялся, прижимая механизм левой рукой, протянул мне правую для рукопожатия:

— Здравствуйте! Меня зовут Дмитрий. Вы здесь за главного?

Художница Евгения Белоусова

— Можно сказать и так, — я пожал руку и представился: — капитан.

Он ждал продолжения, и я добавил:

— Просто капитан.

Для новичка Дмитрий держался неплохо, многие теряются и паникуют. Бывало такое — пока скрутишь и успокоишь, умудрялись и себя, и других поранить.

— Это — механизм Создателя, — указывая пальцем на предмет в руках парня, прошептал Ди на весь подвал, — пусть откроет, он мне показывал. Там кнопки.

Дмитрий вцепился в механизм обеими руками:

— Вы обещали рассказать, куда я попал и как отсюда выбраться!

Я глянул на Ди так, что он сконфуженно отступил назад, в тень, а сам присел рядом с новичком:

— Расскажу, конечно, отчего не рассказать. Только ты ответь, парень — ты правда Создатель?

Спросил — и снова в сердце ёкнуло. А вдруг?..

— Смотря чего, — ответил он, — мало ли, что я натворил.

— Глупости, Ди, — поднявшись, сказал я громче, — я же говорил — ты напутал.

Чтобы Создатель не знал о том, кто он — такого уж точно быть не может!

— Пусть откроет механизм! — потребовал Ди.

Я снова посмотрел на парня, и тот, пожав плечами, установил предмет на коленях и откинул крышку.

— Это ноутбук, — пробормотал он, и ещё тише что-то непонятное, скороговоркой, и в конце этой же фразы: — и куда я попал?

Экран засветился, а я вспомнил, что у меня на корабле тоже такой был, только вмонтированный в стену и к тому же давно сломанный. А на этом проступили символы. Буквы!

— Куда ты попал? — переспросил я, не отрывая взгляда от мигающего курсора в самом конце текста, курсора, за которым была пустота, обрыв, несовершенные подвиги и непройденные дороги. — Ты хочешь знать, куда ты попал, — я перевёл взгляд на парня, заглянул ему в глаза, — ты попал в мир, который создал. А после — бросил.

Вина и растерянность в глазах твоего Создателя — ради того, чтоб увидеть это, стоило так долго ждать.

* * *

— Ди! — позвал я, и он появился, сияя улыбкой.

Счастливый. Дурачок потому что. По вине вот этого...

— Я расскажу тебе, куда ты попал, — сказал я ему.

Обозлился вдруг, как цепной пес. У нас и такой есть — бешеный, в колтунах, на цепи сидит. И недохнет который год. Надо показать.

— Познакомься, — сказал я Создателю, — это Ди. Динозавр-перевёртыш. Только он не помнит, как динозавром оборачиваться, забыл, понимаешь? Вот ты о нём забыл — и он забыл почти всё. У него в голове ничего нет, только и помнит, что был большим и сильным, и снова хочет таким стать, а не выходит. И знаешь, что он выдумал? Что в трудную минуту обязательно вспомнит. И ещё — всех спасёт. Потому и просит, чтобы его били. Чем сильнее — тем лучше. Смотри, — я подёрнул рубашку на парне и показал Создателю ссадины на рёбрах Ди.

Он тянул рубашку вниз, хлопал ресницами и бормотал:

— Ну зачем ты так, капитан? Зачем?

— Идём! — я схватил Создателя за руку и потащил к выходу. — Я тебе всё здесь покажу, сам увидишь. Может, тоже забыл?

Он еле успел механизм свой перехватить, когда тот чуть на пол не свалился, и к груди прижал, словно броню какую.

В три прыжка вверх по лестнице я оказался снаружи и лихорадочно огляделся. И потом вмазал кулаком в ближайшую стену, проделав в ней глубокую вмятину. Мелкое крошево осколков вздыбилось облачком, осыпало руки и ноги, разлетелось пылью.

— Видишь? — требовательно спросил я. — Это не потому, что я такой сильный — потому что все вокруг труха! Рассыпается, только тронь! — и приложил ладонь Создателя к этой же стене, придавил своей и провёл из стороны в сторону, чтобы он ощутил, как под пальцами плотный на вид камень осыпается песком, как текут из-под ладони зернистые струйки.

Его глаза округлились, и рот приоткрылся, но я не дал ему заговорить. Не дал даже песок с руки стряхнуть, дальше потащил, к целой горе песка, тёмного, местами влажного и слипшегося комками, покрывшего обломки фундамента — только отдельные куски торчали.

— Познакомься — ещё утром это была Пустая

Башня. Только я думаю — она не была пустая. Она была живая. Скажи — тебе лучше знать, ты её придумал! — она была живым существом?

Создатель только отвёл взгляд.

— Познакомься, этого парня зовут Эйт. Он сумасшедший — ты сделал его таким! Первое время он говорил, что живёт, только когда играет на гитаре. Ему больше ничего не надо — лишь играть. На электрогитаре! А у нас нет электричества! Видишь, он перебирает струны? И так всё время. И прислушивается. Наверно, что-то слышит. Свою гитару или шёпот сумасшествия?

Я тащил Создателя за руку всё дальше и показывал ему всех.

Троих подростков, брошенных им в ночь побега от родителей — они до сих пор просыпались перед рассветом с одной мыслью: «Бежать! Сегодня! Сейчас!» и потом долго сидели втроем, вспоминая матерей. И не сбежали — а остались одни... Я их уже раз пять от обрыва гонял, когда прыгать собирались.

Школьницу накануне экзамена — она заикалась, но всё равно бубнила под нос билеты. Правда, о матери не помнила уже — только об экзаменах.

Наёмного убийцу из неведомой расы — его приходилось держать взаперти, ярость разъедала его разум, словно кислотой.

Викинга, по-северному сурового и молчаливого, наблюдавшего, как ветошью становится полотно парусов, как рассыхается дерево его ладьи, замершей в тупике одной из улиц.

— Познакомься... познакомься... познакомься... и не удивляйся, если не узнаешь...

* * *

Они сначала не понимали — все, о ком я говорил — не понимали и встречали новичка доброжелательными улыбками. А я говорил и не мог остановиться, обнажал их боль, одну на всех и у каждого — свою, и оттого они становились беззащитны, кусали губы и опускали взгляд. Можно усыпить боль и упрятать ее в кокон, но нельзя забыть, что она живая. Тронешь — и кокон пойдет трещинами.

— Познакомься, это Зеё. Ты придумал так, что её поцелуи смертельны, её слюна, кровь, пот, вся она ядовита. Классная идея, не спорю! Девчушка, которая убивает прикосновением! Здорово, блин! А вот как ей любить, ты подумал? Если она влюбится — что ей делать? Самой рассыпаться?

И Зеё не выдержала, услышав это — её глаза вспыхнули, и она коротко, без замаха хлестнула его ладонью по щеке, да так, что парень свалился посреди пыльной, занесённой песком улицы. Приподнялся — лицо в грязи, ниточка кровавой слюны изо рта...

«Зеё... смертельно опасна... убивает прикосновением», — эхом пронеслось в моей голове.

Кто был рядом — будто надвинулись на него, нависли. Обозлились. Забьют ведь насмерть. А это значит — мы тогда все разом за ним уйдем.

Мгновение это — секунда или сколько там — а я будто в руках небытие подержал. Всего-то надо промолчать и позволить убить его. Всего лишь отвернуться.

— Стоять! — крикнул я. — Не трогать! Он нам нужен! Мы его заставим! Дописать — заставим!

И накатившая пустота, как волна, скрыла все другие мысли, сгладила, распрямила пружину внутри, словно та не железная была, а бумажная — просела, провисла безвольно.

... где-то за моей спиной всё плакал Ди...

* * *

— Ты напишешь о каждом, — заявил я, — то, что я тебе скажу!

Кто ещё мог знать, о чем они мечтали? Нет, Создатель уже ничего не знал о тех, кого создал. Они изменились, а он забыл. И нити, что тянулись к нему, истончались изо дня в день. А потом рвались, и тогда... башни, дворцы, хижины и герои рассыпались, а оставшиеся развеивали песок по ветру над обрывом.

Создатель уже ничего не знал.

Я знал.

— Я расскажу тебе, что произойдет дальше с каждым, — говорил я, кивая и убеждая самого себя, — ты запишешь. Курсор в твоём механизме двинется, герои возродятся. И у них всё будет хорошо. Ты меня понял?

Он так и сидел в пыли, вытирая кровь, размазывая её по щекам и ладоням, и держал на коленях механизм Создателя. И смотрел на меня снизу. Не со злостью, нет. Словно не Зеё его ударила, а он сам себя наказал.

Зеё, Ди, Эйт, Викинг — все, кто были теперь моей командой, все, о ком я заботился после того, как высыпал в обрыв останки экипажа моего корабля — притихли и тоже смотрели на меня. Они никогда не видели меня таким.

— Этот механизм, — Создатель глянул на него и снова поднял взгляд, — тоже работает от электричества. Заряда батареи хватит на три часа. Я не успею... обо всех не успею... Можно лишь, — он обвёл взглядом мою команду, — можно про кого-то одного.

Растерянные взгляды друг на друга.

Ах, ты сволочь!

Мы теперь выбирать должны? На каких весах прикажешь измерять, кому жить, а кому — нет?

И ведь кто-то должен сказать первое слово.

Я должен сказать первое слово.

А я замялся, думал о Зеё... Да, конечно, должен быть благородным и сказать: «Пусть это будет школьница. Пусть это будут подростки. Пусть это будет Эйт». Но мог думать только о Зеё.

— Если про одного — я сразу отказываюсь, — негромко сказал Викинг.

— Я отказываюсь, — всхлипнул Ди.

— Я отказываюсь, — отрезала Зеё.

— Я отказываюсь, — повторил я.

— Я отказываюсь, — один за другим сказали малолетки.

И даже Эйт отрицательно качнул головой.

Все отказались, словно поклялись. Но ни один не сказал: «Пусть это будет он или она». Никто не назвал имени, не смог сделать выбора. Значит — жребий.

* * *

Шёпот Зеё, все ещё взволнованный:

— Я его ударила... ударила... открытой ладонью — а он не умер! Это значит — можно не бояться? Это значит — я больше никого не убью? Случайно, как тогда — Тани? Ты помнишь Тани? Когда я хотела удержать, а получилось — убила? Можно не бояться? Можно?

— Можно.

Её тонкие пальцы в моих ладонях. И шёпот — куда-то мне в ключицу... приникла, прижалась

— Я хочу поговорить с ним, с Создателем — пусть не пишет обо мне. Если ты хочешь — пусть о тебе, но не обо мне, не хочу уходить, хочу с тобой.

— Да.

— Ты обещаешь?

— Да.

И не дело тебе знать, что мой жребий я отдам тебе.

Что ждёт тебя здесь? Что я могу дать, если

ничего не могу дать? Нет, Зеё, я даже сомневаться не буду.

* * *

Трава над обрывом густая и мягкая; наверно, на краю всегда так, всего вдоволь — нежного запаха цветущих вьюнков, закатного солнечного тепла, стрёкота кузнечиков, бесшабашной силы ветра. Ладонью провести по острым кончикам травинок, ощутить, как покалывают кожу.

Неспешное безразличие облачной пелены успокаивало. По её границе тоже хотелось провести ладонью, как по взбитым сливкам. Или палец окунуть и облизнуть потом.

За моей спиной засыпал город. Завтра мы будем тянуть жребий. Создатель сказал, что механизм уснул, и он его разбудит, когда мы решим. Если жребий выпадет мне — я отдам его Зеё.

И только голос всё не умолкал, звучал тихо и назойливо:

— Я всегда думал — увлечение. Хорошее, затягивает. Когда пишешь, чувствуешь власть. А потом — восторг, когда герои слушаться перестают. Набросаешь что-то, один отрывок, второй. Нравится, а времени до ума довести нет. Или тупик, когда не знаешь, что будет дальше, и надо бы сесть, подумать, решить... А потом что-то другое приснится или надумается, и хватаешься за то, что кажется интереснее. Я же не знал...

— Теперь знаешь, — сказал я траве, облакам и закату.

Не хотел разговаривать с Создателем.

— А еще усталость. Накапливается и уходит, лишь когда кто-то коснётся. Чувствуешь себя, словно в облаках плывёшь — не видишь, куда, зачем. Топчешься на месте, а потом вдруг думаешь, что ты сам как недописанная книга. Только твой сюжет двинуть некому, — он помолчал. — Капитан... всё же — как твоё имя?

— У меня нет имени, — ответил я. — И не было никогда.

Он вздохнул:

— Капитан... я — не твой Создатель.

Я обернулся к нему.

— Я не уверен, что смогу написать. И даже если напишу — не уверен, что есть смысл. Вы все — не мои герои. Но мои тоже где-то... так же...

Странно — я даже лёгкость ощутил. И правоту. Извиняться не хотелось.

Художница Евгения Белоусова

— Но я попробую, — пожал он плечами.

— Попробуй, — сказал я.

Скоро наступит ночь, за ней придёт утро, жеребьёвка и томительные три часа, пока он будет пытаться возродить мир, которого не создавал. Мы будем ждать и надеяться, и кто-то один, но точно не я, изойдёт в нетерпении. А надежда может лопнуть, как гнилые паруса ладьи Викинга.

Но вправе ли я лишить кого-то шанса?

А есть ли он, тот шанс?

— Я вот всё думаю — почему ты сюда попал? — негромко спросил я, даже не спросил, а поделился размышлениями. — Ну, понятно, мы, герои недоделанные, но ты-то? Зачем ты здесь?

— Может, всё же есть мировая справедливость? — усмехнулся он. — Или я тоже чья-то выдумка. Или, прекратив создавать, я сам остановился. А ведь покоя не бывает: если не двигаешься вперед, значит, пятишься назад. Раз-

рушаешься. Наверно, так...

Он говорил спокойно и искренне, как бывает, когда осознаешь главное. Как будто тоже сделал выбор. Я понял, что Создатель вспоминал свои недописанные книги, своих героев и, может быть, прощался с ними: ему ведь предстояло остаться здесь. Он вспоминал их со светлой улыбкой — а я смотрел и словно чувствовал, как крепнут нити, как оживают другие миры.

Он может их оживить, может создать новые. А может потратить единственную возможность на то, чтобы спасти кого-то одного.

Это несравнимо.

— Ладно, — поднялся я, — спать пора. Я пойду, а ты ещё посиди тут, если хочешь. Подумай. Ну и проверь механизм, работает ли. И ещё... напиши всё, что понял. Напиши о себе. Да, так будет правильно. А потом, когда вернёшься к своему электричеству — напиши о нас, обо всех, кого здесь увидел. И, может быть, тогда...

Хотелось хлопнуть его по плечу, но я уже встал, а он сидел в траве и нерешительно трогал пальцами крышку механизма. Хороший парень. Хоть и Создатель.

Я ушёл в корабль, лёг на койку, завернулся в одеяло и слушал пение сверчков сквозь открытый иллюминатор. И мне казалось, различал тихие щелчки клавиш.

Утром на том месте, где оставил Создателя, я нашёл только примятую траву.

Чудовище Джет

writercenter.ru/profile/Jett/whois/

Зойкин и Бой

Ван-Шаффе Александрина

На заднем дворе у обмелевшего пожарного прудика, как всегда к середине летнего дня, становилось очень жарко. Но в одном месте высокий каменный забор, ограждавший больничную территорию, отбрасывал густую тень на песчаный берег. Сидеть здесь в это время дня было приятно. А если выкопать ямку поглубже, песок на дне становился влажным. И тогда из него можно было лепить, что захочешь. Сейчас Зойкин строил рыцарский замок. А вокруг крепостной стены будет ров с водой. Только нужно копать очень осторожно, чтобы не обрушилось, как прошлый раз.

Со стороны больницы раздался шум подъехавшего автомобиля, захлопали дверцы. Донеслись раздраженные мужские голоса: похоже, кого-то привезли. Игравший у пруда мальчик насторожился, поглядел на лежащих неподалеку собак. Успел подумать, позовут или нет? — как дверь черного хода распахнулась, и появившаяся на пороге тетя Шура, блеснув стеклами очков, командирским голосом крикнула:

— Зойкин! Тащи сюда Боя. И еще кого-нибудь. Без вас не обойтись.

Мальчик тут же поднялся, старательно отряхнул ладони и голые коленки. Подошел к большому черному псу, тронул за ухо: «Пойдем, нас зовут». Услышал в голове ответ: «Идем».

Пес неторопливо встал, потянулся, взглянул на остальных. К нему тут же подошли двое: старая сука Края с одним висящим, а другим торчащим ухом, отчего морда казалась лукаво-вопрошающей, и молодой увалень Барс. Толстый и косолапый, обросший густой белой шерстью, к которой удивительным образом не приставала грязь. Глядя на него, тетя Шура всегда улыбалась: «Барса стоило назвать Умкой. Не пес, а медвежонок из мультика».

Вслед за быстро шагавшим Зойкиным все трое потрусили к больнице: через распахнутую дверь было видно, как мелькнул в конце коридора белый халат. Донесся недовольный голос:

— Зойкин, ну где вы там? Скорее.

Конечно, его имя было не Зойкин. Просто маму звали Зоя. Поэтому, когда взрослые спрашивали: «Чей это мальчик?», то чаще всего слышали: «Зойкин». Он сначала обижался, но быстро привык. Та же тетя Шура, которая была здесь самой главной, всегда говорила уважительно: «Привет, Зойкин Кузнецов».

Мальчик, а за ним — цокавшие когтями о каменную плитку собаки — вошли в прохладный полумрак здания.

В хорошо знакомой комнате с трудным названием «ма-ни-пу-ля-ци-он-ная», куда их позвали, на полу в носилках лежала голая тетенька. Лица видно не было. Заметив светлые мамины волосы, Зойкин в первый момент даже испугался. Прошептал одними губами: «Мама?» Стоявшая рядом врач мигом поняла, тряхнула за плечо:

— Да ты что. Никакая не мама, просто похожа. Ты скажи собакам, чтобы очистили раны, и посиди в уголке. Сам лучше не смотри.

Мягкое собачье ухо в кулаке: «Бой, помоги тетеньке» — «Ага», — первым делом пес умудряется лизнуть его в подбородок. Затем подходит к больной, начинает неторопливо слизывать кровь и грязь с неестественно вывернутой ноги. Края и Барс усердно помогают. Зойкин пятится. Привычно забивается в знакомый угол, за шкафчик. Ставшая невидимой, тетя Шура распоряжается медсестрами.

Вдруг пес бросает свое занятие, подбегает к Зойкину. Тычется в протянутую навстречу ладонь: «Не могу достать. Там, внутри... Покажи им».

Мальчик поспешно вылезает из укрытия и, отыскав в коридоре вышедшего врача, дергает за полу халата:

— Тетя Шура, — голос Зойкина становится тонким от волнения. — Бой говорит: внутри что-то нехорошее.

— Где? — хмурится женщина.

Они возвращаются в комнату. Подходят к сто-нущей на полу тетеньке: за все время она так и не открыла глаз.

— Вот здесь, — немного стесняясь обнаженно-го тела, мальчик показывает пальцем.

— Хм, селезенка? — бормочет тетя Шура на-клоняясь, щупает — больная громко вскрикивает. — Тише, тише. Сейчас разберемся.

Выпрямившись, бросает Зойкину:

— Уводи свою команду.

Тем временем Бой уже сам повернул к дверям.

Задержался, пропуская вперед Барса и Краю. «Идите во двор», — говорит Зойкин. «А ты?» — «Я скоро приду» — «Ты грустный. Что случилось?» — «Ничего. Ну, идите же». Он не может сейчас уйти — тетя Шура вот-вот скажет, что будет с тетенькой. Мальчик пытается спрятаться за шкаф, но его резко останавливают:

— А ты что здесь делаешь?

Увидев, как краснеет Зойкин, врач смягчается.

— Извини, — она выводит его в коридор. — Сейчас тебе нельзя тут оставаться. Иди, играй. Ты и так нам очень помог. Молодец.

— А без собак нельзя было обойтись? — из-за поворота к манипуляционной выходит маленький бородатый мужчина в белом халате. — Я же просил вас, Александра Романовна!

Это Марат, молодой врач, в больнице он не-давно. «Без году неделя», — как говорит мама.

Зойкина Марат не любит и, заметив в здании, сразу же прогоняет со словами: «Немедленно вон отсюда. Сколько раз тебе повторять». А сам даже не главный — так...

Вот и сейчас Марат раздражен, но, натолкнувшись на ледяной взгляд тети Шуры, опускает глаза. Бормочет о неприятностях, которые обязательно будут, когда начальство узнает, что в больнице разгуливают собаки.

— Как по помойке, — заканчивает он тихо. — Ведь ни в какие рамки не лезет.

Исподтишка глядя снизу вверх на тетю Шуру, Зойкин понимает, что она сейчас скажет что-то очень злое и грозное. И весь невольно съеживается. Но взрыва не происходит. Женщина спокойно, даже как-то устало произносит:

— Иди-ка ты лучше... в приемный. Опять на месте не был, когда пострадавшую привезли. А про собак — не тебе решать.

Лицо у Марата смуглое, и мальчик видит, как оно становится совсем темным. Зойкин понимает, что врач покраснел, но не от стыда. Развернувшись, мужчина быстро уходит. Проводив его взглядом, тетя Шура зовет притихших неподалеку медсестер, исчезает в манипуляционной. Минутой позже туда же быстрым шагом, подмигнув на ходу застывшему в коридоре мальчику, проходит толстый дядя Витя. Зойкин знает, что он делает так, чтобы больные спали во время операций. Мама говорила, как это называется — странное и совершенно непонятное слово — Зойкин все время его забывает. Но сейчас мальчик думает не о нем, а о собаках. И ему становится страшно из-за того, что Марат их так не любит.

Выйдя во двор, Зойкин видит, — у двери дожидается Бой. «Ты грустишь, — шумно вздыхает пес, когда мальчик прижимается к его горячему боку. — Ругали?» — «Бой, ты...» — думать сейчас трудно, но нужно, — вдруг пес обидится?

«Есть хорошие взрослые и плохие, — Зойкин гладит Боя по лохматой спине. — Тетя Шура — хорошая. Мама тоже...» Тут мальчик вспоминает свой испуг, когда принял чужую тетеньку за маму. И забывает, что хотел объяснить. Почувствовав чужую растерянность, Бой, осторожно взяв детскую ладонку в горячую влажную пасть, тянет друга к пруду. Через пять минут Зойкин снова увлеченно роется в песке, псы, высунув языки, дремлют в тени забора.

* * *

by Akrotiri (Marika Stanovoi)

На второй этаж Зойкин ходить не любил. Там было страшно. Конечно, и на первом часто хочется зажмуриться. Но внизу стонущих людей обычно приносят по одному. И рядом всегда кто-нибудь из врачей — тетя Шура, медсестра Маша. И другая сестра — строгая пожилая Инна Михайловна, которая нет-нет да прикрикнет: «Ну, что ты стоишь на проходе?» Потом, правда, старается угостить конфетами. А наверху — больных много. Иногда такие, что и смотреть страшно: с головы до ног в бинтах, как ожившие мумии из глупого мультлика. Стонут. Плачут... Там работает мама. Но она сердится, если видит сына наверху. А Бою туда совсем нельзя.

И тем не менее вечером Зойкин взял пса за ухо, повел на второй этаж. Ведь надо же было узнать, что с той тетенькой, которая похожа на маму.

К счастью, на лестнице им встретилась Маша. Зойкин поймал ее за рукав халата и спросил:

— Маша, куда положили ту тетеньку? Ну, которая утром...

— А-а, — Маша посмотрела на него, потом понимающе на Боя, — тебе Александра Романовна велела его туда привести?

Он сумел кивнуть. Конечно, мама или тетя

Шура мгновенно угадали бы вранье. Но медсестра ничего не заметила. Сказала:

— Пойдем, я вас провожу. Только потише: многие больные уже спят.

Они поднялись на площадку и свернули — не направо, в длинный большой коридор, в конце которого за столиком всегда кто-нибудь сидел, а налево. Здесь была только одна дверь. И когда Маша распахнула ее, Зойкин понял, что ему тут совсем не нравится. Комнатка маленькая, с низким потолком — как чулан, в который Мальвина посадила Буратино. Окно покрашено. Слово тетеньку, которую они с Боем лечили, за что-то наказали.

Больная не спала. Они уставились друг на друга. И Зойкин вдруг понял, что никакая она не тетенька. Младше Маши. А той без конца повторяли: «Маша, не спорь, ты еще маленькая», — он сам слышал. Собачье ухо дрогнуло у него в пальцах — Бой флегматично заметил: «Она боится меня» — «Тебя?», — удивился Зойкин. Взрослые, конечно, странные люди, но как можно бояться Боя, он не понимал. «Ага», — подтвердил пес.

— Ну, я пойду? — спросила Маша.

Лежащая на кровати девушка вдруг словно бы задохнулась. Пес рванулся вперед, ткнулся в ее руку — та испуганно дернулась. Зойкин тоже сделал несколько шагов, чтобы не выпустить мягкое ухо. Услышал: «Скажи, пусть придет главная. Развяжет. Иначе мне никак. Скорее — лизать».

Но не успевшая уйти медсестра уже и сама догадалась. Выпала:

— Я сейчас позову... — и чуть ли не бегом выскочила в коридор.

Девушка еще раз дернулась и затихла. «Что с ней?» — «Больно. Внутри». Они стояли, растерянные, пока, стуча каблуками, не вошла тетя Шура. Наклонилась над больной, пощупала руку, заглянула в глаза. Сердито взглянула на них:

— Зойкин, ты привел сюда Боя?

Он опустил голову.

— Я же говорила — собакам нельзя на второй этаж. Маша, хоть бы ты сообразила, — и снова к Зойкину: — Бой сказал, что надо лизать?

Он, не поднимая глаз, кивнул. Женщина наклонилась, откинула простыню.

— Где снимать бинты?

— Здесь, — указал девушке в живот Зойкин.

Тетя Шура быстро и аккуратно сняла повязку. Позвала, отступив от койки:

— Давай, Бой, давай.

Пес вытянул шею. Но лизать не стал — просто

положил голову на живот больной и замер. Выпустивший собачье ухо Зойкин снова ухватился за него. Испуганно посмотрел на врача:

— Там плохо. Внутри. Бой говорит — надо быстро исправить.

— Я знаю, что плохо, — тетя Шура кашлянула. — Скажи Бою: если может — пусть пробует вылечить. Мне с этим «плохим» самой не справиться.

Раньше она так не говорила. У Зойкина внутри все сжалось. Он давно догадался, что мама может не все. И другие взрослые. Но что тетя Шура может не все было как-то... неправильно.

Мальчик обернулся к псу. Передал слова. Бой скосил на него карий глаз. Потом сел на пол, почесал задней лапой за ухом. Опять подошел к кровати и, приподнявшись, всем телом навалился на живот девушки. Та вскрикнула. Зойкин зажал уши. А пес замер, стоя на задних лапах.

— Александра Романовна, Бой ведь поможет? — шепотом спросила Маша.

Тетя Шура отвела глаза, сказала тихо:

— Иди в седьмую. Передай, что приду попозже — меня там Игорь Петрович ждет. И скажи, чтобы подошла Инна — сменить повязку. А я закончу здесь и провожу этих... героев до дома.

Когда дверь закрылась, главврач присела на стул. Сухо сказала мальчику:

— Зойкин, собак ты сюда больше не приводи. Понял?

Он кивнул.

— И сам — тоже не приходи.

Мальчик подошел вплотную к женщине и, привстав на цыпочки, очень тихо спросил:

— Эта тетенька... она умрет?

Он знал, что такое «умереть». Это когда людей накрывают с головой простыней — и уносят. А те не двигаются. Вообще. И уже не будут двигаться — никогда-никогда, как объяснила мама. Мальчик не мог представить, что будет, если кто-то из тех, кого он знает, «умрет». Казалось, тогда рухнет, непоправимо изменится мир. А тетенька, то есть девушка уже стала для него своей.

Зойкин ждал, что тетя Шура обнимет его и скажет: «Все будет в порядке». Как бывало раньше. Но сегодня она с досадой буркнула:

— Не знаю, Зойкин, — и резко, командирским голосом: — Бой, ты закончил?

Услышав свое имя, пес шевельнул ушами. Но продолжил стоять в неудобной позе. Только открыл пасть, высунув розовый язык. Наконец, пыхтя, отодвинулся, спустил передние лапы на

пол. Ткнулся мокрым носом в руку мальчика. Сообщил: «Тяжело. Не могу один. Нужно позвать своих».

— Тетя Шура, Бой говорит — позвать своих.

Почему-то тетя Шура совсем рассердилась:

— Никаких собак мы сюда звать не будем. Выходите.

Потрогала лоб больной, оттянула ей веки, провела по животу. Замерла, о чем-то раздумывая. Наконец прикрыла до пояса одеялом.

«Позовут?» — Бой опять коснулся Зойкина. «Нет» — «Почему?» — «Нельзя», — даже в молчаливом ответе звенели слезы. Уши Боя чуть приподнялись: «Ты понимаешь?» Мальчик не ответил. Он совершенно не понимал, что случилось с тетей Шурой.

* * *

На улице смеркалось, а Зойкин боялся темноты. Сейчас пройти через сад к флигелю, где жили тетя Шура и он с мамой, мальчик мог бы, только крепко сжимая ухо Боя. Но стоило им выйти во двор, как к псу подскочила игривая светло-желтая Лана. И Бой, лизнув друга напоследок, исчез в темноте. Зойкин опять чуть не расплакался. К Лане он ревновал. Даже спросил однажды маму: «Почему он с ней играет? Со мной же интереснее». Мама, как обычно чем-то занятая, хмыкнула: «Это ты так думаешь. А Бой считает по-другому. У них с Ланой... как бы тебе сказать — была свадьба. И скоро будут щенки. Мало нам, что ли, нынешнего стада?» Мама поругивала собак, хотя частенько покупала для них на базаре в городе кости. Из маминих объяснений Зойкин понял одно: Бой — взрослый и, как все взрослые, ведет себя немножечко странно.

Взяв мальчика за руку, тетя Шура прошла с ним по неосвещенной дорожке к дому. Пока она возилась, открывая замок, у дверей флигеля, стуча хвостом по ступеням, возник Бой. Зойкин немедленно растаял — значит, Лане не удалось увести друга.

— Входите, — велела тетя Шура.

Но темный коридор был слишком пугающим: Зойкин подождал, пока женщина включит свет, пройдет вперед и засветит крохотный ночничок. В их с мамой комнате. Потом тетя Шура поискала еду на кухне. Поставила перед Боем кастрюлю с кашей. Дала Зойкину бутерброд с сыром: она давно знала, что предлагать ему кашу — бесполезно.

Сама тоже взяла кусок булки, отрезала колбасы. Спросила, не присаживаясь:

— Будешь спать?

— А мама скоро придет?

— Утром. У нее ночное дежурство. Все, Зойкин, меня ждут. Побежала.

Выключила свет и ушла. Мальчик стоя дождал бутерброд. Бой уже лежал на коврике под кроватью. Зойкин стянул одеяло на пол, соорудил теплый, уютный кокон и залез к другу: он всегда так делал, когда мама не ночевала дома.

* * *

А на следующей неделе приехала комиссия. Впрочем, правильнее было сказать — прилетела. Они втроем — мама, тетя Шура, Зойкин — как раз пили чай. Бой сидел у стола и ждал, когда с ним поделятся бутербродом. Мальчик делился чаще других, хотя мама каждый раз грозилась выгнать пса на улицу. И тут Бой задрал голову к потолку. Потом подбежал к раскрытому окну и, встав на задние лапы, опершись на подоконник, уставился в небо. Все услышали нарастающий гул вертолета. Зойкин соскочил с табурета и, не обратив внимания на мамин окрик «ты куда?», выскочил на веранду. Пес бросился следом, и они оба увидели: по белесому небу к лежащему в горной долине городку серой акулой скользнул вертолет. Не успела винтокрылая машина исчезнуть, как мальчик заметил спешащую от больничного здания Машу.

— Привет, — бросила запыхавшаяся медсестра и быстро прошла в дом. Через секунду Зойкин услышал, как она громко, волнуясь, рассказывает врачам, что сейчас будет комиссия.

— Наверное, это они прилетели, Александра Романовна. Нам только что позвонили из Управления... Я сразу к вам побежала — предупредить!

— Хорошо, — выглянувший в коридор Зойкин увидел, как тетя Шура, переглянувшись с мамой, встает из-за стола.

— Иду, Маша, иду, — женщина отыскала взглядом мальчика. Поманила. Сказала, когда подошел:

— Зойкин, у меня для тебя — персональное задание.

Он напрягся: если тетя Шура говорит длинные, непонятные слова — это всегда серьезно.

— К нам приехали... — врач усмехнулась. — О очень строгие дяди и тети. Хватай Боя, и отведите собак за территорию больницы. В лес. Маша, ска-

жи сторожу... Нет, лучше возьми у него ключ и сама выпусти собак. Зойкин, ты объясни Бою, чтобы сидели в лесу и к нам не совались. Особенно на кухню. Я потом попрошу Розу, чтобы относила им еду. Ты ей покажешь, куда. Понял? Последишь за этим?

— Я все сделаю, — тоненьким от волнения голосом ответил Зойкин.

— Молодец, — проходя мимо мальчика, тетя Шура рассеянно потрепала его по голове. — Да! Скажешь псам, что, возможно, придется посидеть в лесу несколько дней. Чтобы никто их не видел. Эх, — она оглянулась на маму. — Ну и какого... они приперлись? У меня после обеда операция! Начнут сейчас нервы мотать...

* * *

В сосновом лесу, начинавшемся сразу за больничным забором, было хорошо — солнечно, тихо. В тени стены росли громадные лопухи, из которых Зойкин сделал шляпы — сначала себе, потом Бою. Но пес молча страхнул лопух, отошел к Лане, улегся, положив голову ей на спину. Зойкин по опыту знал — сейчас к нему лучше не приставать. Мальчик побродил неподалеку, набрал в панамку шишек. Попытался влезть на дерево, но только ободрал о кору руки и перепачкал в липкой смоле футболку: до нижней ветки было не дотянуться. Вот если бы кто-то помог, посадил... Понаблюдал через прутья калитки за больницей. Ничего интересного. Пусто. Выстроенный вчера из песка огромный замок казался отсюда совсем крошечным.

Зойкин уже начал скучать, когда худой вертялый Бесенок притащил здоровенную ветку. Бесенок был меньше других собак, черный с белой грудью, тощим, загибающимся полукольцом хвостом. В стае на него никто не обращал внимания, а Бой никогда не брал помогать больным.

Бесенок принялся грызть ветку с притворным рычанием, потом наскакивать, словно перед ним был настоящий враг. Посмотрев, мальчик решил поддержать игру, потянул ветку на себя. Бесенок пришел в восторг и, мотая головой, начал пятиться. В конце концов он дернул так, что, споткнувшись за торчащий из земли корень, Зойкин больно шлепнулся на живот. Еще и коленку поцарапал. Он мрачно счищал приставшие к ссадине сухие иголки, когда услышал, как его зовет Маша. Девушка стояла у открытой калитки. Мальчик подо-

шел к ней.

— Бери Боя и пошли со мной, — сказала она, потом увидела царапины и добавила, что нужно обязательно помазать йодом. Или зеленкой.

— Не надо, — он отмахнулся от прибежавшего Бесенка, который хотел продолжить игру и тащил за собой палку. Потом сходил к дремавшему Бою, взял за мягкое ухо: «Пойдем» — «Кого-нибудь еще позвать?» — «Нет».

Втроем они прошли к больничной двери. Затем через коридор, где сегодня особенно остро пахло лекарствами, в манипуляционную. Там, на полу в носилках, лежал больной. И его точно не назовешь дяденькой — мальчишка лет на пять старше Зойкина. Длинный и нескладный. Голова коротко острижена. Впалая грудь вздымается часто-часто. Глаза открыты. Зойкин знает — они не видят. И это уже почти привычно. А вот кожа — вся красная, в белых водянистых пузырях, кое-где свисает клочьями.

Тетя Шура шепчет:

— Бой, поскорее, — а ему: — Отвернись.

И ясно, что она волнуется. Вообще, все сегодня не так, как всегда: Маша ошибается, подавая лекарства, кто-то незнакомый пытается открыть дверь, которая почему-то заперта — в замке торчит ключ. И тетя Шура так громко кричит: «Нельзя», что Зойкин вздрагивает. Только Бой ведет себя с обычной неторопливостью.

Закончив лизать, подходит к мальчику, вздыхая, жалуется: «Не исправить самому». Врач, словно угадывая, наклоняется, гладит пса по голове. Раз, другой. Ободряюще говорит:

— Молодцы. Что бы я без вас делала.

Зойкин и Бой оба с удивлением замирают: до сих пор тетя Шура никогда не гладила собак. Хвалить — хвалила, но не дотрагивалась.

— Ладно, идите, дальше мы тут сами.

— Тетя Шура, Бой говорит — не справится.

Но женщина уже не слушает:

— Маша, проводи. Только глянь сначала — нет ли кого в коридоре? И вообще, поосторожнее.

С заговорщическим видом медсестра приоткрывает дверь. Высовывается, вертит головой из стороны в сторону и призывно машет рукой. Взяв Боя за ухо, мальчик поспешно уходит.

* * *

— Зоя, Бой у тебя? — раздавшийся за дверью голос тети Шуры заставил Зойкина насторожиться.

До этого утро было замечательным: он сонно ловил мамы шаги на кухне, прижимался к теплому пьесному боку и наслаждался ощущением дома.

— Как обычно — спят на полу в обнимку.

— Можно я загляну?

— Конечно. Что-то случилось?

Дверь негромко скрипнула — и мальчик притворился спящим. Про себя уговаривая Боя: «Ты тоже лежи спокойно». Вставать не хотелось. Так приятно валяться на полу, слушая, как мама хлопчет за стеной. Может быть, готовит на завтрак что-нибудь вкусненькое?

— Значит, уцелел, — тетя Шура прикрыла дверь.

— Кто? — явно испугалась мама.

— Бой, — пояснила главврач. И громко, торопливо, совсем чужим голосом добавила: — Кто-то убил собак сегодня ночью. Застрелили...

Мальчик сначала подумал, что ему все это снится. Страшный сон. Но мама повторила — почти закричала — Зойкин даже вздрогнул:

— Убили! Как?!

— Да тише ты!

Но было поздно. Зойкин понял, что не спит. Вспомнил умильно выпрашивающую подачки Краю, неповоротливого Барса, Бесенка, который в знак приветствия всегда ставил лапы Зойкину на плечи — тот чуть не падал, молчаливую и незаметную Джигу. Даже нелюбимую Лану. «Убили», «застрелили» — слова хорошо знакомы. Холодные, пугающие, как ночная темень. Зойкин шевельнулся, пытаясь выбраться из-под одеяла. Ему захотелось выбежать во двор: самому убедиться, что тетя Шура ошиблась. Бой опередил его. Вскочил, хлопнула дверь, которую пес распахнул, навалившись всем телом. Мальчик бросился следом, но мама окликнула:

— Стой! Ты куда?

— Бой убежал.

Замерев, Зойкин смотрел на маму и тетю Шуру. А женщины смотрели на него. Все трое чувствовали вину. И не знали, что сказать друг другу.

— Сначала позавтракай, — наконец сухо потребовала мама. И так как мальчик не двинулся с места, обернулась к старшей подруге. — Пожалуйста, скажи ему...

Та глубоко вздохнула и, не отрывая взгляд от лица Зойкина, ответила:

— Мы придем через полчаса. Не сердись, Зоя.

Мама промолчала, и тетя Шура, крепко взяв мальчика за руку, вышла с ним во двор. Но ни за флигелем, ни у пруда, где рассыпалась построенная Зойкиным крепость, ни в лесу Боя не было. На зов пес не откликнулся... Они устали звать и просто ходили меж деревьев, когда услышали Машин голос:

— Александра Романовна! Александра Романовна, в седьмой палате!

— Иду, иду, — крикнула тетя Шура и наклонилась к мальчику:

— Зойкин, я думаю, Бою сейчас очень грустно и не хочется никого видеть. Он вернется к вечеру. А ты пока иди к маме — позавтракай.

Он молча кивнул, но никуда не пошел. Подождал, когда тетя Шура с медсестрой уйдут. Днем ему совсем не было страшно одному. Оглядываясь, Зойкин вдруг вспомнил, как взрослые так же бегали здесь — искали Бесенка, на которого упал с машины тяжелый ящик. Пес с визгом убежал в лес на трех лапах, а тетя Шура ругала всех грозным голосом. Зойкин, взяв тогда Боя за ухо и зажмурившись для большей сосредоточенности, произнес внутри себя: «Бой, надо его найти. Тетя Шура говорит — иначе лапа будет болеть». И услышал в ответ: «Хорошо. Идем».

Сейчас мальчик попытался вспомнить, где прятался Бесенок. Постоял, прислушиваясь. Сначала было тихо, но затем показалось, будто неподалеку заскулила собака. Зойкин испуганно вздрогнул. Бой? Он быстро пошел туда, откуда доносился звук, с каждым шагом становившийся все более отчетливым. Наткнулся на заросли колючих кустов. Закрыв лицо руками, мальчик продрался сквозь них и оказался на маленькой полянке. Сразу увидел — Боя, Лану и Бесенка. Тот лежал на боку, не двигаясь. В тени особенно выделялись белый кончик хвоста, пятно на груди и белки закатившихся, невидящих глаз. Зойкин хотел наклониться к нему, но Лана угрожающе зарычала. Губы приподнялись, обнажая оскаленные клыки... Ноги Зойкина приросли к земле: до сих пор собаки на него не рычали. От обиды и страха по щекам мальчика потекли слезы. Но тут поднялся Бой, легонько толкнул Лану в морду черным носом. Будто говоря: «Ты что?» И, подойдя к Зойкину, лизнул в подбородок. «Бой, — вцепившись в густую шерсть и глядя на продолжающую ворчать

Лану, сказал Зойкин. — Бесенку плохо. Надо позвать тетю Шуру» — «Хорошо. Зови. Но мы уйдем. Дети. Опасно». Мальчик понял его слова только потом, когда, приведя врача, увидел на подстилке из сухих сосновых иголок одного Бесенка.

Тетя Шура быстро ощупала неподвижно лежащего пса. Осторожно вытащила из густой шерсти что-то тонкое, блеснувшее металлом. Подхватила Бесенка на руки, рывком поднялась, прижимая к белому халату. Сказала:

— Иди вперед, Зойкин.

На этот раз около манипуляционной их ждал Марат. Увидев собаку, задрал кверху густые черные брови. Поджал губы. Неприятным голосом заметил:

— Александра Романовна, вас ждут члены комиссии.

— Я занята, — отрезала главврач.

— Тогда я передам, что вы здесь, — Марат перевел взгляд на Зойкина. — А ты куда?

Тот не ответил, пытаясь бочком проскочить мимо. Тетя Шура оглянулась:

— Зойкин, иди домой, пожалуйста.

Лицо мальчика перекопилось от обиды, из глаз брызнули слезы. Марат усмехнулся.

— Иди домой, малыш, — повторила тетя Шура и закрыла за собой дверь.

* * *

Никто не сказал Зойкину, куда после операции исчез Бесенок. Но мальчик думал, что тетя Шура его спрятала. Наверное, отдала кому-то из знакомых в город. Уже на следующий день, когда он увидел главврача, та на вопрос «Можно ли проведать собаку?» — сказала, что нет. И внимательно глядя на Зойкина сквозь стекла очков большими черными глазами, спросила: «Ты же понимаешь, что ему нельзя было тут оставаться. Не волнуйся, с ним все хорошо». И мальчик больше не спрашивал, хотя иногда очень хотелось. Было тяжело остаться совсем одному, потому что Бой с Ланой ушли. В тот же день, когда они с тетей Шурой отнесли Бесенка в больницу. Ушли и не вернулись.

Солнечные летние дни стали вдруг длинными и пустыми. А ночи... Взрослые догадались, что Зойкин не может спать один. И постарались, чтобы кто-нибудь был с ним дома: мама, тетя Шура или Маша, которая очень жалела собак. Она об этом не говорила, но Зойкин сам видел, что девушке грустно.

Со взрослыми легче, чем одному, но не так, как с Боем. Вообще все было не так. Первые дни мальчик ходил по лесу, искал пса. Потом забрался слишком далеко и с трудом нашел дорогу назад. Зойкин тогда сильно испугался — дело шло к вечеру — да еще дома от мамы нагоняй получил. И делать без собак вдруг оказалось нечего — только сидеть в своей комнате, рассматривать книжки с картинками и грустить.

* * *

В дверь предупредительно постучали, приоткрыли и с показной вежливостью спросили:

— Разрешите войти, Александра Романовна? Я не помешал?

От знакомого мужского голоса сидевший в своей комнате Зойкин весь сжался в комок.

— Входи, Марат, — разрешила пившая чай на кухне тетя Шура. — Садись.

Короткая пауза, шаги. Скрипнул табурет, а потом главврач, как обычно — в лоб — спросила:

— Это ты про собак донес?

Голос у тети Шуры вроде спокойный. Но если бы Зойкин был виноват, он бы сразу заревел. И если не виноват, скорее всего, тоже. Уж больно строго спрашивали.

— Александра Романовна, что вы такое говорите? — голос Марата дрогнул, но, кроме обиды, в нем прозвучала и уверенность в своей правоте. — Я не доносчик!

— Поклянешься?

— Чем? — похоже мужчина слегка растерялся.

— Жизнью. Своей матери.

Некоторое время Марат молчал. Потом очень медленно произнес:

— Да, я сообщил о псах. Но это не донос. Когда я понял, откуда могли появиться эти собаки — позвонил в... Ну, вы сами знаете — куда, Александра Романовна, — молодой врач немного выждал и добавил. Длинно, непонятно: — Нельзя было, чтобы такой материал просто пропал, Александра Романовна. Это настоящее преступление. Вы же сами научный работник.

— Угу, — Зойкин услышал, как женщина нарочито шумно отхлебнула чай. — Молодец. О науке заботишься. А ты видел, кто прилетел их забирать? Видел?

За стенкой промолчали, но мальчику показалось, что Марат утвердительно кивнул.

— Ну да, — каким-то непонятным тоном произнесла тетя Шура. — И подписку, наверно,

дал? О неразглашении?

— Александра Романовна, — почти взмолился Марат. — Нельзя говорить!

— Можно, — перебила главврач. — Я тоже подписала. «Обязуюсь сохранять... Об ответственности за разглашение — предупреждена». Тьфу, противно. Черт бы их всех побрал. И тебя, Марат. Убирайся с моих глаз!

— Зря вы так, — в голосе мужчины теперь почему-то слышалось превосходство. — Вы к этим собакам никакого отношения не имели. Они здесь вообще случайно оказались...

— Молчать! — от окрика тети Шуры Зойкин даже подпрыгнул на кровати и чуть не заплакал. — Не тебе об этом говорить, сопляк! Это я, а не ты сюда семь лет назад приехал. Тут стреляли — кто только по ночам в больницу не приходил. Ты на другом конце страны школу заканчивал, за девчонками бегал, а я раненым операции делала... Когда в коридоре мужики с автоматами. Которым плевать, что ты можешь, а что — нет.

Тетя Шура замолчала. Зойкин услышал, как она встала из-за стола, звеня, сложила грязную посуду в мойку. Пустила из крана воду, тут же закрыла. Зло сказала:

— Твои дяди в погонах собак сюда привезли, чтобы боевиков и мины искали, и бросили. Забыли. Они тогда тут всех забыли: полгорода в развалинах лежало после обстрелов. Своих обстрелов! Хорошо, что больницу случайно — в старом здании ремонт затеяли, перед... спецоперацией сюда перевели — в бывший санаторий. Потому и живы остались.

— А я тут при чем? — Марат встал, отодвинул табурет. — У меня самого двоюродный дядя-милиционер погиб.

— Вот именно, что ни при чем, — похоже, тетя Шура пропустила слова врача мимо ушей. — Я когда первый раз увидела, как Бой умирающему мужчине рану лижет — его во дворе оставили, негде было людей класть — камнем кинула. Думала, озверел, сволочь, — сожрать хочет... Хорошо, что промахнулась, а Бой, молодец, не испугался, даже не отскочил.

— Я пойду, — сказал Марат твердо. — Мне пора.

— У того бедняги, пока я подбежала, кровотечение из артерии остановилось. Глазам своим не поверила...

— До свидания, Александра Романовна.

Мальчик услышал быстрые мужские шаги, и

Марат почти выскочил из дома. Мальчик ждал, что дверь с силой захлопнется. Не дождался: видимо, врач неслышно притворил ее за собой. Больше Зойкин его не видел: в больницу не заходил — не зачем, а потом, осенью, услышал, как мама говорила с дядей Витей о том, что Марат уезжает. Пригласили на работу в Управление. На что анестезиолог тонким, нарочито противным голосом пропел странное: «Молодым везде у нас дорога, стукачам везде у нас почет».

* * *

Мама сегодня была на дежурстве, и Зойкин играл во дворе. Снова строил замок. Рядом вповалку лежали солдатики — пластмассовые рыцари, набор которых подарили на день рождения. Время от времени по старой привычке он поглядывал на знакомую дверь черного хода. Мелькнули светлые мамины волосы. Встрепенувшись, мальчик приподнялся, отряхивая руки, но во двор вышла девушка на костылях. Медленно — осторожно и неуверенно — спустилась по ступенькам. Присела на вросший в землю кусок бетонного блока. Подставила бледное лицо все еще жаркому, но уже осеннему солнцу.

Подумав, Зойкин бросил песок и подошел к больной. Ему было скучно одному.

— Привет, — узнав старую знакомую, не стесняясь, поздоровался мальчик. — Бой сказал, что ты его боишься.

— Здравствуй, — приветливо отозвалась та. — Какой еще Бой?

— Собака, — подумав, объяснил Зойкин. — Большой черный пес.

— Так это вы приходили ко мне в палату? — глаза девушки широко раскрылись. — Я думала — привиделось. Врачи говорили, что галлюцинации после наркоза.

— Это не привиделось, это Бой, — авторитетно заявил Зойкин.

Договорить им не дали.

— Зойкина, — раздался голос тети Шуры, — скамейка рядом. Почему надо сидеть на бетоне?

— Ой! — девушка попыталась подняться.

— И ты, Зойкин...

— Ой, — повторила больная. — У нас что — одинаковые фамилии?

— Нет, просто мою маму зовут Зоя. А тебя?

— Ира.

Тут ее глаза снова расширились, стали почти круглыми. Зойкин обернулся посмотреть, что она увидела у него за спиной. На ступеньках громко вздохнула тетя Шура. Вдалеке за калиткой стояли трое псов. У мальчика перехватило дыхание. Через мгновение — внутри все дрожало от радостного предчувствия — Зойкин побежал. Он узнал Лану, рядом с ней щенок — маленький, пушистый — совсем как Бой. Только рыжий с черным. А третьим псом был... Бой.

Когда мальчик подлетел к калитке, стал дергать ручку, пытаясь открыть, Лана боком оттерла сунувшегося вперед щенка, оттолкнула назад к соснам. Зойкин оглянулся, собираясь позвать на помощь тетю Шуру — пусть скажет, чтобы открыли. Но Бой просунул сквозь прутья морду, ткнулся влажным носом в голую коленку. Зойкин присел, взял в кулак теплое ухо — по всему телу даже дрожь от удовольствия пробежала.

«Мы уходим, — раздался в голове такой знакомый голос Боя. — Совсем. Тут опасно» — «Что? — обмер Зойкин. — Куда?». Почувствовал, что ему не хотят отвечать. Но потом Бой все-таки сказал: «Далеко» — «Нет!» — «Нам здесь опасно. Очень. Прощай».

И, мягко высвободив ухо из пальцев мальчика, пес затрусил вслед за Ланой и щенком, которые уже исчезли в зарослях. Оглянулся. И тоже пропал в густом подлеске.

Ван-Шаффе Александрина
writercenter.ru/profile/vanschaffe/whois/

Художник Akrotiri (Marika Stanovoi)
writercenter.ru/profile/MariaStanovoi/whois/
www.dachshaus.cz/uvod

И больше никаких зоомагазинов

Братья Ceniza

Я выпустил из виду, когда родился брат. Вот еще мать ходит с животом, вот я у бабушки в деревне. Когда на исходе августа я вернулся домой, в спальне на моей кровати барахталось существо. Его звали Костиком. У стены стояла коляска, в которой брату полагалось спать, и я вдруг понял, что жить в этой комнате с мамой мне больше не придется.

Мне было семь лет, но чувство одиночества, которое вдруг нахлынуло на меня, было вполне взрослым.

Не помню, что говорили родители с глупыми счастливыми улыбками, лицо брата тоже затерялось в глубинах памяти. Хотя какое у месячного ребенка лицо? Зато помню, как глядя на крошечные горошины мизинцев на ногах брата, старался не заплакать от обиды.

За эти «крутыши» я простил Костику все, но не родителям.

Жизнь изменилась. Как ни странно, к лучшему. Я пробовал на вкус новые слова: «смесь», «чепчик», «радость моя», «Тюня». Слава богу, так мама называла брата, а не меня. Слова были мягкие, как фланелевая одежда брата, с молочным вкусом, как «Бебипапа».

Я пошел в первый класс, и к нежным словам прибавились общественные: «учитель», «урок», «перемена», «Светка Романова», «сменка», «щелбаны», «замечание» и (о, ужас!) «родительское собрание».

У меня была своя комната. Пусть в ней помещались лишь кровать и письменный стол, зато я мог отгородиться от остальных. Совсем рядом в зале стоял телевизор «Горизонт». Вечерами, когда мне полагалось смотреть сны, я наслаждался взрослыми фильмами.

Мне никто не разрешал. Я просовывал под дверь зеркало и смотрел кино в перевернутом виде. Со временем догадался подставлять второе, чтобы выровнять отражение. У меня был персональный кинотеатр. Это дразнило воображение и поднимало мой статус среди первоклашек. На перемене они собирались вокруг меня, чтобы послушать очередную серию «Спрута».

Брат не досаждал. Ел-спал по часам. Не болел. Не плакал. Серьезно, я не слышал, чтобы он кричал. Меня это устраивало. У некоторых моих друзей были маленькие братья или сестры, я ужасался, как эти мелкие могут доставать.

Бывало, мать просила приглядеть за Костиком, если ей надо было сходить в магазин. Я ставил возле коляски табурет и смотрел на брата. Светлые колечки волос, ямочки на щеках. Я корчил рожи. Большие серьезные глаза следили за мной, и вдруг лицо Костика озаряла беззубая лягушачья улыбка. Это был благодарный зритель.

Костику было четыре месяца, когда я набросал в кроватку пластмассовых солдатиков. Сам не знаю, зачем. Мама выгребла их и отвесила мне подзатыльник. Может, она решила, что мелкие игрушки повредят Костику, но, скорее всего, действовала автоматически. Нахулиганил — получай.

Я плакал от осознания несправедливости и подбирал солдатиков. Желтый, красный, синий.... Костик принялся стучать ногами. Ножки со всей силы ударялись о стенки кровати. Мама вынула и прижала его к себе.

— Тише-тише, Тюня.

Костик потянулся ко мне. Маме пришлось подойти и сесть рядом со мной. Брат выхватил из моих рук солдатика и продолжал тянуться за теми, что лежали на полу. Пришлось опустить его на ко-

вер. Заваливаясь на бок, он пытался добраться до игрушек.

— Олег, смотри, он ползет, — сказала мама.

Костик тем временем схватил желтого пехотинца, потом красного. Под наши удивленные возгласы он выложил солдатиков в ряд: желтый, красный, желтый, синий, желтый, зеленый.

— Тюня вундеркинд, — рассказывала мама вечером отцу. — Всего четыре месяца, а он ползает.

То, что он выложил солдатиков в цветовой рядке, она не заметила.

— Почти пять, — поправил ее папа. — И вряд ли это можно назвать ползанием. Но спортсмен растет.

Через пару недель Костик на коленках носился по квартире.

— Такой смысленый, — рассказывала мама во дворе другим мамашам. — Боишься шагу ступить, он тут как тут. Все открывает, везде лезет.

— Надо же! Пять месяцев только исполнилось, — завидовали мамы из дворовой общности. — Вундеркинд!

— Самое главное, не плачет, — вмешивалась соседка, которую раздражали крики детей.

При этих словах настроение у мамы портилось. Странно, когда ребенок совсем не плачет. Наверное, эта кажущаяся смысленность сбивала с толку и нашего участкового врача Марью Федоровну. Гром грянул с запозданием.

На ежемесячный осмотр в больнице мама взяла меня с собой. После того, как я засунул в розетку проволоку, она старалась не оставлять меня одного дома.

— С чего вы взяли, что он не слышит? — мать покраснела от возмущения.

Я притих на кушетке. Сейчас она начнет говорить злые слова. Мама в это время одевала брату штанишки.

— Ирина, вы помните, чтобы Костик издавал звуки? — спросила Мария Федоровна.

— Нет.

— Он плачет?

— Никогда! Но лор проверял нас. В карточке есть запись. И как вам это?

Мама оставила Костика сидеть на пеленальном столе, зашла сбоку и хлопнула в ладоши. Костик вздрогнул и повернул голову. Темно-серые глаза удивленно смотрели на нее. Казалось, он вопрошал, мама, зачем ты делаешь это?

— В этом возрасте дети произносят определенные сочетания звуков. Костик молчит. Не просто

молчит, он не плачет. Это хуже, слабослышащие дети все-таки плачут.

Мама надменно подняла подбородок.

— Ира, неужели ты не видишь, что-то неладно. Слух придется проверить снова. Это первое, чем мы займемся.

Мама села рядом и заплакала. Мне хотелось погладить ее, но я не решился.

С этого дня в доме начался ад. На смену нежным словам пришли другие. «Диагноз» и «лор» я узнал еще в предыдущем году. У меня часто болели уши. Появились другие: «сурдологический центр», «психоневрологический диспансер» и «генетики» — я с трудом их выговаривал. Непонятные, они вводили в мир, где человек играл в чет-нечет с природой. Неравная игра, не по правилам.

Я был бы рад услышать «Тюня», но мама все чаще выбирала слова обидные и колкие. Она и папа все время ругались. Он поздно возвращался, от него пахло сигаретами и пивом. Мне тоже доставалось: я получал затрещины по поводу и без.

Костику было полтора года, он осваивал формы. Из желтых кубиков выкладывал круг, из красных — прямоугольник.

Маму это не радовало. Во дворе Костины однолетки лопотали: «мама», «папа», «ай тету» (дай конфету), «абака авав» (без комментариев), «ди», «бабайка».

Костик обходился без слов. Под его молчаливым руководством двухлетки выкладывали камешки по кругу или спирали, приносили листики, веточки, игрушки. Сейчас, вспоминая это, задаю себе вопрос, почему они его понимали, а мы — нет?

Дворовые сплетницы шептались за маминой спиной: «лежали в диспансере», «невропатолог» «ДНК», «надо же, как не везет», «а ведь не курят, не пьют», «как же! папашу видала вчера навеселе».

Мамины ноздри раздувались от гнева, но она терпела, потому что Костик любил играть с их детьми. Когда-нибудь он заговорит, и тогда она утрет нос им всем.

Мама склонилась, рассматривая формы:

— Костя, смотри, ты выложил круг, желтый, как солнышко. Скажи «круг» или скажи «желтый».

Костя молчал.

— Если ты выложил круг, значит, знаешь, что это круг. Если ты выбрал желтые кубики, значит, ты знаешь, что они желтого цвета. Ты над нами издеваешься, да?

Я напрягался. Что-то нехорошее находилось между нами и мамой, и пока было маленьким. Но рано или поздно оно наберет силу и, как змея, бросится вперед и ужалит. Мысленно я просил Костика: «Скажи «желтый», пожалуйста, скажи «желтый». Пусть она отстанет».

Я боялся мамы, боялся темного существа, которому она позволяла входить в наши пределы, боялся, что отец станет алкоголиком, что он больше не придет домой. Я мечтал, чтобы меня отправили к бабушке. Она смогла бы защитить меня от моих страхов. До каникул было далеко.

Костя обернулся ко мне, будто услышал, о чем я думаю. Через неделю бабушка приехала к нам сама.

В доме запахло блинчиками и пирожками, мать и отец перестали ругаться. Стеснялись или боялись. Она помогала готовить мне уроки, я снова ощутил, что обо мне заботятся. С ней я мог говорить откровенно.

— Бабушка, а мама с папой разойдутся?

— Нет.

— А Костик дурак?

Костик подходил ко мне, и, смотря на мой рот, повторял движение губ. Сначала складывал губы, будто произносил «у», потом нижняя челюсть уходила вниз — «а». Во рту белели зубы. Мы не слышали ни звука.

— Какой же он дурак, Олег? — говорила бабушка и садила его к себе на колени.

— Не говорит, так пока можно и без слов. Да, Тюня?

Костик выкладывал на столе сложный узор из ложек.

— Старший брат научит тебя говорить, — бабушка подправила ложку, которую нечаянно сдвинула с места.

— Его психи из диспансера не могут научить. Как же я научу? — удивился я.

— Так то психи, а то родной брат. Посмотри, как он за тобой ходит. Защищает, когда мать или отец ругают.

— Бабушка, придумываешь ты все. Как этот молчун может меня защищать?

Костик оставил ложки в покое и посмотрел мне в глаза, губы его сложились в «у», потом в «а».

— Кто дурак? Я дурак? А ты, ты... — я подбирал слово пообиднее.

— Перестань, — рассердилась бабушка. — Это самый близкий тебе человек на всем белом свете. Ближе отца и матери, потому что от матери ты

взял одну только часть, а от отца вторую. Он такой же, как и ты, из тех же половинок. Понимаешь меня?

Я не понял, но сердить бабушку мне не хотелось. Я нуждался в ее любви.

— Понимаю, — сказал я.

— Коли понимаешь, придумай, куда мы сейчас пойдём гулять? Твоя мама умудрилась на днях поругаться во дворе. Теперь эти гусыни не разрешают своим детям играть с Костиком.

— Мы пойдём в зоомагазин за хомяком, — сказал я. — Как у Даньки Вавилова из 2-го «Б».

Я уже ходил во второй класс.

Ложки, выложенные зигзагом, вдруг поднялись над столешницей. Они повисли в воздухе. Между ними и пластиковым покрытием было не меньше двух сантиметров. У меня перехватило дыхание. Я подался вперед, чтобы убедиться, не кажется ли мне это. Ложки блеснули, отражая солнечный свет, и с грохотом упали на стол, разлетаясь по кухне.

Костик молча «говорил»: «Уа!» И я понял, что на этот раз это не «дурак», а «ура!»

— Бабушка, ты видела?

— Что видела? — не понимала бабушка.

— Ложки висели, а потом упали.

— Ничего не видела. Давайте одевайтесь, а то не будет вам ни магазина, ни хомяка.

— А мама разрешит? — засомневался я.

— У твоей мамы своя мама, — съехидничала бабушка. — Главное, чтобы она разрешила.

Так у нас появились хомяки: Тимка и Тинка. Даньке Вавилону на зависть, а мне на горе. Я не подумал, что жить они будут в моей комнате, и чистить клетку придется мне, кормить и поить тоже.

Еще они пахли. Бабушка посмеивалась, отражая нападки отца: «Ольга Николаевна, ну вы даёте!» Мама предупредила: «Терплю, пока сидят в клетке».

Я осваивал новые слова: «ветеринар», «зерновая смесь», «паразиты». Все они были связаны с беспокойством и трудом.

Костик с любопытством разглядывал Тинку и Тимку, помогал делать подстилку, подносил корм. Из братской солидарности. Потом он ковылял к серванту, где хранилась коллекция жуков. Мы купили ее в том же зоомагазине, потому что Костик показывал на нее пальцем и отказывался уходить.

Жуки и бабочки интересовали его больше, чем хомяки. Тут бабушка не угадала. Согласно ее тео-

Художница Лев Елена

Проза. Фантастика

рии шустрые зверьки должны были помочь активировать речевую зону.

Каждый экземпляр коллекции покоился в своем отделении, приколотый к бархатистой подложке.

Костя показывал на бабочку, а потом ждал, что я произнесу название.

— Капустница, — говорил я.

Он внимательно следил за губами и повторял: «а», «у», «и», «а».

— Махаон.

Челюсть опускалась два раза на «а», после губы скруглялись в «о».

— Этого рогатого не знаю, — говорил я, разглядывая жука.

Брат хмурился и смотрел на меня серьезным взглядом.

— Хорошо, прочитаю в энциклопедии, — обещал я.

Так новые слова одновременно входили в нашу жизнь, но мы не дружили. Я не был другом Костика. После школы меня ждали Данька Вавилов, Ромка Кулешкин и толстый Вова Бегемот. Мы решали, когда и где лучше обкидать Светку Романову снегом. Я забывал, что обещал найти имя жука.

Однажды во время такого «обучения» я придвинулся к Костику и тихо спросил:

— Как ты ложки в воздух поднял?

Костик отвернулся.

— Ну и не надо, — я обиделся. — А еще братом называется.

— Жужелица, — продолжал я и снова, уже тише: — Если бы я умел поднимать ложки в воздух, мне бы не нужны были дурацкие слова. «Мама», «папа», «школа». Я бы и без них устроился. Знаешь, как надоело притворяться. Сначала запоминать глупые сочетания звуков, потом не перепутать их, потом учи, как пишутся, потом придумывай, как ими тоньше ранить. Бывают, конечно, приятные слова: «Тимка», «Тинка», «бабушка». Ты знаешь, что она скоро уезжает, и тогда черная злая змея снова поселится в нашем доме. Я боюсь ее.

Костик повернулся ко мне.

— Не поселится? — удивился я.

Костик показал пальцем на огромную ночную моль. Я вытащил ее из отделения. Сухая, словно осенний лист, она лежала на ладони.

— Ночная Ведьма, — вспомнил я название, вычитанное в книге.

Я вижу, как привычные слова двумя облачками вылетают изо рта: темно-фиолетовое и черное.

Они подплывают к брату. Костик повторяет движение моих губ, и два слова-облачка вместе с воздухом втягиваются через нос и рот. Как только Костику удастся поглотить колебания, которые я произвел голосовыми связками, булавка падает на пол. Ночная ведьма наполняется искрящимся светом и оживает. Вот она делает взмах крылами. Два черных глаза секунду смотрят мне в зрачки, а потом она уносится к потолку.

Темные крылья трепещут, а я вспоминаю, что сказала мне бабушка: «Он такой же, как и ты, из тех же половинок. Понимаешь меня?»

Мир один, а языков в нем два. Обычный, мы все говорим на нем, даря миру множество звуков, и темный язык брата. Речь на вдохе. Поглощая звуки, он тянет энергию из мира. Два языка вместе — это, это... Я теряю мысль.

Вытащив капустницу, я пытаюсь дать ей имя на языке Костика. Не могу. Как же брату было тяжело среди нас. Ладно, пойдем по-другому пути.

— Капустница, — говорю я.

Брови брата поднимаются. Бабочка взлетает к потолку и вместе с Ночной ведьмой порхает там. Сколько их еще в маленьких бархатных гробиках? Наша армия.

Когда пять оживших жуков вползли к маме на книжку, она закричала.

— Боже! Смотрите, какие страшилища. Откуда зимой?

Она бросила книжку, и стук послужил сигналом.

— Атака, — прошептал я.

Зрачки Костика расширились, и эскадрилья ба-

бочек, порхавшая под лампочкой, понеслась в зал. Они зависли над бабушкиной головой, и та принялась размахивать полотенцем. Для папы у нас оставалась тяжелая артиллерия. Пчела, шершень, шмель и три стрекозы.

— Вперед, — сказал я.

Рой ринулся в бой.

— А! Она ужалила меня, — закричал отец. — Ольга Николаевна, гоните их к форточке.

Мы с Костиком взяли за руки и вышли в зал.

— Боже мой, дети! — мама бросилась к нам. — Уходите скорей.

Она подхватила Костика на руки, обняла меня за плечи и увлекла нас в комнату.

— Вас не покусали?

Она осмотрела Костика, потом меня.

— Напугались? Сейчас выгоним этих жуков.

Поцеловала сначала Костика, потом меня и выбежала из комнаты, плотно притворив дверь. Мы с Костиком переглянулись, я прошептал слово. Бездонные колодцы Тюниных зрачков сузились, и в то же мгновение наша армия пала.

— Они же дохлые! — услышали мы папин голос. — А, черт! У меня опухает щека. Ира! Ира, сделай что-нибудь. Где аптечка?

— Вот это да! — сказал я и сел на кровать.

Костик подошел ко мне, губы его сложились в «у», потом в «а».

— Дурак, — согласился я.

Костик покачал головой и показал на себя.

— И ты дурак, — сказал я. — Тебе придется научиться говорить, как они. Я же научился.

Костик улыбнулся и вытянул губы трубочкой.

— У-у-у, — выдали его связки.

Это был первый звук, который произнес брат.

Я кивнул:

— Умница. Только больше никаких зоомагазинов, как старший брат говорю.

Слово «умница» было наполнено цветом фиалок, и я с удовольствием его повторил.

Дверь открылась. На пороге стояли бабушка и

мать с отцом.

— У-у-у-у, — снова сказал Костик и расплылся в улыбке.

Мамины брови взлетели вверх, совсем как у Костика.

— Ира, он говорит, — произнес папа.

Сверху, трепеща большими оранжевыми крыльями, спустилась Тизания агриппина. Она села бабушке на плечо. Сложила и снова раскрыла крылья.

— Тизания, — сказал Костик. — Тебе, бабушка. Мама заплакала.

Так в нашу жизнь вошли новые имена, они состояли из вибраций и колебаний разной частоты. Здесь были свои правила произношения и написания. Но это уже другая история.

Не только моя, еще и брата.

Братья Ceniza

writercenter.ru/profile/Ceniza/whois/

Художница Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Предназначение

Богданов Борис

1. Алекс Балуюн

Удачная вышла охота! Два ящика с кожей радужного кальмара — отлично для межсезонья. Позднее, во время откочёвки, моллюск сам полезет в сети, но и стоить будет куда дешевле.

Даже Юрьева не смогла испортить Алексу настроения. Экологичка привязалась к нему сразу после всплытия. Пристроилась сзади, на грани видимости, рассчитывая, что Алекс выведет её на скупщика. Наивная. Так и играли несколько часов в кошки-мышки. Алекс даже испугался, что от жары моллюск начнёт тускнеть, но опустил туман, Алекс улизнул и скоро пришвартовался в загаженной и пахнущей мазутом технической зоне «Центральной».

Улов взял Плешивый Питер. Он держал уютный ресторанчик на одной из надводных палуб, рядом с гидропонной станцией. Питер платил меньше прочих, но сразу.

— Заходила Юрива, — хрипло сказал Питер, наливая Алексу бокал тёмного. — Очень злая. Искала тебя. Я обещал сказать... что узнаю. Чем ты ей насолил?

Раньше Плешивый Питер работал водолазом, чистил днище платформы и грёб деньгу лопатой. Но однажды что-то случилось с воздушным шлангом, Питер наглотался забортной воды; планктон объел ему голову и глотку. Питер едва выжил. Он никогда не рассказывал, что именно произошло, но Компания безропотно, не доводя дело до суда, выплатила приличные отступные. Питер завёл небольшой бизнес, получил кличку «Плешивый», стал говорить короткими фразами и носить тёмные очки.

— Она боится, что я переловлю всех её ненаглядных головоногих, — ответил Алекс. — Она от них без ума, готова целоваться с этими скользкими гадами. Полдня сегодня за мной гонялась, утомила.

— Но ты ушёл.

— Конечно, я же здесь! Налей-ка ещё!

Он вынул полученную от Питера анонимную кредитку.

— Не надо, — сказал Питер. — За мой счёт.

— За мой, за мой счёт! — рассмеялся Алекс и сжал уголок кредитки. Цифры грели душу. — Признайся, ведь я приношу тебе хорошие комиссионные?

— Да, — пожал плечами Плешивый.

— Надо брать с тебя больше, — сказал Алекс, улыбаясь. — Шучу-шучу, старина... Какие разборки между своими!

После четвёртой кружки в голове приятно шумело, а пол под ногами качался, будто платформа стала настоящим океанским кораблём.

— Пойду я, пожалуй, — Алекс решительно полез из-за стола.

— Вали, — сказал Питер. — Ал! Криста говорила... возле «Сан-Даниеля» видели Огненных рыб.

— Вот как... Бывай, старина!

Вот как, думал Алекс, двигаясь кольцевым коридором в сторону Северного причала, где стоял его катер. Дно у нефтяной платформы «Сан-Даниель» сама природа предназначила для охоты. Глубокая котловина изобиловала чёрными курильщиками. Их конусы извергали перенагретую, насыщенную солями воду. Обилие минеральных веществ создало странный, но богатый биоценоз. Здесь жили твари, которым для дыхания не нужен кислород, но крайне необходима сера и фосфор. Они блаженствовали в горячем бульоне, сдавленные двадцатикилометровым водяным столбом. Чуть выше проходило холодное течение. На границе между горячими и холодными слоями жизнь была ключом, вились, кормились и плодились самые разные существа. Сюда для пиршества спускался радужный кальмар и много дней жировал, набирался сил для откочёвки на нерест. И брать его следовало, пока он не насытился и не набрал вес. Потом его кожа поблекнет, и из неё не выйдет запрещенная «живая» одежда, всегда разная, сверкающая, переливающаяся, тешащая взоры и... опустошающая кошелёк! Но разве земные модницы думают о деньгах?

Стая радужников недавно спустилась в котловину, он знал точно. Откуда? Неизвестно. Из ритма набегавших волн, из шороха пенных гребней. Алекс никогда не ошибался, потому и стал самым удачливым охотником.

Кальмары кормились под «Сан-Даниелем», но

теперь... Даже с экологичкой Кристой можно договориться, а от Огненных рыб лучше держаться подальше. Окутанные паром, бороздят они океан, быстрые, не знающие сомнений, не видящие препятствий. Связисты от них плачут, сращивая разорванные кабели, а вояки из охраны разводят руками: не поймать и даже не подстрелить! Самое удивительное в Огненных рыбах именно то, что они — рыбы. Типично земные на вид, с плавниками и хвостом, похожие на барракуду или макрель. Только нет на Таргенте рыб! Черви, рачки и креветки, моллюски есть, а рыбы — не возникли! Ни одной, кроме этих.

Научники вообще не верят, что они существуют. Раскалённые в толще вод? Меньше пейте крепкого перед вахтой!

Алекс запнулся и встал, с трудом удержав равновесие. Коридор перед его глазами, уютный, привычный коридор, выстланный мягким ковром, ударил по ногам, пошёл складками. Иллюминаторы слева окрасились красно-оранжевым. Звуки задержались, и только через секунду-другую в уши Алексу ворвался рёв огня и скрежет сминаемых переборок.

Катер! Эта мысль, почти ощущение, подстегнула Алекса, он прыгнул и побежал, стараясь не касаться быстро греющихся стен, уворачиваясь от хлопающих дверей и падающих труб, шарахаясь от языков пламени. Отовсюду выскакивали люди. Многие были раздеты. Они метались во все стороны, натыкались друг на друга, падали, кричали.

Перед глазами мелькнула чья-то рыжая борода, раззявленный рот с большими белыми зубами, потом платформу потряс сильный удар, впереди полыхнуло, ковёр прыгнул вверх и ударил Алекса по лицу.

Он очнулся от холода. За часы, проведённые без сознания, океанская вода вытянула из него почти всё тепло. Болела грудь, сдавленная спасжилетом. Алекс со стоном выдохнул: жив!

Он покрутил головой. Сразу за раздувшимся воротником начинался океан. Вокруг были вода и серое низкое небо. Иногда вал приподнимал его, и он видел, как качается на волне мелкий мусор: обрывки бумаги, клочья теплоизолирующей ткани, пакеты, одноразовая посуда. Откуда-то полз чёрный вонючий дым; едко пахло тлеющим пластиком. Кончики пальцев болели, а ног Алекс не чувствовал вовсе, и это пугало.

Стараясь не смотреть на руки, Алекс медленно поплыл в сторону дыма. Раз горит, значит, над водой. Ему сейчас обязательно нужно на сухое. Планктон, похоже, ещё не прогрыз комбинезон, но надолго ли его хватит — неизвестно.

Дымил широкий обломок потолочной плиты. Кое-где облицовка оказалась пробита, и там тлел вспененный наполнитель. Алекс подтянулся и перевалил себя наверх. Плита немного осела, но держала. Он зачерпнул, сколько мог, воды и плеснул в огонь. Потом ещё и ещё раз. Пламя зашипело, истаяло сизым паром.

Проза. Фантастика

Алекс без сил распластался на плите, глядя в мутное небо. Тянуть бессмысленно, он поднял перед собой руки и впервые с той минуты, как очнулся, посмотрел на них. Невероятно: кожа на ладонях и пальцах оказалась цела, только побелела и припухла. Планктон состриг волосы, погрыз и сточил ногти. Кожа под ними кровила и противно ныла от соли. К дьяволу! Это ничего не значило. Они были — и это главное! Вдруг и ноги в порядке?

Алекс расстегнул и сбросил спасжилет, извиваясь червём, стянул комбинезон. Защита не выдержала. Планктон проник под одежду и сожрал всю растительность. Растительность — и больше ничего! Вспомнился Плешивый Питер, и Алекс похолодел, представив, чем всё могло кончиться.

— «Пелагические организмы здесь очень активны, — процитировал себе Памятку по безопасности, придирчиво ощупывая голую, как у младенца, промежность. — Избегайте контакта кожного покрова с океанической водой».

Всё на месте, вот ведь подфартило!

Ноги немного отогрелись. Алекс осторожно поднялся. Плита кренилась, но держала надёжно. А с другой стороны, рассудил он, чего бояться? Рыба схарчит его, не разбирая, в воде он или нет. Как стихийное бедствие, от которого нет спасения. А потому и стараться не стоит. «Пелагические организмы» не тронут, раз уж сразу не съели. Алекс хмыкнул и притопнул пяткой. Мысль, что вода на самом деле для него не опасна, удивляла и щекотала нервы.

Он осмотрелся. Огромной нефтяной платформы больше не существовало. Десятки этажей причалов, складов, мастерских и жилых помещений канули в буквальном смысле в океан. И люди... Бездна под ногами стала братской могилой для тысяч человек — нефтяников, клерков, ремонтников, коммунальщиков, медиков, официантов, проституток, полицейских... Для всех, кто ночевал нынче на «Центральной». На волнах качался мусор, какое-то неопрятное тряпьё, куски стальных панелей, обивки. Невдалеке вода притопила дорогое деревянное кресло, одно из тех, что стояли в концертном зале. Ветерок пригнал рваные ноты. Директор «Центральной» любил живую музыку и выписал с Земли рискованных оркестрантов.

Пахло сырой нефтью.

Потом Алекс увидел, что тряпки — это не тряпки. Это люди, то, что от них осталось. Многие, как и он, носили спасательные жилеты, поэтому их не утянуло на глубину. Привычка... Прихотли-

вое течение тащило в его сторону серый мазутный язык, а рядом с комковатыми сгустками — полупустой комбинезон. Когда-то его носил Плешивый Питер, Алекс узнал его очки — они сохранились, словно в издёвку. Теперь им было нечего скрывать. Океан доел Плешивого, окончательно лишил его глаз, щёк, скальпа. Сквозь изгрызенную шею розовел позвоночный столб. Затылок Питера елозил по воротнику жилета, болталась нижняя челюсть с желтоватыми зубами, будто Плешивый весело улыбался. На месте губ и во рту деловито копошились рачки-иглохвосты.

В животе у Алекса стало холодно, а во рту — горько. Он опустил на колени и тихо завыл...

2. Кристина Юрьева

Балуян маячил впереди, маневрировал, а потом спрятался в опустившемся тумане. Груз он не бросил, значил, надеялся сбежать. Криста могла взять подлеца в любой момент. Кажется, в погоне за деньгами он совсем забыл, как оснащаются катера экологической полиции. Форсированные двигатели, подводные радары, пушки, стреляющие полимерной сетью... Можно поднырнуть и следить снизу, можно запустить Глаз. Криста решила ждать, чтобы выйти на скупщика. Он на «Центральной», это ближайшая платформа, и Балуян, юля и петляя, стремился именно туда.

Туман был ей на руку. Звуки гасли в слоистой взвеси, и Криста медленно скрадывала расстояние, сближалась с браконьером. Когда до Балуяна осталось пара кабельтовых, на неё накатило.

Едва слышный хор в голове, который Криста научилась не замечать, обрёл мощь органа. Звучал океан, звучал, как единое целое, в котором, если хорошенько прислушаться, можно было опознать и отдельные голоса. Шуршали донные поля бактерий, звенели ксилофоном косяки радужных кальмаров. Позывные множества ракообразных слились в полифонию набегающих на песок волн. Хищный планктон гудел, как трансформатор, цокали и щёлкали медузы. Потом вступила золотая труба, ещё и ещё, множество труб, и скоро их пение стало главной нотой, затмившей мир.

Огненная рыба! Кристе знала её голос, но никогда не пела она столь мощно, торжествующе, непреклонно!

Симфония моря перекатывалась внутри черепа, резонировала в височных костях. В копчике родилась сладкая дрожь, побежала по позвоночнику, разошлась листом папоротника по рёбрам,

вспухла жгучим сгустком за грудиной, заставила ныть корни зубов. «Что-то будет... что-то будет...» — будто бы сообщал океан, трубы набирали силу, повышали тон, оставляя позади октаву за октавой.

До-о-онг!

Пузырь в груди лопнул; тишина вернулась как выстрел.

— О-о-ох...

Криста открыла глаза, и тут же снова зажмурилась — веки словно драл песок, глазные яблоки бильярдными шарами ворочались в глазницах. Руки дрожали на штурвале, сердце медленно затихало, успокаивалось.

Как всегда, прошли часы. Браконьер давно сбежал, его надежда оправдалась.

Солнце село, туман рассеялся, выглянули звёзды. Облака впереди розовели, сгущались, клубились, превращались в подсвеченное снизу оранжевым и красным коловращение. Иногда сквозь зарево прорывались языки пламени — горела «Центральная».

Катер медленно шёл параллельно пожарищу. Криста заглушила двигатель и откинула герметичный колпак. Солёный ветер пополам с гарью наполнил салон. Морщась от боли в затёкших ногах, Криста вылезла наружу, села на нос катера и стала ждать, когда основная масса нефти вокруг платформы выгорит, и можно будет подойти ближе.

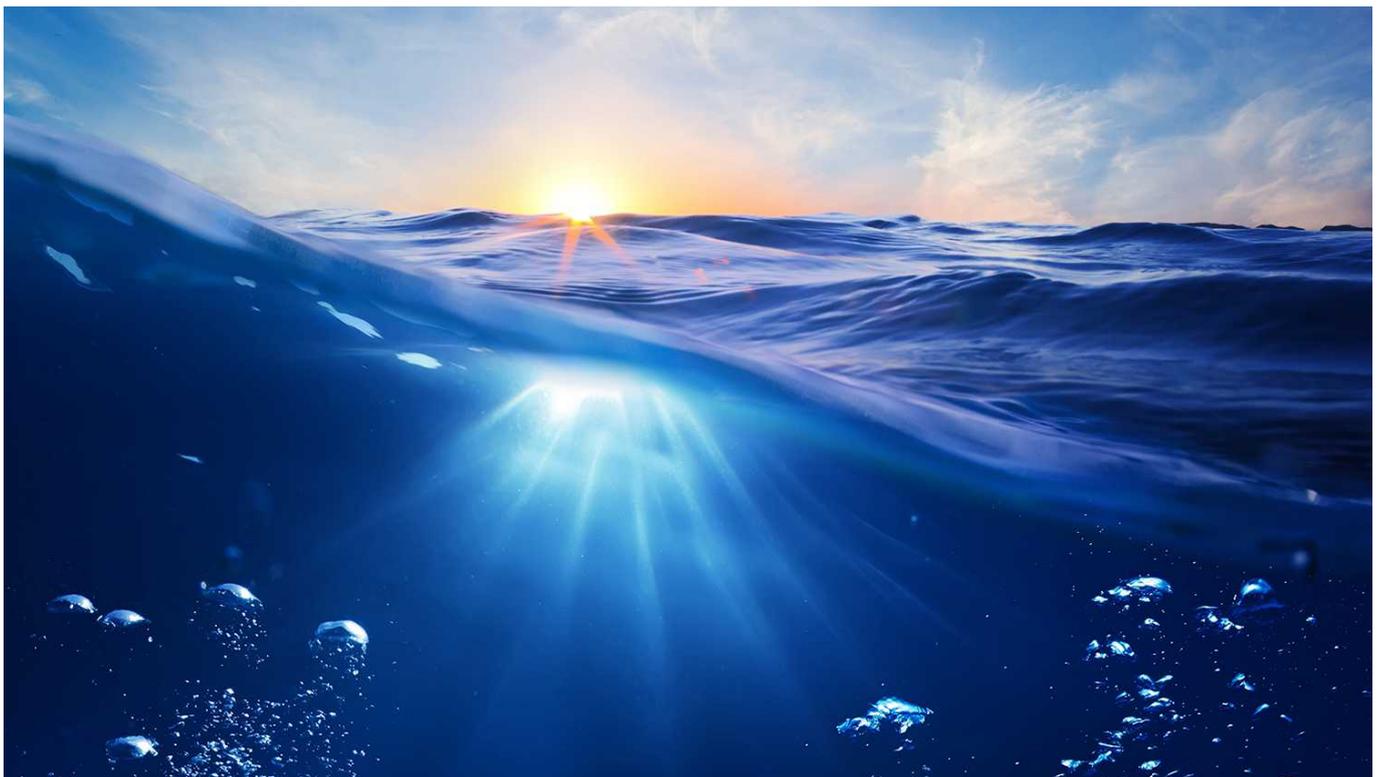
Она называла его — Зов. Хотя словами не передать его мощи и глубины, этого чувства еди-

нения с миром, с океаном, с самой планетой. Океан позвал вольнонаёмную экологических войск Кристину Юрьеву, когда она впервые вышла в море одна. Зов привёл её в ужас, заставил усомниться в собственной нормальности. Криста даже хотела записаться на приём к психиатру, но вовремя одумалась. Голоса моря, несомненно, существовали отдельно от неё. Придумать Зов ей не хватило бы чувственного опыта. Например, откуда ей знать, что прямо сейчас где-то в глубине чужак убивал радужных кальмаров. Головоногие кричали, а Зов переводил этот крик в направление, расстояние и глубину.

Криста не стала рефлексировать, она поверила — и скоро задержала своего первого охотника.

Управление нырковым катером давалось ей легко. Машина откликалась на каждое движение, в моторном отсеке ревел ядерный зверь. Криста стала пижонить, глядеть на других патрульных свысока. Взяла за обыкновение не закрывать колпак салона. Однажды, выполняя рискованный вираж, она не удержалась в кресле и вылетела наружу. Катер не может идти без пилота, система безопасности остановила движок, но вмешалось поверхностное течение... Прежде чем догнать катер, Криста провела в воде несколько часов. Она осталась жива, хотя и лишилась всех волос. Это заставило её задуматься.

Она отличалась от остальных. Может быть, ото всех. Но Таргент принял её, взял под свою защиту. Значит, она выбрала верно: её предназна-

Проза. Фантастика

чение — охранять.

Криста никому не рассказала об этом событии и стёрла запись регистратора. Придуманное объяснение оказалось настолько диким и неправдоподобным, что ей поверили. Через год она стала грозой браконьеров и самым молодым лейтенантом экологической службы. Только Алекс Балуюн до поры ускользал, обходил её ловушки, успевал убраться раньше, чем она появлялась на месте охоты. Сегодня она его почти взяла, но... Зов не приходит просто так, сказала себе Криста, ещё ничего не решено.

Ближе к полудню костёр, освещавший полнеба, потух. Осталась только дымная шапка; ветер медленно откусывал от неё лоскутья.

Часы прошли в безуспешных поисках. Круг за кругом Криста сужала спираль вокруг места катастрофы, но попадались только обгорелые, объединенные трупы. Потом она заметила широкую плоскую потолочную панель. Там лежал голый человек. Криста повернула ближе. Мужчина. С кожей, гладкой как у младенца, чистой, без единого волоска. Такой же, как она, обрадовалась Криста. Она не одинока, это не уродство, и она не монстр!

Человек спал, укрыв лицо куском ткани. Клёкот мотора разбудил его, и мужчина поднял голову.

Алекс Балуюн.

Чёрт!

С досады Криста едва не дала по газам. Браконьер! Почему именно он?

Балуюн, узнав Кристу, присвистнул и покрутил головой.

— Удивительно, — сказал он, — лейтенант, но я рад тебе. Хотя ты меня достала.

— Залазь, — скомандовала Криста.

В голове снова запели трубы. Терпимо, без напора.

— Сдашь меня властям? — спросил охотник, расправляя просоленный комбинезон. — Отвернись хоть.

— Прибью твою кожу на стене в салоне! — оскалилась лейтенант. — Торопись, они возвращаются!

Океан неподалёку забурлил и побелел, затем из глубины прорвался пар, а вслед за ним вынырнули гладкие чёрные тела. Огненные рыбы! Вода вокруг кипела, шипела и взрывалась. Твари выстроились широким фронтом и двинулись сквозь грязное пятно пожара.

Криста рванула с места, обошла кипящий строй по дуге и пристроилась с тыла. За рыбами

тянулась чистая полоса, без обломков, грязи, даже без нефти. Рыбы съели?.. выжгли?.. убрали все следы человека.

— Почему это? — крутил головой Балуюн.

— Мы не нужны здесь, — ответила Криста. — Руки!

— Что? — не понял Балуюн, но Криста уже защёлкнула на его запястье браслет наручника. — Зачем?!

— Занырнуть надо... — невпопад проговорила Криста, торопливо уходя на нос. — Так надёжнее. Быстро в салон! Не нравится мне...

Катер погружался почти вертикально. Вода за стеклом, сначала лазурно-прозрачная, быстро набирала синь, становилась баклажановой, чёрной. Огненные рыбы над головой били поверхность торпедными бурунами, но скоро пропали из вида.

— Куда мы? — спросил сзади Балуюн.

Что ему за дело, недовольно подумала Криста, но ответила:

— Здесь качали нефть, много нефти. Где она?

— Охота тебе, — проворчал браконьер и замолчал.

Средняя глубина океана на Таргенте составляла двадцать пять километров. «Центральную» поставили одной из первых, на восьмикилометровой отмели. Уже через полчаса катер завис близ дна. Чернильная тьма давила, была плотной, нефтяной. «Она вся здесь, вокруг нас, — испугалась Криста, — мы завязли!» На миг закружилась голова, показалось, что сейчас колпак лопнет, не выдержит давления миллионов тонн вязкого мазута. В который раз за последние сутки зазвучал Зов позади глаз. Это отрезвило. «Клуша!» — Криста мотнула головой и врубил прожектор.

Над лесом аккуратно срезанных толстых труб бушевала метель. Мириады существ крутились, как снег, в свете мощных ламп. Они врывались со всех сторон в прожекторный луч и оседали на жерлах скважин. Поток сырой нефти из недр дробил эти наносы, но живой напор не иссякал. Известковые сугробы уплотнялись на глазах. По дну шествовали морские ежи, звёзды и другие, неизвестные на Земле твари. Защитный саркофаг над месторождением рос и твердел.

Криста сглотнула. Происходящее поражало холодным, трезвым расчётом. И запретностью. Человеку нельзя это видеть, поняла Криста.

— Возвращаемся, — зачем-то сказала она и оглянулась.

Охотник сидел с перекошенным лицом и не

отрываясь глядел вперёд, мимо Кристины.

Он такой же, как она... Ну почему, почему он охотник?

3. На последнем плоту

На нырковых катерах типа «Олуша» два галюна: в корме, для клиентов, и отдельно на носу, для экипажа. Наручники Алекса и скобу в кормовом, возле иллюминатора, соединил четырёхметровый фал. Семь шагов — вот свобода, которую оставила ему Кристина! Затекала спина, глаза устали следить за волнами. Спать не давал зуд подмышками и в паху: нещадно кололись растущие волосы.

Девушка сидела впереди, у штурвала. За прошедшее время Алекс возненавидел вид сзади. Её непреклонный, чисто выбритый затылок под форменным беретом, тонкую шею, прямую спину и даже обтянутую бриджами задницу.

— Это уже не смешно, лейтенант, — начал он в который раз. — Куда мне бежать?

Кристина демонстративно не обратила внимания. Она нервно крутила верньеры радио; лопатки нерешительно двигались под тонким кителем. Эфир молчал. Все три дня, как они вынырнули возле могилы «Центральной». За это время Кристина пересекла треть северного полушария по ломаной трассе от платформы к платформе, от базы к базе.

Их встречал девственный океан. Мощная добывающая промышленность, плавучие заводы и фабрики, города и посёлки, административные центры и даже космодром — превратились в точки на карте, в пустые, ничего не обозначающие координаты.

— Кто-то же должен остаться? — бормотала Кристина.

— А спутники? — спросил Алекс. — Они должны писать...

— Эти данные мне недоступны, — неожиданно ответила Кристина.

— То есть — ты не умеешь.

— А ты, ты умеешь?! — резко повернулась девушка. Губы её прыгали, сжатые в кулачки пальцы побелели.

«Она же не железная и едва держится! — понял Алекс и удивился собственной глупости. Ужас катастрофы отбил его способность рассуждать. — Одна против целой планеты, которая внезапно стала убивать!»

— Я постараюсь, — ответил он очень мягко. — Есть способы... Отстегни меня, не хочу сидеть на поводке.

— А ты не?.. — засомневалась Кристина.

— Девушек не ем, даже экологических лейтенантов, — Алекс улыбнулся как можно шире. — Освободи. Пожалуйста!

Потом он сел к капитанскому терминалу, а Юрьева пристроилась рядом, стянула с головы берет и скромно сложила на коленях ладошки. Она оказалась очень коротко пострижена, почти побрита, но волосы начали отрастать. Глаза её были закрыты, лицо спокойно и расслаблено. Алекс даже позавидовал цельности её натуры: если доверять, то до конца, безоглядно. Удивительно, это доверие хотелось оправдать, а там — будь что будет!

Экологический патруль консервативен, система на катере не отличалась от той, с которой Алекс работал в подсобке Плешивого Питера. Коды, купленные за хорошие деньги, не подвели. Распахнулось сервисное меню, непривычно куцее, короткое. Тревожно краснели директории Главного управления, подразделений и служб. Это порадовало бы Алекса — в обычный день. Трудности патруля — удача для охотника, но не сегодня. К счастью, интерфейс спутниковой группировки на орбите Таргента был открыт и мерцал зелёным. Без обычного трафика законнектилось в момент.

— Смотри, — Алекс тронул Кристину за плечо.

Множество — по числу платформ — окошек на экране были пусты! Мощная оптика транслировала рябь, пенные барашки волн, редкие облака. Больше ничего! Только арктические острова укрывала густая туманная шапка.

— Сюда! — твёрдо, чтобы не расплакаться, сказала Кристина.

— Телеметрии нет, — пожал плечами Алекс, — там то же самое.

— Сюда, — повторила лейтенант. — Мы пойдём сюда. Там база флота, я хочу её видеть!

— Ладно, — легко согласился Балуюн. — Только сперва... у тебя есть бритва? Понимаешь...

Девушка недоумённо посмотрела на него, а потом начала краснеть! Рыжие вообще легко краснеют, а весной покрываются веснушками, не на Таргенте, в других местах, где больше ультрафиолета... Но почему?

— А... да, — тихо сказала Кристина, — очень. Сейчас. Вот!

— Зачем это? — удивился Алекс, рассматривая очки для плавания.

— У меня нет бритвы, — Кристина опустила глаза. — Зато есть океан! Если не надеть очки — останешься без ресниц. Я всегда... — она тронула застёжку кителя. — Я налево, ты — направо, чур не подсматривать!

Проза. Фантастика

Конечно, Алекс не удержался. Перед тем, как спрыгнуть, он обернулся.

Вода сомкнулась над его головой. Алекс задержал дыхание и всплыл спиной к солнцу. Перед глазами вместо скучной синей бездны повисла стройная женская фигурка. Девчонка была хороша, и безволосая голова её не портила и даже добавляла очарования.

Алекс вынырнул. Мелкая волна стучала в борт возле его плеча. Кожу начали поглаживать невидимые шершавые ладони: работал хищный планктон. Чуть шевеля руками, Алекс двинулся вдоль борта. Почему нас не трогают, а других пожирают живьём? Что отличает нас от остальных? Должно быть разумное объяснение. Разум... То, как твари затыкали скважину, не может быть инстинктом. Есть, — он провёл рукой по груди, ощупал гладкую кожу, — размножаться, нападать, бежать от опасности — это простые действия, рассудка в них нет. Но жертвовать собой, гибнуть миллионами? Что их заставило, чья непреклонная воля? Бред, какая воля, они не умеют думать и решать! Жуть, которой вряд ли найдётся объяснение. Что они могут ещё? Согласно, согласованно... сознательно?

Стало холодно, как будто из глубин поднимались холодные токи.

Плывать расхотелось. Алекс с досадой ударил кулаком по воде.

— Ой!

Нос катера остался слева и сзади. Сквозь пластик очков на Алекса смотрела Криста. Её тело бледно светилось сквозь зелёную воду. Они, не сговариваясь, приплыли сюда, словно их притянуло друг к другу. «А хоть бы и так, — подумал Алекс, — хоть бы и так!».

4. Двое

Им хватило выдержки сначала отправить на Землю сигнал СОС.

5. Приглашение к неизбежности

База флота появилась на рассвете. Вязкий туман разорвали стрелы кранов, проплыл по левую руку ноздреватый бетон дамбы.

Алекс пристально следил за эхолотом. Годы на Таргенте приучили его, что внизу — километры воды, и сейчас он боялся чиркнуть днищем об острые камни, следы древнего катаклизма. Миллионы лет трудился подводный вулкан, выращивал исполинскую кальдеру. Потом он уснул, а

остатки кратера образовали кольцевой архипелаг — единственную сушу на планете.

— Тихо, — мрачно сказала закутанная в плед Криста. Она удивительно спокойно уступила управление Алексу, признав его больший опыт. Так же, как приняла факт гибели колонии на Таргенте. Она вообще показала себя очень уравновешенным человеком, если не сказать больше.

Военный порт никогда не спит. Перекликаются гудками суда, жужжат генераторы и опреснители, стучит инструментами дежурная смена в ремонтных мастерских и доках. Далеко разносится кашель одинокого караульного у ворот пакгауза. Матрос шаркает сапогами, сопит, мурлычет под нос какой-то мотив или говорит сам с собой, чтобы не заснуть. Через открытые окна столовой слышен грохот кастрюль и сковородок: повара готовят завтрак.

Сейчас Главный остров полярной гряды был неестественно молчалив. Тишину нарушали только шелест волн и слабое шуршание, словно невидимый великан тащил кусок брезента по галечному пляжу.

Они подошли к берегу.

Причалы, волноломы, стены и крыши зданий, опоры кранов и мачт освещения, суда на рейде — всё покрывал буро-зелёный шевелящийся ковёр. Вода в бухте превратилась в густой суп, и это варево непрерывно выплёскивалось на сушу. Членистые твари разных форм и размеров торопились впиться, вгрызться в творения человеческих рук. Тут и там вышагивали гигантские приземистые раки. На их широких спинах распластались студенистые медузы. Обнаружив препятствие, раки сворачивали и выгибали горбом хвост. Медузы срывались, облепляли неровность, будь то камень или металл; шипело и свистело. Кверху поднимались клубы пара.

— Назад! — закричала Криста, сжав виски ладонями. — Назад-ад...

Раздался скрежет. Не веря, Алекс смотрел, как высокая решётчатая ферма напротив начала медленно крениться. Сминаясь и проваливаясь внутрь себя, она падала на катер, ускоряясь с каждым мигмом, но всё равно невыносимо медленно, сонно. Рухнула в считанных метрах впереди, подняв в воздух тучу брызг.

Оранжево-красный краб стукнулся о рулевую колонку и повис, сомкнув на дуге штурвала шипастую клешню.

— Вот пакость! — Алекс очнулся, дал реверс. Криста забилась в угол и качалась из стороны в сто-

рону, обхватив голову руками. Её губы беззвучно повторяли: «Назад, назад...»

Холодный ветер ударил в лицо. «Олуша» выскочила из бухты и помчалась прочь в открытое море.

Прошёл час, и прямо по курсу океан вскипел. В клубах пара вынырнули Огненные рыбы и выстроились кривой линией. Пришлось сворачивать. Они появлялись ещё несколько раз, когда Алекс брал влево или вправо, и снова исчезали, стоило ему вернуться на прежний курс. Рыбы вели их, как истребитель-перехватчик ведёт на свою базу вражеский транспорт, не давая свернуть или затормозить. Внезапно гонка кончилась. Раскалённые твари блокировали их со всех сторон.

— Мы на месте, — тускло сказала Криста.

— Что?

— Мы на месте, — повторила она. — Разве ты не слышишь?

— Нет! — раздражённо бросил Алекс. — Надо прорываться. Не мешай мне! Попробую поднырнуть... Сядь там и сиди спокойно! Всегда убегал, и тут...

То, что задумал Алекс, требовало максимальной точности: уйти вертикально вниз, увести за собой часть охотников, разбросать, сбить их со следы ложными рывками, а потом затаиться на дне. С людьми финт проходил. А рыбы... У них, наверное, и мозгов-то нет.

Ничего не вышло. Бездна оказалась напичкана Огненными рыбами, как земляничный джем семечками. Они были везде: по сторонам и сверху, и новые спешили из глубины, занимая эшелоны и горизонты вокруг «Олуши», оставляя одно направление — вниз.

Сзади тяжело дышала Криста.

Наконец луч носового прожектора достиг дна. Алекс выровнял и остановил катер.

— Ну и...

Он обернулся на Кристу и осёкся: девушка оказалась прямо за его спиной. Упираясь для устойчивости в основание кресла, она держала в поднятых руках толстенный том «Наставления по судоходству», готовая обрушить его Алексу на голову. Прищурился, лейтенант сосредоточенно слушала нечто, доступное только ей.

— Юрьева!

Девушка мигнула, выдохнула и опустилась в пассажирское кресло.

— Мне приказали оглушить тебя, если ты свернёшь... — тихо сказала она.

— Кто, чёрт побери?!

— Зов.

— Но ты справилась, молодец...

— Нет, — безнадёжно ответила Криста, — ты не свернул. Мы на месте.

— Опять заладила, на месте да на месте! — зарычал Алекс. — Чем это место отличается от остальных?!

Она пожала плечами.

— Секреты какие-то, Зов, Место, — снова начал Алекс. — Зачем мы здесь — в темноте сидеть?..

— В темноте? — переспросила Криста.

Её словно услышали. Снаружи зажглось множество зелёных фонариков. Стаи светящихся рачков беспорядочно сновали за стеклом колпака, заливая округу холодным сиянием. Вместе со светом оформились тени: катер застыл в центре огромного многогранника. Двадцать вершин образовали Огненные рыбы, безжизненные, остывшие. Между чёрными телами двигались радужные кальмары, вычерчивали дорожки рёбер, ровно, как по линейке. Добравшись до рыбы, кальмар делал один или несколько оборотов вокруг неё и плыл дальше.

Алекса замутило: мельтешение цветковых пятен, дикая, невозможная здесь геометрия ударили в голову не хуже водки. «Тише, умоляю», — зашептала сзади Криста. «Я же молчу», — хотел сказать охотник, но не успел.

Над придонной гранью странного додекаэдра возник студенистый бугор. Раскинул во все стороны, словно огромная амёба, прозрачные ложноножки и тяжи, трепещущие и дрожащие, тянул из воды нечто и рос на глазах! Ворочался, трепетал, как желе на тарелке, и Алекс обнаружил, что перед ним карикатурная модель человеческой головы без нижней челюсти и рта. Голова дёргала щеками, качалась, тянулась вверх в попытке вырастить губы и рот и что-то сказать. Потом на чудовищном лице распахнулись слепые глаза.

Балуяну стало зябко. Он попытался отвернуться, но не смог. Прошло несколько долгих минут, и монстр, видимо, удовлетворился осмотром, и стало легче. Слизь на голове вновь пришла в движение. Нос расплющился и стёрся, щёки втянулись, зато уши значительно выросли и изменились. На плоской макушке в вечном танце закружились гипертрофированные гениталии, мужские и женские. Они соединились последний раз, слиплись в ком и начали таять, как сахар в кипятке.

Колпак заскрипел, и Алекс с ужасом заметил, как набухли на стыках и швах прозрачные капли. Слились в лужицы и ручейки, и вдруг плюнули внутрь

Художница Лев Елена

салона тягучими струйками.

Так чувствует себя муха в паутине, оса в блюдце с вареньем, муравей в живице. Шарили по телу холодные мокрые пальцы, обнюхивали, пробовали на вкус. Потом чужое присутствие пропало, как не было, зато ожили Огненные рыбы за бортом. Они поплыли, ускоряясь, по кругу, согласованно, не нарушая строя. Между ними всё так же метались кальмары, словно неживые детали сложного механизма. Рыбы кружили быстрее, раскалялись, наливались злым светом. Потом Алексу показалось, что рыб стало больше, в десятки раз больше. Он уже не различал отдельных тел, только ослепительные полосы. Они тащили за собой застоявшуюся воду, закручивали исполинский водоворот. Между полосами возникло явственное напряжение, сама вода начала светиться от скопившейся энергии. По корпусу катера поползли извилистые, мохнатые молнии.

Закричала Криста.

Сознание Алекса распадалось, тело вопило от боли, его выворачивало наизнанку, выворачивало многократно, размазывало между витками тугой пружины, взведённой каруселью Огненных рыб. Потом внутри взорвались миллионы солнц, и Алекс перестал быть.

6. До

— Глупо всё получилось, — глухо сказал Алекс сквозь мембрану дыхательной маски.

— Да.

Безбрежный океан вяло облизывал галечный пляж крохотного островка. Позади, среди чёрных базальтовых глыб, лежал бесполезный катер. Бесполезный с той минуты, когда они определились во времени и пространстве. Вокруг, несомненно, простирался Таргент, молодой Таргент за миллиард лет до того, как на далёкой Земле первый примат взял в руки палку.

Компьютер катера не врал. Об этом говорила пустота на орбитах, странный рисунок созвездий, состав атмосферы и, самое главное, абсолютная стерильность морской воды.

Паника и слёзы быстро прошли. Какой в них

смысл, если не родились даже дальние пращурсы тех, кто может тебя услышать и помочь? Мёртвое спокойствие и опустошение — больше ничего не осталось.

— Я не слышу Зов, — сказала Криста. — Раньше он всегда был рядом, у меня в голове. Теперь он молчит, значит — океан мёртв.

— Он будет жив, — ответил Алекс, — через миллиард лет.

— Я не хочу сидя ждать смерти! — Криста порывисто встала и начала раздеваться. — Мы скоро умрём, — она помотала головой, — но пусть это будет так, как хочу я! Прощай...

Девушка передёрнула плечами и вбежала в море.

— Тепло, — удивилась она, — щекотно.

Вокруг её тонкой фигуры крутилась вьюга. Вода помутнела, словно в неё насыпали муки. Криста таяла, растворялась в океане! Кожа стала прозрачной, и тело девушки исчертила сетка вен.

Алекс тоже встал и полез из комбинезона. Он понял, почему океан щадил их, понял, для чего подводная тварь забросила их сюда.

Он даже понял, что именно она пыталась им сказать!

В воде он подхватил Кристу на руки, развернул лицом и прижал к груди. Она посмотрела ему в глаза, мечтательно улыбнулась и обхватила его бёдра ногами. Тогда он вошёл в неё последний раз и замер, слушая, как вода сладко щиплет кожу.

Это значило, что бесчисленные комочки протоплазмы покидают его тело, обретают свободу и самостоятельность, и пускаются в долгий, долгий путь! Их подхватят морские течения и разнесут по пустому пока миру. Кто-то останется на побережье, а кто-то опустится в тёмные глубины. Семена упадут везде, и ни одно место не останется бесплодным.

Это значило, что бесконечные живые существа заселят этот мир, и в каждом будут вечно жить Криста и он.

Криста в его руках вздрогнула и ослабла. Уже скоро. Алекс закрыл глаза.

У них с Кристой не будет детей. Зато они зачнут жизнь на мёртвой пока планете... станут морскими тварями... хищным планктоном... медузами, крабами и омарами... огненными рыбами... и даже невероятным монстром... из глубины...

И неф...

Богданов Борис (bbg Борис)

writercenter.ru/profile/bbg/whois/

Художница Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Арахнофилия

Бойков Владимир

В мою каюту ворвался капитан. Редкие волосики на его лысине стояли торчком. Лицо лоснилось от пота.

— Спасай! На тебя вся надежда.

— Авария? Я же в технике ни бум-бум, ты знаешь.

— Авария. Но не техническая. Скорее — дипломатическая, точнее — международная, а конкретнее — финансовая.

— Как это, как это?

— У паучихи с Марса муж скончался. Она рвёт и мечет. Вернее, кусается. Уже три пассажира в коме. Представляешь, сколько с нас бабок сдерут? Мы не только зарплату не получим, мы на долговую каторгу угодим.

— А может, она сама его?.. У пауков вроде случается после секса.

— Вряд ли. Они же цивилизованные. К тому же недавно поженились. Медовый месяц у них. Был.

Я недовольно поморщился:

— У дамы, конечно, горе... Но я тут при чём? Пусть врачи подсуеятся.

— Врачи бессильны, успокоительные не действуют.

— Неприятно, — сказал я, стараясь сохранять показное спокойствие. — Но я?..

— Именно ты. Кто ты у нас по штату?

— Сам знаешь.

— Правильно. Директор по планетарным межвидовым отношениям.

— Понятно, куда клонишь...

— Не клоню, а прошу. Вернее, приказываю. Взбесившаяся паучиха кусает пассажиров галактического круизного лайнера. Усмири.

— Мне что, с ней переспать или романсы петь? Как я её усмирю?

— Всё равно, как. Хоть словом, хоть делом. Главное — успокой. Посмотри в бортовой энциклопедии. Там об этих пауках достаточно сведений.

— А если не получится? Кома меня не устраивает. Без оружия не пойду, — заупрямился я.

— Не возражаю, но только не летальное. Возьми шокер. Второй войны нам ещё не хватало с марсианами.

— А когда произошла первая?

— Давным-давно. Мы тогда ещё и в космос не летали. В старых книгах описано.

Информации в энциклопедии обнаружилось много. Но об интимных отношениях арахнов — ни гу-гу. К чему мне знать о песчаных городах,

Художник Иван Дмитриев

кулинарных пристрастиях и способах выращивания мясных арбузов? Но одна зацепочка всё-таки нашлась. Пауки очень тщеславны.

Я потренировался перед зеркалом, закрепил на лице самую льстивую гримасу и, прищемив свою инстинктивную арахнофобию, отправился на свидание. По дороге заглянул в бар. Там постоянно тусовались мужские особи арахнов. Говорить они не умели, общались мыслительными сигналами, но и без криков могли всё разгромить, если им вдруг что-то не нравилось. Как всегда, они пили «Кровавую Мэри» и требовали новых песен Дэвида Боуи. Говорят, властям пришлось оживить этого дремучего рокера, чтобы пауки с Марса поменьше буянили.

На мой вопрос, как утихомирить сексуально озабоченную самку, внятного ответа не последовало:

— Кто их, баб, знает, чего им вдруг захочется? Раньше, случалось, они в экстазе мужикам головы откусывали, но теперь, слава богу, это запрещено.

Дверь каюты бесшумно открылась. Повсюду висели кружева из паутины. Красивые. Свет притушен. Вот как выглядит любовное гнездышко этих грозных тварей. Кровати, однако, не было.

— О, свет моих восьми очей! Как прекрасны,

стройны и проворны твои члены, — выдал я первую лесть.

Из тёмного угла стремительно вынеслась лохматая, огромная и невыразимо безобразная паучиха.

— Что ты брешешь, уродец, у тебя всего два глаза, — прозвучали в моей голове слова убитой горем особи.

— Ещё шесть внутренних, — сообразил я. — И они видят, как ты красива.

— Продолжай. Ты вроде не такой идиот, как те, что приходили с соблезнованиями.

— Твой мохнатый животик так заманчиво шелковист!..

Паучиха закатила свои восемь глаз, её брюшко опустилось и стало елозить по полу.

— Твоя талия толста, челюсти мощны, а нить из твоей попки длинна, прочна и изящна!

Марсианка распласталась, её лапки задрожали.

— Помассируй мне бородавочку, — пискнуло у меня в голове.

«Эх, буду требовать у капитана премию! — возликовал я, осматривая подрагивающее тело в поисках эрогенной зоны паучихи. — Ага, вот она, пульсирует. Противно, но...» — Я осторожно коснулся пальцами мерзкого волосатого бугорка.

Через минуту паучиха уже тряслась в экстазе.

— Ещё, ещё сильнее, ну что ты такой безлапый!

Двумя руками я принялся тискать и мять эту ненавистную бородавку.

— Жми, дави, ещё, ещё! — орала паучиха.

Я сжал кулаки и стал лупить по бугорку изо всей силы, а ей всё было мало.

— Укушу, — выла паучиха. — Дави сильнее!

Но я уже порядком устал и совсем задыхался.

— Ты не только урод, ты ещё и импотент, человечешко!

«Надо было в спортзал ходить, — мелькнула запоздалая мысль, — а не в Elder Scrolls-286 играть».

Паучиха изогнулась, распахнула хищную зубастую пасть.

Я успел выхватить из кармана шокер и врезать разряд в её бородавочку.

— Лучше каторга, чем кома, — сказал я сам себе, пнул вздрагивающее тело и вышел из каюты.

— К вам идёт капитан! — сообщил электронный голос из динамика.

«В жопу капитана, — огрызнулся я мысленно. — И всех пассажиров, всех этих медуз, осьминогов и разумных тараканов». — Развернулся на кровати лицом к двери и стал ждать. — «А Марс с его пауками — напалмом», — додумал я безжалостную мысль неожиданно проснувшегося ксенофоба.

— Ладно, ладно, лежи, — сказал капитан, — понимаю, устал. Но тебя эта паучиха требует. Так что вставай!

— Я её не убил, не покалечил?

— Да этих гадов ничем не возьмёшь! — скривился капитан.

Надо же, оказывается, думаем мы почти одинаково. Но капитан более оптимистичен. Или наоборот?

— Пошли.

— Марсианка требует жертвоприношение, — предположил я, — иначе межпланетный конфликт?

— Угадал.

— А если окажу сопротивление?

— Не советую.

Мы вошли в каюту.

— Ну, вы тут сами, — сказал капитан и поспешно удалился.

Паучиха нависла надо мной, склонив голову. Её восемь глаз рассматривали меня внимательно. Из пасти начало выдвигаться тонкое жало.

— До чего же ты всё-таки безобразен, маленький землянин, — прозвучал её вердикт.

Надо было спасаться, но ноги не слушались, руки повисли плетью.

«Ведь читал же, что пауки владеют гипнозом», — вспомнил я. А потом голова словно взорвалась. Что-то похожее на тысячекратно усиленный оргазм, невероятно восхитительное, ослепительно красочное, яркой вспышкой пронзило мозг и горячими потоками растеклось по телу. Мир исчез. Сколько времени я плавал в этой немислимой эйфории? Неизвестно. Наверное, вечность.

— Совсем некрасивый, — ворчало в голове, когда я очнулся. — Но любовь — зла, как говорят земляне.

— Вот это да-а-а! — выдохнул я восторженно.

— Понравилось, шалун? Тогда помассируй мне ещё бородавку. Ну пожалуйста.

Я вынул шокер. Провёл ладонью по нежной шелковистой шёрстке и включил разряд.

Leshik Birich

Художник во тьме

Мне холодно и душно... свет померк.
Дрожит рука и тянется за кистью,
И пишет черные на белом фоне листья
И тени смутные таинственных химер.

Мне хочется писать цветные сны,
Где травы зелены и небо голубое...
Но это ложь! И в сумрачном покое
Мои глаза во тьму устремлены.

А кисть бежит — ложится тонкий штрих,
И кажется, что я над ней не властен...
Сейчас живу я только этой страстью —
И, видит Бог, не нужно мне иных.

Мне холодно и душно... свет иссяк,
Зажгу свечу — пародию на солнце,
Что иногда в чердачное оконце
Светило мне, отпугивая мрак.

Теперь мне страшно быть среди людей —
Я вижу ложь в пустом холодном взгляде,
И сразу мысли сладкие о яде
Меня одолевают все сильнее.

И вот я здесь, на старом чердаке...
Пытаюсь возродиться вновь из праха,
Борюсь из ночи в ночь с холодным страхом,
И кисть — как острый нож в моей руке.

Меняйлов Роман

Моему сыну

Давай, родной! Все очень ждут.
Должна весной проснуться речка.
Не хочешь, маленький ты плут,
Покинуть тёплое местечко.

Послушай песню, мой малыш,
Спою тебе глубоким низом.
Последний снег сползает с крыш,
Счастливым день уже так близок.

Давай, родной! Пора разбить
Копилку полную сомнений;
Большой подарок — просто жить!
Но жизнь пуста без продолжений.

Пойми же ты, что мне уже
Отцовство грезится ночами;
Стою на крайнем рубеже —
Сундук, наполненный годами.

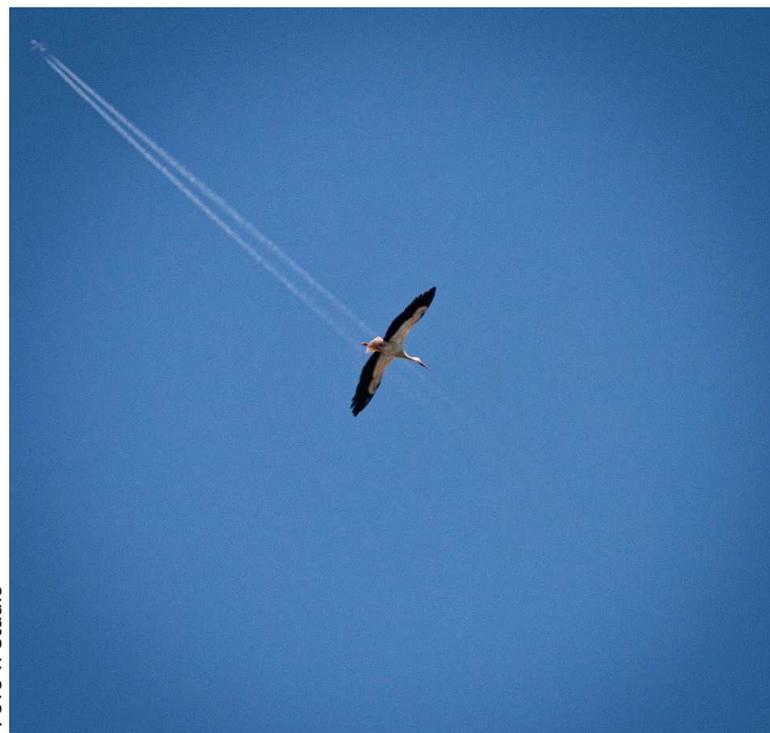

фото h-studio

Рожкова Елена

Осень — теплое коварство,
Детвора резвится дружно,
Ты болеешь, пьешь лекарства —
Нужно, нужно, нужно, нужно...

Гулким эхом охи-вздохи
По квартире бродят звучно,
Несмешные скоморохи,
Скучно, скучно, скучно, скучно...

Надоело корчить рожи
Тем, кто там, здоров и счастлив,
И без них играть ты можешь,
И прекрасно, и прекрасно...

Белый лист — начало утра,
Миг начала самый первый,
Будто сахарная пудра,
Белый, белый, белый, белый...

Целый мир тебе подвластен,
Не чета ребячьим войнам,
Можно сделать ему счастье
Или больно, больно, больно...

— Видишь, мама, это — «наши»,
На траве — убитый мальчик,
Он — как я, немного старше...
Мама плачет, плачет, плачет...

Слезы по щекам стекают...
— Ну какая ты смешная!
Это же игра такая!
— Знаю, знаю, знаю, знаю...

— Ну вот что с тобой мне делать?
Хочешь, я листок раскрашу?
Он уже не станет белым...
Но тебе не будет страшно.

Танку пририсую уши,
Будет слон такой чудесный,
А граната станет грушей!
Честно, честно, честно, честно...

Мальчик просто загорает,
Просто притворился мальчик,
Ластик смерть с лица стирает...
Ну зачем ты, мама, плачешь?

Может, в мире настоящем
Не имеют силы краски?
И не верит он, пропащий,
В сказки, сказки, сказки, сказки...

Но тогда черту косую
Я на нем поставлю срочно,
Я его перерисую!
Точно, точно, точно, точно!

Leshik Birich

writercenter.ru/profile/leshik_birich/whois/

Меняйлов Роман

writercenter.ru/profile/menyailovr/whois/

Рожкова Елена

writercenter.ru/profile/Helenora/whois/

Фото h-studio

flickr.com/photos/h-studio/

На десерт

Новая жизнь

Долой «новую жизнь», здравствуйте, новые Вы!

Каждый из нас хоть раз в жизни давал себе обещание начать новую жизнь. С завтрашнего дня, с понедельника, со следующего отпуска, с Нового года, наконец. И сколько из этих обещаний было выполнено? Стыдно?

А знаете, почему Новая жизнь так и не начиналась? А потому, что в «старой жизни» нам и так было неплохо. Ленишься ведь так легко. Переесть так вкусно. Лежать на диване так удобно. А английский не сильно-то и нужен в повседневной жизни. И латину со стороны гораздо удобнее наблюдать, чем регулярно ею заниматься. Не говоря уже о том, что классику перечитывать так нудно. А хенд-мейд можно и купить, а не заморачиваться с лепкой и плетением макраме.

На самом деле вам не нужна новая жизнь, нужны новые Вы. Да. Новые. Я уверена, что вам понравится плавать в бассейне по выходным. Не сомневаюсь, что футбол со старыми друзьями даст вам больше позитива, чем вечер перед телевизором. Я убеждена, что в том платье, которое вы вчера не смогли натянуть даже с мылом, вам будет комфортно и, главное, красиво, после даже всего лишь пары месяцев тренировок.

У моей подруги есть любимое выражение: «Никогда не говори, что бы было. Говори – что бы есть».

Так пусть в Новом 2014 году у вас «есть» любовь, здоровье, удача и повод для искренней улыбки.

И сделайте, наконец, вашу «старую жизнь» такой, чтобы через год можно было честно сказать – **я смог, я сделал это!**

© Меллори

Меллори Елена
writercenter.ru/profile/Mellory/whois/
by Andrey Ivanchenko
www.anry.ru

Анна Анакина. ОГЛЯНИСЬ, ПРЕЖДЕ, ЧЕМ СДЕЛАТЬ ШАГ... 16+

Роман

Реализм

Чисто женский роман. Героиня вошла в тот период, что принято называть — кризис среднего возраста. История о том, как она смогла выйти из сложной для неё ситуации.

Анна Анакина. НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ... 16+

Сборник рассказов

Реализм

В сборнике собраны рассказы с различными жизненными ситуациями. Показано, как герои ведут себя в тех или иных условиях.

Александр Лешуков. КОГДА Я ВЛЮБЛЮСЬ... 16+

Роман

Реализм

Когда я влюблюсь. Эти две строчки открылись мне весенним утром 1993 года, когда, разбираясь с накопившимся на антресолях хламом, я неожиданно обнаружил посылку, перетянутую капроновым шнуром.

Невская Елена. Неприкасаемый. 12+

Роман

Лирика

Главная тема романа – проблема «неприкасаемых», рассказанная от лица девушки, приехавшей в Индию из России и оставшейся там навсегда. Все истории, описанные в данной книге, выдумка лишь отчасти. Зверства, учиняемые над неприкасаемыми в Индии, остаются безнаказанными и в наш «просвещенный и продвинутый» XXI век.

Анна Анакина. Сказки... 6+

Сборник рассказов

Сказка

В сборник вошло несколько сказок, написанных в разные годы.

Анна Анакина. ИЩЕЙКА. 16+

Роман

Реализм с элементами мистики

История о женщине, обладающей паранормальными способностями.

Алиса. ОТЧАЯВШАЯСЯ. 12+

Сборник рассказов

Мистика

Мистические рассказы:

1. Отчаявшаяся; 2. Остановка; 3. Предостережения; 4. Черное солнце.

Гольшанская Светлана. СНЫ О СИНЕОКОЙ. 16+

Сборник рассказов

Мистика

Мистические рассказы о Беларуси:

1.Проклятье замка Кужигай (историческая мистика); 2.Под сизыми крыльями (современная мистическая новелла); 3.Гоетия (мистический детектив); 4.Дом сновидений (лавкрафтовская мистика); 5.Подземка (городское фэнтези с элементами сюр)

Евстратова Марина. ЗАПИСКИ ИЗ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА. 16+

Сборник рассказов

Мистика, фантастика

В сборник вошли следующие рассказы: «Сегодня-завтра»(полная версия),«Завтра-послезавтра», «Сон», «Назад в никуда», «Возвращение Леонида», «Сны смерти», «Патанатомия ужаса»

Евстратова Марина. [ТЕНЬ ДУШИ.](#) 16+

Повесть

Мистика

Попытка заглянуть в глубинное Я через приключения героя. Для достижения цели и постижения себя ему приходится через многое пройти. Боль и утрата близких и родных. Предательство, собственная измена и «друг», который оказывается не тем, за кого выдает себя.

Анна Анакина. [ОСТРОВ ПУСТОТЫ.](#) 12+

Роман

Фэнтези

Извечная проблема добра и зла.

Однажды в мир людей вторглись существа, считающиеся легендой. Главные герои в попытке найти родных попадают в различные миры.

Приключения, открытия и даже война стоит на пути достижения цели.

Анна Алмазная (Melody). [ЛОЗА ШЕРЕНА.](#) 18+

Роман

Фэнтези

Плохо быть незаметным и никому не нужным. Оказывается, еще хуже — обладать способностями, которые нужны всем. И тогда весь мир старается наложить на тебя лапу. Хорошо иметь такого союзника, и уже совсем не важно, что союзник вовсе к подвигам не рвется и жаждет только одного — покоя.

Анна Алмазная (Melody). [ВЛАСТЬ БЕЗУМИЯ.](#) 18+

Роман

Фэнтези

Они ненавидят связывающие их узы, но не хотят их разрывать. Они ходят по грани и доводят друг друга до безумия. Они всемогущи, но в то же время слабы и иногда наивны до боли. Они отчаянно рвутся из сетей, но все более в них запутываются. Они будущие соперники, они же самые близкие друзья — гордый наследный принц и его свободолюбивый телохранитель.

Еналь Варя. [САЕН: ЛИГА ВЕРНЫХ.](#) 12+

Роман

Фэнтези

Роман написан в христианском ключе. Богов может быть много. Но Создатель один. В храмах можно приносить жертвы, но покой и освобождение не купишь за кровь животных. Судьбу переменить не возможно, но есть цена, которую платят все. Сила, которой обладает Саен, невероятна. Он — особенный. Он знает и видит самую суть, ему подчиняются духи. Как он распорядится своей силой? Зачем он пришел в этот мир? Откуда его знания? Это — философское фэнтези, это новый взгляд на христианство. (Вторая книга из цикла «Мечи Суэмы»)

Гольшанская Светлана. [10 ТАЙН ОХОТНИКА НА ДЕМОНОВ.](#) 16+

Повесть

Мистика

Когда-то Стражи защищали этот мир от злобных порождений червоточин. Прошло время. Славные деяния Стражей были преданы забвению. Началась долгая, кровопролитная Война за веру и они проиграли. Охотники сами стали добычей. Чтобы исполнить древнюю клятву своего рода, Дэвид Комри отправляет младшего сына Николаса на Охоту Стражей. Его путь лежит на край света в таинственный храм Шамбалы, где его ждет испытание Мертвого бога. Только после этого он сможет вернуться домой. Если ему еще будет куда возвращаться.

Каталог

Маэринн. КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ. 16+

Повесть

Фэнтези

Двести лет люди и ситы истребляли друг друга. И вот война окончена, посольство нечистых везет в родную Пуцу договор о мире, подписанный самим королем. А Хейли Мейз, наследник владыки приграничного Синедола, горюет, что поздно родился и не успел проявить себя в битве. Он еще не знает, что судьба ему улыбнется...

Если уж нечистый расточает улыбки весны, значит, нацелился на душу. Души людские — вот их истинная страсть, их нужда, их пища. (Из наставлений отца Бартоломью, духовника Хейли Мейза.)

Романовская Ольга. ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ. 18+

Роман

Фэнтези

Всего один день делит всё на до и после. До — школа, грядущая свадьба, мирная жизнь, после — рабство, статус вещи, игрушка в руках хозяина. Только кто из вас двоих свободнее? И остались ли в стране победителей люди, а не только продукты общества с исковерканными понятиями, чувствами и душой?

Романовская Ольга. ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ. 18+

Роман

Фэнтези/ Приключения

Случайно спася темного мага Лэрзена, Одана не предполагала, что вскоре он окажется единственным, кто согласится, пусть и за деньги, помочь ей. На девушку, ничем не примечательную библиотекарку, открывает охоту сам Наместник. Чем же вызвано столь пристальное внимание?

Татьяна Русуберг (suelinn). АРКАН. 16+

Роман

Фэнтези

Аркан — это колода карт. Магический артефакт, способный предсказывать судьбу. Но даже его помощи может быть недостаточно, чтобы найти брата и сестру, которых Найд долгое время считал мертвыми. Забывший собственное имя, потерявший дар речи и семью, отказавшийся от своего дара. Теперь пришло время вернуть все. Даже если цена будет высока.

Яна Рунгерд. НЕДОПРЯДЕННАЯ НИТЬ. 16+

Сборник рассказов

Фэнтези

Наш мир — сложен и непознаваем. Иногда то, что есть на самом деле — совсем не то же самое, что кажется, и только ты сам виновник того, как изменился твой путь. Но жизнь не заканчивается, а значит, все еще может измениться. Нить судьбы еще не спрядена и ее еще можно изменить.

Евгения Сафонова (Бука Нист). ОКОВАННЫЕ ИГРОЙ. 16+

Роман

Фэнтези

Первая часть тетралогии. Это история о маленькой девочке с двумя большими тайнами. О девочке, скованной цепью опасных игр, где играют тобой, но не с тобой. О принцессе, которая хочет чего угодно, но только не проклятия власти. Приятно ли это — стать пешкой, которой никогда не выйти в королевы? Не более, чем метаться между любовью и обрушенным доверием. Ведь когда тебя затягивает омут сомнений, то остаётся лишь убийственно наивно верить в свои желания. И кто бы говорил, что это — просто...

Ула Сенкович. И ПРИДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ. 16+

Роман

Фэнтези

Пробовали путешествовать по мирам? Лечь спать в своей постели, а проснуться посреди битвы, да еще получить мечом по голове? Нет? И не пытайтесь, вам не понравится... По себе сужу. Конечно же, я сделала всё, чтобы домой вернуться — в дорогу отправилась, друзей нашла, даже влюбилась. Но мне предложили выбор: любовь, страсть или деньги. Какая нормальная женщина возьмёт что-то одно из этого списка? Ведь если брать, так всё! Вот я слегка и запуталась...

Фиал. КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. 16+

Роман

Фэнтези

Сказка о Теплом мире, который слишком сильно доверял людям, слишком баловал любимых детей. О любви, победившей смерть и почти победившей жизнь, если бы не другая любовь. О дружбе, предательстве и спорах. О вере в себя и вере в людей. О жизни и смерти.

Химера Паллада. ТЕМНЫЙ ЦЕЛИТЕЛЬ (КНИГИ 1, 2 и 3). 18+

Роман

Фэнтези

Все стандартно. Попаданка. Раненое Сердце Мира. Команда спасателей. Великое исцеление. Конец сказки. Но это жизнь. Выжившие вернулись. Мир все также нуждается в спасении. И надо как-то жить дальше. Я — Целитель. Темный, ибо демон. Я — не Спаситель мира. Уж не от меня ли тебя будут спасать, Мир?

Шевцова Анастасия. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ, КНИГА 1. НА ОСТРИЕ ВЛАСТИ. 16+

Роман

Фэнтези

Мир внутри мира — тайна, хранимая веками... Королевство Поющих ветров — материк, скрытый твердо-тягучими потоками воздуха, много веков принадлежал семени Тара Валлора. Однако не только род человеческий желал властвовать на благословенной земле: многоликий демон Земар-ар терпеливо ждал заветного часа, чтобы подчинить врагов своей воле. Два тысячелетия потомки Тара — дети Крови, поклонялись идолу, утопая в междоусобных распрях и кровавых интригах, пока по обетованию одного из великих королей, в Ведущей генетической линии не родился последний чистокровный наследник.

Шевцова Анастасия. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ. КНИГА 2. НАСЛЕДНИКИ ОТРЕЧЕНИЯ. 16+

Роман

Фэнтези

Северный герцог, опора Королевства и любимый брат Ее Величества, пал от руки последователя языческого Ордена. Его смерть послужила началом для ответной партии Земар-ар, порождения древней тьмы, верование в которого давно вошли в плоть и кровь народа. Когда угасает последняя надежда, кровь отречения свидетельствует перед наследниками о грядущей тьме.

Шевцова Анастасия. ПУТЬ ПЛАМЕНИ. 18+

Роман

Фэнтези

Лиран Валлор, дитя Крови, не похожая на свой род ни лицом, ни нравом. Жертва, которой выпала доля стать избранным сосудом чудовища, готового на все, чтобы вернуть власть. Не в силах сопротивляться зову тьмы и собственным чувствам, принцесса становится игрушкой в руках ключевых фигур Королевства. Ее окружает ложь, предательство и равнодушие, а в душе пылает безответная страсть и безумное желание свободы. Запутавшись в сетях долга, она уже не знает, где добро, где зло, и какой выбор — верен.

Ваевский Ян. [ОТНЫНЕ Я — ТВОЙ МЕЧ.](#) 18+

Роман

Альтернатива

Альтернативный мир, историческая хроника. История о том, какими бывают настоящие короли, несмотря на то, что всю жизнь приходится скрываться под мужским платьем. История дочери короля, которой волей судеб пришлось взять на себя управление страной. История о том, как принцесса Сейдар стала королем Садаром.

Анна Анакина. [ФАНТАСТИКА И МИСТИКА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ.](#) 16+

Сборник рассказов

Фантастика/Мистика

В сборник вошло несколько небольших фантастических и мистических рассказов.

Денис Бурмистров. [РАВНОВЕСИЕ ПАРЕТО.](#) 16+

Мистика / Фантастика / Хоррор

Фантастика

Обычному клерку армейский товарищ оставляет квартиру в далеком шахтерском городке Славинск. Влекомый меркантильным интересом, главный герой приезжает ознакомиться с подарком и, сам того не желая, становится участником поистине странных и пугающих событий. По улицам бродят жуткие существа, сами улицы вдруг меняют свои направления, а люди вокруг по необъяснимой причине пропадают. Теперь основным желанием становится выжить. Выжить и поскорее убраться из ставшего ловушкой города.

Ирина Ковалева (Ikki). [ТОГДА, КОГДА...](#) 16+

Сборник рассказов

Фантастика, мистика

Рассказы с сетевых конкурсов — Грелка, ХиЖ, БлэкДжек, РБЖ-Азимут и, конечно, конкурсов МП.

Костиков Александр. [ОЛИМПИК](#) 16+

Роман

Фантастика

На орбите Олимпики появляется «Летучий голландец» — частная яхта «Один». Исследовать корабль отправляются агент Комитета Галактической Безопасности Крис Хаппельмайер и команда полицейского спецназа.

Никонович Сергей. [АЛЬКУРД ПАРДЕС I. ДЕНЬ МИРА.](#) 16+

Роман

Фантастика/ Фэнтези

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими пара-магическими силами. Молодой снайпер Никро проваливает выпускной экзамен и вынужден проходить курс переподготовки. В это время по академии прокатывается волна странных смертей. Волею случая именно в руках снайпера оказываются ключи от этой загадки...

Никонович Сергей. [АЛЬКУРД ПАРДЕС II. ДЕНЬ СОЛНЦА.](#) 16+

Роман

Фантастика/ Фэнтези

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими пара-магическими силами. Зиг Заннинс — загадочный ученик, переведенный в академию незадолго до очередного выпуска, пытается узнать тайну прошлого своей родной сестры.

Татьяна Русуберг (suelinn). МИР В ХОРОШИЕ РУКИ. 12+

Роман

Фантастика

Лиан — обычный питерский подросток с необычным именем, доставляющим одни неприятности. Неожиданный подарок от странной незнакомки, детский волчок, переносит его в конгломерат четырех миров, соединенных осью, по которой движется Ветер Времени. Перед Лианом встает дилема — вернуться домой или стать властелином новой вселенной?

Татьяна Русуберг (suelinn). ШЕСТЬЕ ВРАТА. 18+

Повесть

Фантастика

«Шестые врата» — закрытый портал в интернете, на котором некий Шива собирает группу для штурма таинственных врат, неожиданно возникших два года назад в спальном районе Петербурга. Врата, которые открываются только для шестерых, ведут... Куда? Избранникам Шивы скоро предстоит это выяснить.

Сергей Хорунжий. ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА. 18+

Повесть

Фантастика

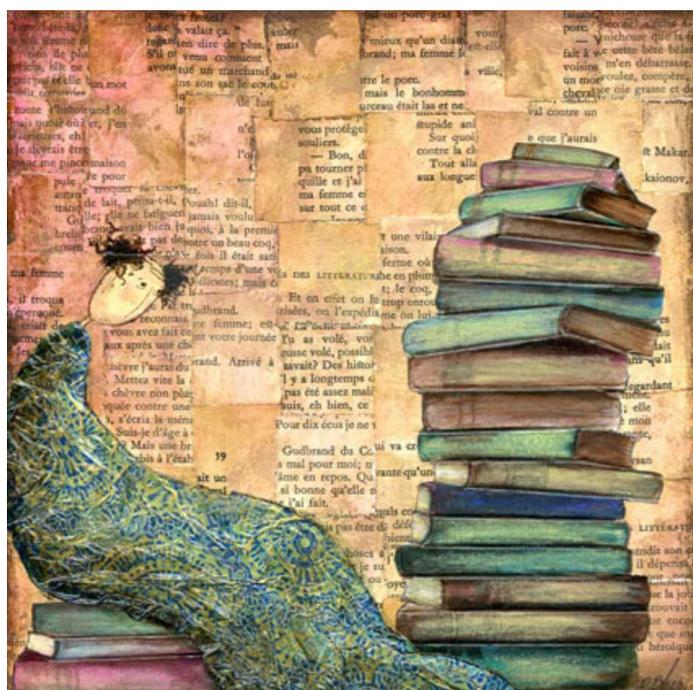
Когда жизнь летит под откос, а страны, которую обещал защищать, больше нет! Когда твои умения не нужны никому, а идти, по сути, некуда. Когда собственную совесть приходится топить на дне стакана и однажды родным домом оказываются привокзальные трущобы родной столицы — у нормального человека выбора нет: либо на тот свет, либо прямиком в прекрасное далёко, то бишь в будущее! А чтоб нескучно было одному насмешница-судьба загружает в попутчики малыша-дошколёнка, женщину, а как же без неё-то, и дабы совсем доконать, щенка-телепата и папаню его, мутанта-переростка. Такая команда, повиснув...

Яна Ржевская (Twillait). ОСКОЛКИ СКВОЗНЯКОВ. 12+

Сборник стихотворений

Лирика

«Изломанные сны, осколки сквозняков...» Стихотворения разных лет, стилей и настроений. Кто-то просто пройдет мимо, кто-то найдет здесь что-то своё, близкое...

by Delphine Blais

В следующем номере:

by Asia Liv

СНЫ О ЛЮБВИ

Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика